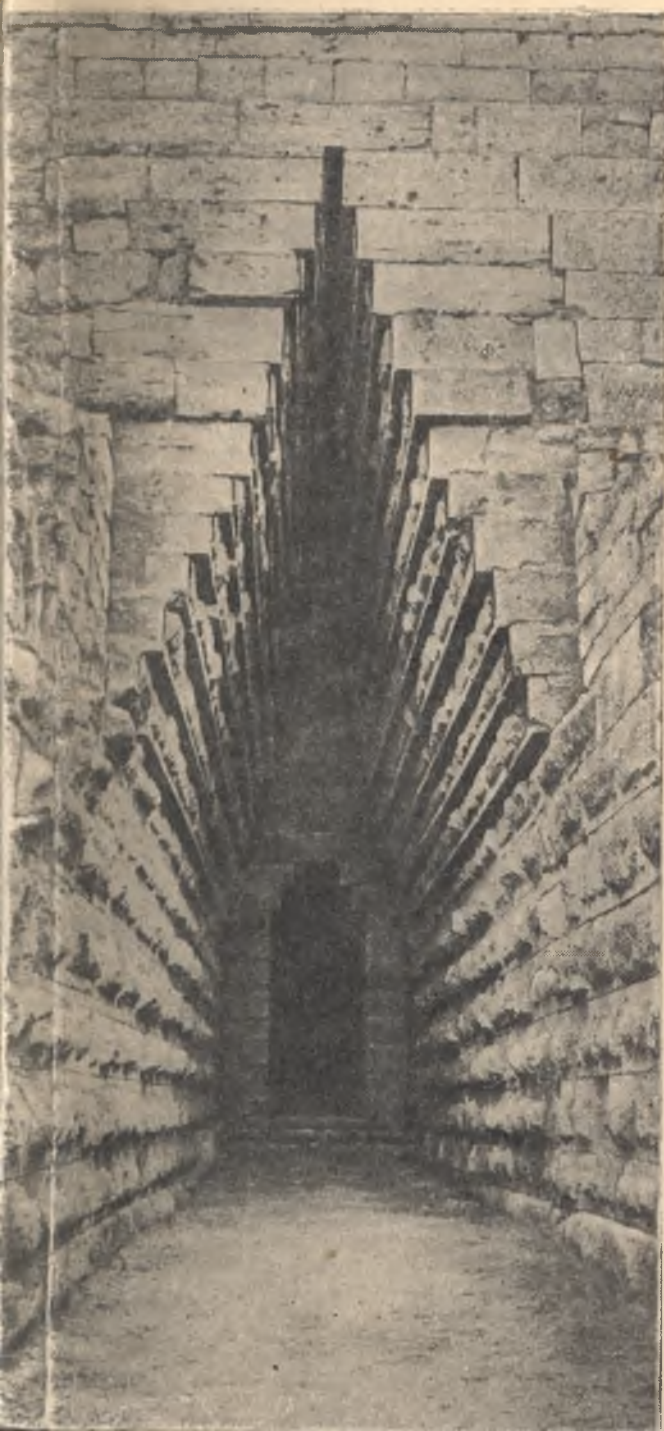

В. Ф. ГАЙДУКЕВИЧ

БОСПОРСКИЕ ГОРОДА

УСТУПЧАТЫЕ
СКЛЕПЫ

ЭЛЛИНИСТИЧЕСКАЯ
УСАДЬБА

ИЛУРАТ

«НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ
ОТДЕЛЕНИЕ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

В. Ф. ГАЙДУКЕВИЧ

БОСПОРСКИЕ ГОРОДА

**УСТУПЧАТЫЕ
СКЛЕПЫ**

**ЭЛЛИНИСТИЧЕСКАЯ
УСАДЬБА**

ИЛУРАТ

Под редакцией
А. Л. ЯКОБСОНА

ЛЕНИНГРАД
«НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1981

В издание включены материалы археологических раскопок автора на территории Боспорского царства в 1951—1960 гг., содержащие ценнейшие сведения по истории и культуре одного из крупных государств античной эпохи, существовавших на территории юга СССР.

Книга рассчитана на историков, археологов, искусствоведов.

Содержание

От редактора	3
Боспорские погребальные склепы V—IV вв. до н. э. с уступчатым покрытием	6
Золотой курган	6
Царский курган	25
Склеп у Тобечикского озера, и еще раз к вопросу о генезисе боспорских склепов с уступчатым покрытием	45
Курганы с уступчатыми склепами близ Мирмекия	52
Загородная сельская усадьба эллинистической эпохи в районе Мирмекия	55
Открытие усадьбы и раскопки ее в 1951—1956 гг.	55
Архитектурный комплекс усадьбы	60
Хозяйство усадьбы	71
Илурат (раскопки 1954—1960 гг.)	76
Участок I	76
Участок III	82
Участок IV	110

Настоящей книгой Институт археологии АН СССР продолжает издание трудов Боспорской экспедиции. Книга состоит из неопубликованных работ многолетнего руководителя экспедиции — В. Ф. Гайдукевича.

Первая из издаваемых здесь работ посвящена боспорским погребальным склепам V—IV вв. до н. э. с уступчатым покрытием. Вторая работа подводит итоги раскопкам загородной сельской усадьбы эллинистического времени, расположенной в районе Мирмекия (раскопки 1951—1956 гг.). Наконец, тема последней работы — результаты исследований крепости-поселения Илурат близ с. Ивановки в районе Керчи, относящегося к I—III вв. н. э. (раскопки 1954—1960 гг.). Каждая из названных работ — это плод большой исследовательской работы автора.

Раздел «Боспорские погребальные склепы V—IV вв. до н. э. с уступчатым покрытием» состоит из трех частей: 1) Золотой курган, 2) Царский курган, 3) Склеп у Тобечикского озера.

В первой части В. Ф. Гайдукевич, сопоставив чертежи Золотого кургана с отчетом Карейши и описаниями Дюбуа де Монперё и Дюбрюкса, исправил ряд неточностей и противоречий в плане, помещенном в «Древностях Боспора Киммерийского». Это позволило автору представить графическую реконструкцию купольной гробницы кургана. Значительным вкладом в изучение погребальных обычаев Боспора является впервые воссозданная история сооружения памятника. Используя стратиграфические наблюдения А. Е. Люценко, автор установил, что Золотой курган — это комплекс из трех последовательно сооруженных гробниц, перекрытых впоследствии общей бутовой насыпью, охваченной снаружи циклопической кладкой.

Во второй части исследования о склепах с уступчатыми покрытиями на основании новых, детальных и точных обмеров Царского кургана, выполненных А. А. Шалькевичем,

В. Ф. Гайдукевич показал, что дромос и склеп кургана дошли до нас отнюдь не в первоначальном виде. Им выявлены позднейшие, относящиеся уже в XIX в. привнесения в архитектуру памятника (на что прежние исследователи не обращали внимания), выяснены и некоторые другие вопросы, касающиеся истории сооружения Царского кургана.¹

В третьей части той же работы В. Ф. Гайдукевич вводит в научный оборот уступчатый склеп у Тобечикского озера, обследованный им в 1951—1952 гг., и дает, исходя из устройства перекрытия, классификацию боспорских каменных склепов IV в. до н. э. В связи со склепом у Тобечикского озера В. Ф. Гайдукевич вновь рассматривает вопрос о происхождении боспорских уступчатых склепов и убедительно показывает, что истоки этой архитектурной композиции и самой традиции таких склепов следует искать вне Боспора, где этот архитектурный тип появляется уже в сложившемся виде.

Работа об уступчатых склепах Боспора была широко задумана В. Ф. Гайдукевичем, но осталась незаконченной. Автор собрал для нее большой материал, исчерпывающе использовал архивные данные и результаты собственных исследований. В эту работу В. Ф. Гайдукевича редакция включила подготовленное им дополнение, содержащее сведения о трех курганах близ Мирмекия с аналогичным покрытием, раскопанных А. Е. Люценко. В. Ф. Гайдукевич предполагал дать в своей работе и критический обзор новейшей литературы о боспорских уступчатых склепах, но эту часть работы автор завершить не успел. Однако взгляды самого В. Ф. Гайдукевича ясно выражены в третьей части исследования. Нет сомнения, что и

¹ В 1976 г. А. А. Шалькевич опубликовал некоторые дополнительные материалы и новые наблюдения относительно Царского кургана: Шалькевич А. А. Архитектурное исследование Царского кургана. — Труды Гос. Эрмитажа, 1976, т. XII, с. 138—165.

в не вполне завершенном виде работа В. Ф. Гайдукевича о монументальной архитектуре Боспора V—IV вв. до н. э. будет с интересом встречена специалистами.

Второй раздел книги посвящен загородной сельской усадьбе эллинистического времени, расположенной в районе Мирмекия. Это своеобразный замкнутый комплекс, существовавший со второй половины III в. до середины I в. до н. э., — едва ли не единственное из археологически исследованных поселений Боспора, носящих характер усадьбы, до этих раскопок совершенно неизвестное. Усадьба раскопана целиком. В этом особенная ценность проведенных работ и самого памятника.

Последний раздел включает в себе результаты раскопок Илурата — боспорского города-крепости римского времени.

Систематические раскопки этого укрепленного поселения были начаты Боспорской экспедицией в 1948 г.² и продолжались до 1960 г., возобновлены в 1966 г.³ Как выяснили раскопки, город-крепость Илурат был сооружен одновременно в начале I в. н. э. в качестве главного опорного пункта в системе обороны западных рубежей Боспорского царства. Жизнь здесь оборвали, как и в Мирмекии, готские походы последней трети III в.

Раскопки Илурата с самого начала ставили новые и исторически важные вопросы: они были призваны осветить проблему культуры рядового населения Боспора, в значительной степени эллинизованного, но в укладе жизни которого не могли не сказаться черты своеобразия, характерные для коренного негреческого населения страны. Археологические исследования Илурата выполнили эту задачу: они открыли новую, до того совершенно неизвестную страницу истории Боспорского царства первых веков нашей эры. В науку был введен памятник, позволяющий достаточно полно воссоздать картину жизни крупного поселения городского типа, населенного аборигенами, негреками.

Основой хозяйства этого поселения являлось земледелие, о чем свидетельствуют большие, вырубленные в скале ямы-зернохранилища, найденные в помещениях ступы и зернотерки. Большое значение имело и скотоводство. Раскопки Илурата установили тесную взаимосвязь жилого и оборонительного строительства, которую В. Ф. Гайдукевич убедительно объяснял социально-экономической природой города-

крепости: сюда из сельских поселков были переселены земледельцы-варвары, им были предоставлены плодородные земли, взамен они должны были нести военную службу боспорским царям. Таким образом, в трактовке В. Ф. Гайдукевича Илурат выступает как военно-земледельческое поселение, родственное клерухиям государств Восточного Средиземноморья.

Раскопки Илурата дали все основные группы археологических находок и других памятников позднеантичной эпохи, позволяющих говорить о «варварском» характере культуры местного населения; на это, в частности, указывают терракотовые изображения женского божества плодородия; особенно красноречиво в этом отношении святилище с остатками чело-веческого жертвоприношения, открытое на участке I. Вместе с тем археологические материалы Илурата ясно отражают процесс эллинизации коренного земледельческого населения Боспора.

Археологические работы в Илурате велись на трех участках — I, III, IV (участок II — зольник — расположен вне городища), на площади которых открыты жилые кварталы и мощные крепостные стены. Те и другие дошли до нас в сравнительно хорошей сохранности.

Жилые кварталы Илурата имеют правильную регулярную планировку и разделены более широкими улицами и перпендикулярными к ним узкими переулками. В жилых домах обычны загородки-закрома, загородки для мелкого домашнего скота, многочисленны находки хозяйственного инвентаря.

Раскопками установлено, что крепостные стены Илурата, открытые с юго-западной и юго-восточной сторон (участки I и IV), состоят из двух разновременных поясов общей толщиной 6.40 м, с прямоугольными башнями по углам и с протейхизмой (остатки ее нанес на свой план еще П. Дюбрюкс).

Исследования илуратского городища, проведенные В. Ф. Гайдукевичем в 1954—1960 гг., позволили ему, исходя из массового керамического материала, поставить ряд новых интересных вопросов, в частности, вопрос о возможности существования на месте Илурата эллинистического поселения.

В. Ф. Гайдукевич убедительно интерпретировал полученные путем раскопок новые важные данные об устройстве крепостных сооружений Илурата — о третьем поясе юго-восточной крепостной стены (участок I) и об особом ограждении перед входом в угловую южную башню, о впервые обнаруженных воротах крепости с сохранившимися приспособлениями для засова, о стене с лестницей, пристроенной изнутри города к юго-западной стене крепости и являвшейся, как полагал В. Ф. Гайдукевич,

² См.: Гайдукевич В. Ф. Илурат. Итоги археологических исследований 1948—1953 гг. — В кн.: Боспорские города. II. М.—Л., 1958, с. 9—148 (МИА СССР, № 85).

³ См.: Шургая И. Г. Раскопки в юго-западной части Илурата в 1966 и 1968 гг. — КСИА, 1970, вып. 124, с. 61—68.

аппарелью, по которой поднимали наверх орудия (участок IV). Изучение и осмысление этих строительных остатков дали возможность В. Ф. Гайдукевичу сделать ряд наблюдений и выводов, существенно расширяющих наши знания об античной фортификации, что особенно важно для предстоящих исследований как Илурата, так и других памятников Боспора римского времени. Результаты этих исследований изложены В. Ф. Гайдукевичем с большой тщательностью и скрупулезностью.

Раскопки Илурата продолжают и в настоящее время. Их направление определено теми задачами, которые в свое время были поставлены В. Ф. Гайдукевичем.

Итоги археологических исследований, которые вел В. Ф. Гайдукевич, обычно излагались им в годовых отчетах, которые затем, для издания, объединялись им в единый отчет, охватывающий большой период раскопок на большой площади. Однако годовые отчеты о раскопках загородной эллинистической усадьбы в 1951—1956 гг. и Илурата в 1954—1960 гг. В. Ф. Гайдукевич не успел объединить. Это сделала редакция в строгом соответствии с ранее публиковавшимися им отчетами в МИА СССР, № 4, 25 и 85 (см. прим. 2). Текст В. Ф. Гайдукевича печатается без изменений (за исключением мелких редакционных поправок) и без сокращений (сокращены были лишь повторения, неизбежные при написании годовых отчетов).

Нет сомнения, что все три работы В. Ф. Гайдукевича, составляющие настоящее издание и содержащие обширный и разнообразный материал и его всестороннее исследование, явятся

большим и ценным вкладом в античную археологию Северного Причерноморья.

В исследовании склепов, раскопках загородной эллинистической усадьбы и Илурата, которыми руководил В. Ф. Гайдукевич, участвовали научные работники Ленинградского отделения Института археологии АН СССР, Государственного Эрмитажа, Керченского историко-археологического музея и других историко-археологических учреждений, кроме того, ежегодно большая группа студентов истфака ЛГУ и других университетов.

Раскопки загородной усадьбы в 1951—1956 гг. вели (в разные годы) А. П. Иванова, Н. С. Белова, Е. Г. Кастанаян и А. И. Болтунова при участии С. П. Борисковской, В. Э. Кунина и И. Г. Шургая. Обмеры производили (в разные годы) А. А. Шалькевич и А. Л. Якобсон.

Раскопки Илурата в 1954—1960 гг. вели Л. Ф. Силантьева, Н. З. Кунина и Э. Д. Рабинович при участии И. Б. Брашинского, Н. Н. Газе, Ю. Л. Дюкова, С. М. Лившиц, О. Д. Лордкипанидзе. Обмеры производили С. Соколов и А. А. Шалькевич.

Все публикуемые здесь фотографии строительных остатков загородной усадьбы и Илурата сделаны В. Ф. Гайдукевичем, съемки Царского кургана — М. Г. Агаронян; фотографии вещевого материала и вся фотопечать выполнены в Фотолаборатории ЛОИА М. Г. Агаронян и М. В. Казанковой. В подборе иллюстраций принимала участие В. И. Денисова.

Настоящее издание подготовил к печати А. Л. Якобсон при участии Н. З. Куниной, Л. Ф. Силантьевой.

Боспорские погребальные склепы V—IV вв. до н. э. с уступчатым покрытием

Золотой курган

Наиболее раннее упоминание Золотого кургана в литературе связано с именем академика Палласа, совершившего в 90-х годах XVIII в. научное обследование Крыма. Характеризуя ландшафт Керченского полуострова (у Палласа он называется полуостровом Босфорским), Паллас писал: «Внутренний круг гор, огибающих Керчь, особенно бросается в глаза, так как на нем можно насчитать до 60 холмов различной величины. На следующем холмы еще выше и каменистее, но их здесь менее и они стоят почти в два ряда. На третьем круге холмы гораздо меньше. Подножия многих холмов состоят из разлагающегося известкового камня толщиной в два аршина, который похож на оторванные массы, наваленные одна на другую. Точно такой же вид и строение имеет и так называемый холм Алтын-Оба в 4-х верстах от Керчи, около почтовой дороги, в котором, предполагали, покоятся останки Мифрадата, тогда как гробницу его надо искать не в Крыму. Этот холм оканчивается чем-то вроде стены, которая перерезывает поперек одну часть угла полуострова». В примечании Паллас сообщает, что «татары рассказывают об этом холме, сложенном из громадных камней, много басен, как, например, что там будто зарыт большой клад, оберегаемый девой, являющейся по ночам».¹ Из контекста следует, что сам Паллас, по-видимому, был склонен видеть в Золотом кургане не произведение рук человеческих, а создание природы. Во всяком случае так понимали описание Золотого кургана у Палласа его читатели.² Вместе с тем очень показательно, что именно о Золотом кургане в среде местного населения были распространены различные легенды. Это свиде-

тельствует об исключительном своеобразии кургана, который не был похож на другие многочисленнейшие древние погребальные холмы, рассеянные по Керченскому полуострову, особенно обильно в окрестностях Керчи. Тем же обстоятельством, несомненно, было обусловлено желание связать Золотой курган с Митридатом. Очевидно, в народном предании Восточного Крыма о Митридате прочно удерживалась память как о самом выдающемся правителе этого края в далеком прошлом.

Интересные сведения о Золотом кургане оставил Э. Кларк, английский путешественник, профессор минералогии Кембриджского университета, посетивший Керчь в 1800 г., т. е. вскоре после того как там побывал Паллас. Местные жители показывали Кларку Золотой курган тоже как гробницу Митридата. По мнению Кларка, курган был сооружен, вероятнее всего, «милетцами». Он склонен был относить Золотой курган к раннему периоду греческой колонизации Боспора.

Несмотря на то что Золотой курган в начале XIX в. уже не имел первоначального вида, так как некоторые его части подверглись разрушению, все же памятник производил большое впечатление своей грандиозностью.

Кларк отметил расположение Золотого кургана на линии древнего вала, пересекавшего Керченский полуостров в направлении от Золотого кургана к Азовскому морю и служившего, по мнению Кларка, границей государства боспорян. Что вал тянулся и на юг от Золотого кургана, Кларку осталось неизвестным.

По его словам, Золотой курган имел сфероидальную форму (*un demi-sphéroïde*), тогда как для большинства древних курганов характерна конусовидная форма.

Боковые стороны кургана, сообщает Кларк, имели примечательную нерегулярного типа кладку, подобную стенам Тирифа, которые сложены без применения цемента из громадных грубых блоков неправильной формы.

¹ Путешествие по Крыму академика Палласа в 1793 и 1794-х годах. — ЗООИД, 1883, XIII, с. 57.

² См., например: Clarke Ed. D. *Voyages en Russie, en Tartarie et en Turquie*. Paris, 1813, p. 269, note: «Voyez Pallas, vol. II, attribué sa formation au travail du nature» (речь идет о Золотом кургане).

Когда Кларк знакомился с Золотым курганом, то полностью сохранившейся была только западная его часть. По-видимому, тут имеется в виду циклопическая облицовка кургана. Именно она была еще цела на западной стороне кургана, тогда как в других его частях облицовка уже сильно разрушилась. Изучая через щели и трещины облицовочную кладку, а также используя для наблюдения выемки (*les excavations*), имеющиеся на вершине кургана, Кларк пришел к выводу, что основная его масса состоит из камней.

На поверхности кургана с западной стороны Кларк заметил углубление (*une fosse creusée*), которое он правильно истолковал как признак грабительских раскопок. Кларк приписывал их татарам. Однако он полагал, что все попытки проникнуть в глубь кургана должны были закончиться неудачей вследствие невозможности пробить ход в такой колоссальной массе рваного камня, из которого этот курган состоял.

Ряд важных наблюдений относительно Золотого кургана сообщает в своем труде Дюбуа де Монперё, побывавший в Керчи дважды — летом 1832 и 1834 гг.

Дюбуа подчеркивает уникальный характер Золотого кургана, что было обусловлено его огромными размерами, своеобразной формой (*de forme bombée*) и наличием циклопической стены-облицовки, которая покрывала курган сверху донизу. По словам Дюбуа, курган «наподобие пирамиды» был облицован снаружи громадными блоками керченского камня, сложенными без вяжущего раствора. Эта облицовочная кладка, естественно, была наклонной (*en retrait*) соответственно профилю кургана.

Величественность Золотого кургана усиливалась еще и эффектностью самого места, где курган был сооружен. Оно представляет собой вершину горы, расположенную почти на 100 м (по Дюбуа, 323 фута) выше уровня моря.

Рассказав легенды о кургане, которые ему были сообщены,³ Дюбуа далее пишет о весьма «оригинальной» попытке проникнуть в недра Золотого кургана, предпринятой русским генералом Розенбергом. Генерал заложил в вершину кургана изрядное количество пороха и произвел взрыв. Однако, как и следовало ожидать, результаты оказались плачевными: Розенберг ничего не открыл, никаких сокровищ

не нашел, но зато, уничтожив вершину, обезобразил курган, к тому же взрывом была нарушена и его циклопическая облицовка.⁴

Когда именно имела место «раскопка» Розенберга, применившего «взрывной метод», Дюбуа не сообщает. По-видимому, она состоялась в 20-х годах, а сведения об этом Дюбуа получил, вероятно, от Карейши, который руководил керченскими раскопками в то время, когда Дюбуа посетил Керчь.⁵

Во время второй поездки в Керчь (летом 1834 г.) Дюбуа уже имел возможность познакомиться с результатами раскопок Золотого кургана, произведенных Карейшей в конце 1832 г. Поэтому вслед за внешним описанием кургана Дюбуа приводит сведения о раскопках, осуществленных Карейшей. Однако, прежде чем обратиться к сообщению Дюбуа, следует познакомиться с описанием раскопок, составленным самим Карейшей.

В отчете Карейша следующим образом представил результаты своих исследований: «После всех сих работ (т. е. после ранее осуществленных в том же 1832 г. раскопок. — В. Г.) я решился приступить к раскапыванию векового памятника, известного в Керчи под именем Золотого кургана, — памятника, который огромностью превосходит все прочие, находящиеся в окрестностях Керчи. Он в диаметре при основании около 40 саж., а в высоту 10 саж., форма его сходна с куполом обширнейшего здания. Первоначально он был со всех сторон обложен огромными массами твердого камня, сложенными без цемента, т. е. циклопического построения, но впоследствии обкладка сия обвалена работавшими на нем, и только уцелела небольшая частица оной наподобие стены. И хотя он в разных местах был копаем, но, судя по его обширности и трудности на нем работы, замедляемой смешанным во множестве с землею твердым камнем, можно было предполагать, что раскапывание его производилось только на поверхности. Однако прежде приступления к работам я внимательно осмотрел его отовсюду и, осматривая с восточной стороны ряд ступеней из камня, приказал начать раскапывание с сего боку; работа подвигалась вперед медленно, огромные куски твердого камня на каждом шагу останавливали ее; наконец показали куски пиленых мягких камней, а за ними стена. Очи-

³ По словам Дюбуа, с очень давних времен распространено мнение, что в кургане скрыты огромные сокровища; на этом основании курган получил название Алтын-Оба (Золотой курган). Легенда об охраняющей деве (ее, как известно, упоминал еще Паллас) у Дюбуа представлена в таком варианте: в каждый Иванов день на вершине кургана появляется дева, ожидающая того, кого она изберет, чтобы разделить с ним богатства, скрытые в кургане.

⁴ Дюбуа об этом писал: «Но Дева (имеется в виду легендарная дева — хранительница кургана. — В. Г.) смеялась над ним; он смог только разрушить курган, изуродовав и разрушив циклопические кладки».

⁵ Карейша по поручению Стамповского сопровождал Дюбуа при ознакомлении последнего с археологическими памятниками Керчи и Керчинского полуострова. В 1834 г. Дюбуа вместе с Карейшей посетил, между прочим, городища Илурата, Нимфея и Киммарика на горе Опук.

пчая сие место, нашли и другую стену, образовавшую с первой род коридора; вскоре затем открыт действительно засыпанный землею и мелким камнем ход со сводом, устроенным по обе стороны уступами и скрепленным толстыми деревянными лежнями. По счислению же я, при бытности правящего должность Керчь-Еникальского градоначальника, спустился в проход для осмотра одного. Пройдя саж. $3\frac{1}{2}$ ($=7.45$ м), нашел свод с северной стороны несколько обвалившимся, который упавшими камнями преграждал дальнейший ход и грозил обрушиться при малейшем прикосновении. Так как для укрепления свода потребовалось бы много времени, то я, дабы не замедлить осмотра сего редкого памятника, осторожно проник через опасное место далее; пройдя еще около $3\frac{1}{2}$ саж. ($=7.45$ м), я достиг напоследок отверстия в гробницу. Войдя в нее, нашел обширное здание, несравненно огромное всех доселе отысканных в окрестностях Керчи. Внутренность имела вид круглой залы, с лишним 3 саж. ($=6.39$ м) в диаметре, а в высоту со сводом, также устроенным уступами, 6 саж. ($=12.78$ м). По внимательном обозрении ее оказалось, что она была расхищена в прежнее время, ибо все было перерыто и перемешано, кости и куски истлевшего дерева повсюду разбросаны, и даже часть камней оторвана от свода, покрытого каким-то раствором темно-фиолетового цвета. В гробнице ничего не оказалось, в проходе же отыскана медная монета, по-видимому Митридата III. Построение сей огромной гробницы совершенно одинаково с тою, которая отыскана в 1830 г. в кургане Кулоба с драгоценными древностями. Судя по сему, можно предполагать, что в ней заключались подобные же вещи, что, вероятно, подало повод назвать сей вековой памятник Золотым курганом. После чего я стал раскапывать сей курган с западной стороны. В начале работ между бутовым камнем попадались куски мягкого камня, и чем более углублялись, тем более их отыскивали. Когда же раскапывание было на 6 саж. от вершины кургана, тогда показались, наконец, стена и свод гробницы. Прорыв в своде отверстие, я опустился вниз и увидел гробницу, имевшую сажени $1\frac{1}{2}$ в длину и столько же в ширину, а в высоту с лишком 3 саж. Основание ее составляли природныя скалы. К сожалению, и сия гробница расхищена в прежнее время, ибо со стороны противоположной оказалось в своде другое отверстие и все в середине было перевернуто. Сие побудило меня оставить здесь работы до наступающей весны. И хотя поиски в сем месте были неудовлетворительны, по крайней мере в прошлом году, решена неясная проблема насчет сокрытых в Золотом кургане бесценных сокровищ

древности — проблема, тем более показавшаяся вероятною, что она подтверждалась общим поверием».

Приведенный выше краткий отчет Карейша сопровождал чертежами обоих открытых склепов.

Спустя 15 лет, в 1847 г., Карейша повторно предпринял раскопки Золотого кургана, но они оказались на этот раз совершенно безрезультатными. В отчете Карейши этим работам посвящено всего несколько строк: «Стремление отыскать что-либо замечательное в археологическом отношении и предположение, что в величественном Золотом кургане, кроме открытых мною двух больших склепов еще в конце 1832 г., могли уцелеть какие-либо гробницы, внушили мне мысль начать снова его раскопку с северной стороны. Однако, несмотря на мои старания и множество работы, произведенной там, ничего в нем не оказалось».⁶

Присланные Карейшей в Петербург чертежи склепов, обнаруженных в 1832 г. в Золотом кургане, никогда не были изданы, они стали достоянием архива. Мы их здесь впервые публикуем. На рис. 1 представлен план и продольный разрез купольного склепа, открытого в восточной части Золотого кургана; на рис. 2 воспроизведен план и разрез склепа, раскопанного в западной половине кургана. Рисунки и чертежи, приложенные Карейшей к отчету за 1832 г., вместе с текстом последнего были посланы министром двора на заключение президенту Академии художеств А. Оленину. В рецензии Оленин в общем одобрительно отозвался о раскопках Карейши. Однако Оленин счел необходимым сделать критическое замечание, касавшееся графической части отчета. Отдав должное «расположению г-на Карейши к археологическим исследованиям», Оленин в то же время указал, что Карейше «недостает... некоторых вспомогательных познаний, как-то: общих понятий о зодческом и строительном искусстве, также достаточного навыка в правильном рисовании и в перспективе, судя по приложенным к записке его чертежам, если они им самим черчены и рисованы». Отсюда видно, что чертежи Карейши вызвали некоторые сомнения, не было уверенности в их точности, должном соответствии натуре.

И действительно, даже при самом беглом ознакомлении с чертежами, на которых купольная гробница Золотого кургана представлена Карейшей, неизбежно должен возникнуть ряд недоуменных вопросов. Невероятной представляется кладка стен и купола склепа из очень коротких плит. На плане против входа пока-

⁶ Подробная записка об археологических разысканиях в окрестностях Керчи с 8-го апреля 1846 г. по 9-е число сентября 1847 г. — Архив ЛОИА АН СССР, ф. 5, д. 225, л. 216.

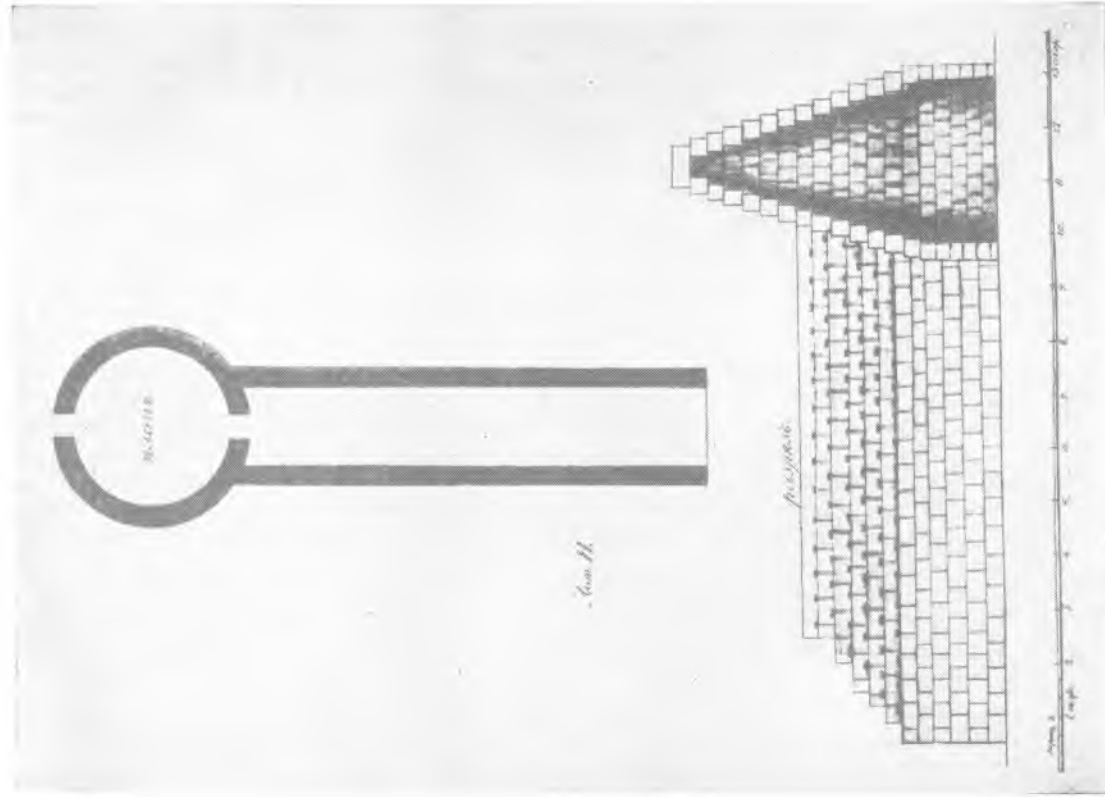

Рис. 1. Золотой курган. План и продольный разрез. Чертеж Карейши.

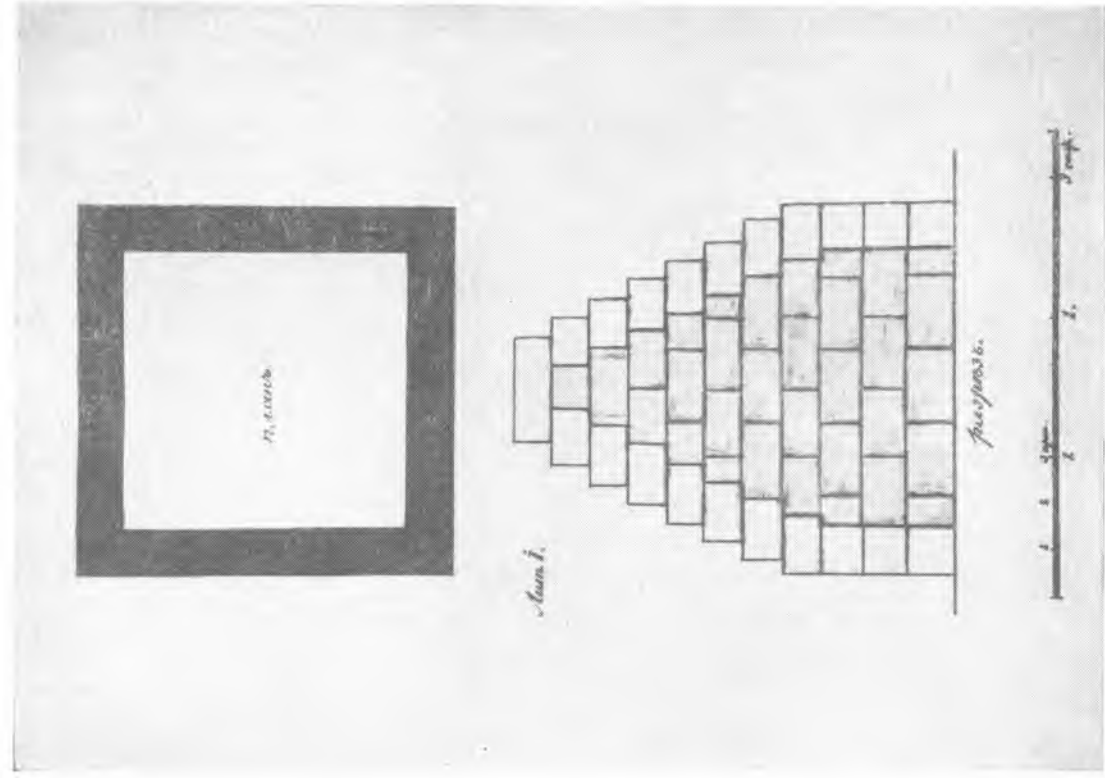

Рис. 2. Золотой курган. План и разрез склепа в западной части кургана. Чертеж Карейши.

зано сквозное отверстие, которого нет на разрезе, о нем к тому же ничего не сказано в тексте отчета. По разрезу невозможно понять, как устроен вход из дромоса в погребальную камеру, и вообще не поддается выяснению конструкция стыка дромоса с внешней стороной склепа и с его входным проемом.

При всей приблизительности чертежи Карейши все же позволяют установить несколько очень важных конструктивных элементов, присущих круглому склепу Золотого кургана. Во-первых, эти чертежи свидетельствуют, что к склепу вел длинный дромос с уступчатым покрытием. Во-вторых, столь же несомненным представляется, что нижняя часть склепа была цилиндрической; кольцевая стена, образующая эту часть склепа, была гладкой, отвесной. На ней покоился высокий уступчатый «купол», который на разрезе Карейши четко отделяется от нижней цилиндрической части склепа еще и своим цветом: «купол» окрашен в лиловый цвет (что соответствует наблюдению, отмеченному в тексте отчета), тогда как нижняя часть склепа (цилиндрическая) иллюминирована сероватой краской, отвечающей натуральному цвету известняка.

Сомнения, которые законно вызывали чертежи Карейши, заставили впоследствии Жилия, автора описания археологических памятников в «Древностях Босфора Киммерийского» (ДБК), настаивать на производстве новых обмеров Золотого кургана. Они были осуществлены в 1853 г. Однако надо иметь в виду, что обмеры, сделанные для ДБК, отделены двадцатилетним промежутком от раскопок Золотого кургана Карейшей. За двадцать лет весь курган и заключенная в нем купольная гробница, конечно, претерпели немало изменений, они основательно разрушились. Как бы тщательно ни выполнялись новые обмеры, нельзя было показать памятник таким, каким он представлялся в 1832 г. На деле же тщательность в производстве обмеров, осуществлявшихся в 1853 г. «архитекторским помощником» Шмаковым, была весьма относительной хотя бы уже потому, что эти работы выполнялись с большой поспешностью.

Все сказанное надлежит учитывать, когда мы при изучении Золотого кургана обращаемся к ДБК. Материалы, опубликованные там, требуют коррективов. Кое-что для этого дает рукописный отчет Карейши. Но он слишком краток, в нем нет подробного описания архитектуры круглого склепа, а чертежи, которыми сопровождается отчет, далеки от точности. Разумеется, их нельзя игнорировать, однако они недостаточны для того, чтобы в сочетании с обмерами 1853 г. реконструировать облик круглой гробницы Золотого кургана.

В этой связи существенное значение приобретают данные о раскопках Золотого кургана, которые сообщает Дюбуа, получивший соответствующую информацию, несомненно, от самого Карейши. Надо, однако, заметить, что Дюбуа, описывая раскопки Золотого кургана, упоминает только один склеп — круглый, купольный. О втором склепе, четырехугольном с уступчатым покрытием, обнаруженном Карейшей в противоположной, северо-западной, части кургана, Дюбуа ничего не говорит. Вероятно, Карейша не считал нужным сообщить Дюбуа о втором склепе, ибо последний, будучи ограбленным и полуразрушенным, очевидно, не заслуживал, с точки зрения Карейши, какого-либо внимания. Иное дело — склеп купольный. Хотя он тоже оказался опустошенным грабителями, его архитектура представлялась импонирующей и примечательной. По словам Дюбуа, раскопки Золотого кургана Карейшей были осуществлены в конце 1832 г. С помощью 35 рабочих в течение 15 дней он углубился в курган с юго-восточной стороны. «Наконец, — пишет Дюбуа, — ему (т. е. Карейше. — В. Г.) посчастливилось отыскать вход в галерею, через которую он без затруднений проник к центру кургана (tumulus).⁷ Галерея, построенная из больших тесаных каменных плит без цемента, имела в длину 60 футов (=18.24 м)⁸ и около 10 футов (=3.04 м) в высоту, включая египетский свод; ширина галереи 3—4 фута (=0.91—1.21 м).

Дойдя до конца галереи, Карейша очутился вдруг на краю открывающейся перед ним пропасти (au bord d'un précipice). Он с удивлением обнаружил, что центральная часть гробницы имеет форму круглой башни, ее высота 35 футов (=10.64 м) до свода,⁹ диаметр 20 футов (=6.08 м). Пол в этом сооружении находится на 10 футов (=3.04 м) ниже пола галереи; свод состоит из четырех выступающих рядов плит.¹⁰ Наконец, Карейша сообразил, что он

⁷ Это утверждение является ошибочным: юго-восточный склеп, в который Карейша проник через дромос, отнюдь не был в центре кургана. Впрочем, и сам Дюбуа сомневался в правильности своего утверждения, как показывает следующее его замечание: «Я поместил погребальную башню (камеру) в центре кургана, но наружные размеры убедили меня, что я ошибся и что диаметр кургана намного значительнее, чем я указал. Если это так, то это доказывает сомнение относительно других внутренних частей (кургана)».

⁸ Дюбуа дает все измерения в футах (pieds); эти же измерения, переведенные нами в метрическую систему, представлены рядом в скобках. — В. Г.

⁹ Дюбуа пишет: jusqu'à la voûte, что буквально значит «до свода», но в данном случае, несомненно, имелась в виду самая высокая точка свода, т. е. замыкающая его плита. — В. Г.

¹⁰ Фраза «La voûte se composait de quatre rangs de pierre en saillie» заключает в себе описку, так как

Рис. 3. Золотой курган. Разрез. Чертеж Дюбуа.

может спуститься на дно гробницы с помощью нескольких камней, *placées comme des socle-beaux de distance en distance*. И когда он уже рассчитывал начать собирание огромных сокровищ, которые предсказывала легенда, к величайшему своему изумлению вскоре увидел, что гробница совершенно пуста. Большой четырехугольный камень, на котором, вероятно, стоял саркофаг, возвышался на полу. На половине высоты склепа находилась большая пустая ниша.

Тщетно Карейша искал проход дальше (т. е. в глубь кургана. — В. Г.), предполагая что «эта круглая постройка (*cette tour*) была только шахтой, предназначенной для проникновения в другую потайную гробницу, нигде такого входа в нее не оказалось. И сегодня, как сто лет назад, по-прежнему стоит вопрос:

в действительности этих рядов было 14, а не четыре. Эта ошибка, вкравшаяся в записи Дюбуа, имела своим следствием совершенно неверное графическое изображение гробницы, которое было опубликовано Дюбуа в приложении к его труду—атласе (*Fr. Dubois de Montpereux. Voyage autour du Caucase chez les Tcherkesses et les Abkhazes, en Colchide, en Georgie, en Arménie et en Crimée. Atlas. Paris, 1843*). В соответствии с данными, приведенными в описании, купольная гробница Золотого кургана на рисунке в атласе Дюбуа показана (в разрезе) с четырьмя рядами уступчатого свода, что является грубейшим искажением конструкции склепа.

каково же могло быть назначение Золотого кургана, этого величественного и дорогостоящего сооружения, могущего своими размерами соперничать с пирамидами».

Дюбуа отметил, что Золотой курган расположен на линии древнего вала. Но, в отличие от Кларка, знавшего только ту часть вала, которая от Золотого кургана идет на север, Дюбуа описывает два отрезка вала — южный и северный, соединявшиеся у кургана. Северная часть вала, по словам Дюбуа, простиралась до Катерлеса, оттуда вал тянулся дальше, но точное направление его за Катерлесом Дюбуа не знал.¹¹

Относительно южной части вала Дюбуа пишет, что непосредственно возле Золотого кургана вал не заметен, но дальше к югу прослеживается его зигзагообразное продолжение между скалистыми вершинами и курганами, расположенными по хребту кряжа, который заканчивается у мыса Ак-Бурун (*Cap Blanc*) (имеется в виду цепь курганов Юз-Оба). Вал доходит до Нимфейского залива (ныне Чурубашское озеро). По мнению Дюбуа, вал был древней границей владений Пантикапея и первоначального Боспорского царства — до присо-

¹¹ «Il continue au-delà de la gorge de Katerlés... mais j'en ignore la direction» (*Fr. Dubois de Montpereux. Voyage... du Caucase...*, p. 191).

единения к нему Нимфея и Феодосии. Дюбуа полагал, что Золотой курган был построен раньше вала.

Можно смело утверждать, что Дюбуа обрисовал купольную гробницу, открытую в Золотом кургане, только на основании тех устных данных, которые ему сообщил Карейша. Памятника в натуре он, безусловно, не видел. Как следует из отчета Карейши, сам руководитель раскопок из-за обвалов дромоса с трудом и не без риска проник в склеп. Поскольку склеп оказался ограбленным, никаких мер к расчистке и укреплению дромоса, конечно, не было принято. Едва ли поэтому склеп мог посетить иностранный путешественник, знакомившийся к тому же с Золотым курганом через полтора года после его раскопок. Неохраняемый склеп с полуразрушенным дромосом, очевидно, стал к тому времени труднодоступным для обозрения объектом.

По своим записям, в которые вкрались отдельные неточности и даже грубые ошибки, Дюбуа потом создал графическое воспроизведение разреза Золотого кургана (рис. 3). И здесь купольная гробница уже предстала в предельно искаженном виде, изобличающем автора в том, что сам он с этим памятником не был знаком. Главная причина, в силу которой изображение купольного склепа оказалось фантастическим, крылась в ошибочно записанном количестве уступов, образующих «купол» склепа: у Дюбуа их четыре, что совершенно не соответствует действительности.

Тем не менее описание купольного склепа в труде Дюбуа имеет для нас немаловажное значение. Оно подтверждает наличие длинного дромоса. Есть и другое, не менее важное обстоятельство, которое зарегистрировал Дюбуа: пол дромоса был значительно выше пола склепа. Эта особенность купольной гробницы в Золотом кургане, как известно, не нашла отражения в отчете Карейши, но она позднее получила полное подтверждение в обмерах Шмакова.

Живописно рисуя проникновение Карейши через дромос в склеп, Дюбуа подчеркивает, что Карейша был изумлен, когда он в конце дромоса (в противоположном от входа в него) неожиданно очутился «на краю пропасти». Это впечатление было обусловлено значительной разницей в уровнях полов дромоса и склепа. Пол склепа, как пишет Дюбуа, находился на 10 футов (т. е. на 3.04 м) ниже дромоса.

Нельзя обойти вниманием описание Золотого кургана, которое составил трудолюбивый Дюбрюкс. Он счел нужным включить в свой труд о боспорских древностях и этот памятник, особенно привлекавший к себе внимание после раскопок Карейши. «Этот памятник, — пишет

Дюбрюкс, — сооруженный в самые отдаленные времена, есть один из замечательных предметов древности в Керчи. Два здания, открытые в нем г. Карейшей, возбуждают живой интерес в любителях древности. Этот гигантский памятник детства человечества находится в 4-х верстах от Керчи и лежит на самом возвышенном месте хребта горы».¹²

О происхождении названия кургана Дюбрюкс приводит различные мнения. «Одни предполагают, что имя это (курган) получил по сокровищам, в нем скрытым; большая же часть думает, что название это произошло следующим образом: когда древние ханы, властелины Крыма, приходили сюда собирать пошлинные и поземельные подати с властителей и мурз, то палатки свои разбивали на вершине этого холма и в них на короткое время стекались драгоценности».¹³

Касаясь распространенных по поводу Золотого кургана легенд, Дюбрюкс говорит: «Во время моего переселения в Керчь в 1811 г. в народе ходили тысячи чудных сказок об этом месте».¹⁴

Дюбрюкс очень обстоятельно описал внешний вид кургана. По его словам, окружность кургана составляла 55 саж. (=117.15 м), диаметр 45 саж. (=95.85 м),¹⁵ высота 13 саж. (=27.69 м). «Верх его был округлен в виде котла, но в настоящее время, будучи разрыт во многих местах на вершине, наружный вид его совершенно изменился; есть еще остатки каменной выкладки, разбросанные в разных местах холма. Западную часть холма одевала каменная выкладка, совершенно перпендикулярная, в 15 саж. длины и 5½ саж. вышины. Камни, из которых сложена эта стена, были огромной величины... Несмотря на неправильную форму камней, можно насчитать до 14 рядов их; впрочем, нижние ряды гораздо больше верхних... Всего удивительнее в этой постройке то, что она сложена из камней различной величины и формы, между ними нет никакой связи; взгроможденные как бы случайно без цемента и извести, они устояли целые века, протекшие со времени их основания».¹⁶

Характеризуя открытую Карейшей купольную гробницу, Дюбрюкс приводит следующие данные. Длина дромоса 7 саж. (=14.91 м), ши-

¹² Дюбрюкс П. Описание развалин и следов древних городов и укреплений, некогда существовавших на европейском берегу Боспора Киммерийского... — ЗООИД, 1858, IV, с. 28.

¹³ Там же, с. 30.

¹⁴ Там же, с. 31.

¹⁵ Измерения эти далеки от точности. При диаметре, который указан Дюбрюксом, курган не мог иметь в окружности 55 саж., т. е. 117.15 м. О действительных размерах кургана см. с. 13.

¹⁶ Дюбрюкс П. Описание развалин..., с. 30—31.

рина — 1 саж. (=2.13 м), высота — около 3 саж. (=6.39 м), сложен он из прекрасно отесанных плит. Каждый камень уступчатого свода дромоса имеет квадратную вырубку в 4 вершка (=17.6 см). Размеры погребальной камеры, по Дюбрюксу, таковы: диаметр 3 саж. 4 вершка (=6.57 м), высота около 5 саж. и 1 арш. (=11.36 м); свод имеет 13 рядов камней.

Крайне удивительным является утверждение Дюбрюкса о существовании каких-то вторых «дверей» в склепе, расположенных якобы против входа в склеп из дромоса. Он приводит размеры этой второй «двери»: высота 3 арш. 4 вершка (=2.31 м), ширина 1 арш. (=0.71 м). Очевидно, Дюбуа говорит о нише, имевшейся в склепе. Эта ниша на плане Карейши была неправильно показана в виде сквозного проема, расположенного в стене склепа прямо против входа. Каким образом Дюбрюкс мог принять эту нишу за «дверь», непонятно. Возможно, его ввели в заблуждение чертежи Карейши. Как бы то ни было, мнимая вторая «дверь» привела Дюбрюкса к такому весьма своеобразному осмыслению купольной гробницы: «Очень вероятно, что это здание назначалось для отдания последних почестей умершим и для принесения очистительных жертв; потому что ни одна из гробниц, доселе открытых, не имела такой формы и двух дверей; высота этого здания почти двойная сравнительно с самыми высокими из гробниц. Можно с достоверностью предполагать, что по окончании всех церемоний тела умерших были выносимы через другие двери в пещеры, особо для этого устроенные, где и погребались».¹⁷ Далее Дюбрюкс описывает пещеру, обнаруженную к востоку от кургана, в которой, по его мнению, совершались погребения.

В известной работе А. Ашика, заключающей в себе характеристику многих археологических памятников Боспора, открытых в первой половине XIX в., Золотому кургану уделено незаслуженно мало внимания.¹⁸ То немногое, что написал Ашик об этом кургане, фактически ничего не дает для его уяснения, а переизданием неверного чертежа Золотого кургана,¹⁹ опубликованного Дюбуа, Ашик лишь способствовал «популяризации» превратного представления о купольном склепе. Это тем более непростительно, что Ашик едва ли мог не знать, что на чертежах Дюбуа памятник представлен в крайне искаженном виде.

По словам Ашика, «Золотой курган обнесен

был стеною циклопической работы». По поводу же купольной гробницы он высказывает только свое убеждение, что гробница бесспорно «принадлежит одному из могущественнейших царей Боспора первой династии, но кому именно — угадать мудрено». Относительно названия кургана Ашик пишет: «Всего правдоподобнее, что кургану этому дано название Золотого от того, что татары или генуэзцы открыли в нем, как можно предполагать наверное, огромные сокровища. Это мнение основывается на том, что ныне жители Керчи называют Золотым курган Куль-Оба, где найдена была в 1830 г. гробница со множеством золотых вещей, и смешивают эти два кургана так, что если речь идет об одном из них, то надобно непременно спросить о котором: о ближнем ли или о дальнем».

Мысль о желательности продолжить исследования Золотого кургана была высказана А. Е. Люценко, когда в 1853 г., вступив в должность директора Керченского музея, он составил свой первый план раскопок на Керченском и Таманском полуостровах.

В рапорте министру уделов Л. А. Перовскому от 9 июля (№ 17) Люценко писал: «Что же касается до археологических исследований в Керченском градоначальстве, то я полагаю сосредоточить их в одном из главных курганов — Золотом или Куль-Оба...».²⁰

Уже в июле того же 1853 г. Люценко приступил к раскопкам Золотого кургана. В рапорте № 26 от 24 июля Люценко сообщил Перовскому первые сведения о ходе работ: «По возвращении моем из Черноморска, приискав 20 человек русских вольнонаемных рабочих, я убедил их взять на себя разработку Золотого кургана с западной стороны его возле циклопической стены. По предварительному осмотру кургана в этом месте оказалось, что поверхность его состоит вся из сплошных слоев крупных и мелких камней известковой породы, плотно соединенных один с другим, которые, постепенно суживаясь кверху, образуют посередине пирамидальную насыпь значительной высоты. Мне кажется, можно предполагать, что под этой искусственной насыпью находится склеп или гробница. Циклопическая стена, поддерживающая курган с западной стороны, и огромные камни твердого свойства, встречающиеся во многих местах на северо-западной покатости его, которыми он, вероятно, был обложен в виде уступов, составляя неизбежную ограду вокруг этой насыпи, сильно убеждают в основательности упомянутого предположения.

¹⁷ Там же, с. 33.

¹⁸ Ашик А. Восторское царство, I. Одесса, 1848, с. 22 сл.

¹⁹ Там же, табл. VI.

²⁰ ЦГИА СССР, ф. 515 (Главное управление уделов), дело Канцелярии министра уделов, № 15, 1852—1853 гг.

По свойству твердокаменной почвы и тесноте места этой части Золотого кургана непременно потребует ломов, кирок, носилок и тачек и, следовательно, гораздо более трудов и издержек, чем обыкновенные раскопки курганов. Приисканные мною рабочие согласились сделать в нем поперечный разрез глубиной не более 2 саженей с тем условием, чтобы за каждую кубическую сажень вынутого ими грунта платилось им по 1 р. 50 к. серебром и чтобы вынутый камень принадлежал им.

Дальнейшая же разработка Золотого кургана, если окажется необходимым проникнуть в него на значительную глубину, будет зависеть от нового с ними условия. На этом основании приступлено было к работе 21-го сего месяца... Между тем, 22-го числа рабочие, проникнув на 1 сажень в глубину насыпи, возвышающейся по середине кургана, с западной его стороны, на расстоянии 7 саженей от циклопической стены, попали на простой известковый камень, который от удара лома внезапно провалился, сделав в насыпи небольшое отверстие, из которого сильно подул холодный и несколько испорченный воздух. Обстоятельство это требовало немедленного освидетельствования; получив о нем известие, я тотчас отправился на курган вместе с помощником моим и чиновником Линевичем. Осмотрев... отверстие, мы нашли, что оно открывает сообщение с пустым проходом, имеющим некоторое сходство с подземной миной шириной в 1 и глубиной в 2 аршина. Проход этот, по-видимому, идет от циклопической стены, в которой между камнями находится несколько широких отверстий, имеющих, может быть, сообщение с ним; весьма вероятно, что он направляется к середине кургана. Всматриваясь в него, мы заметили полужелезную деревянную доску или брус, положенный сверху между висящими камнями. К сожалению, спуститься в этот проход не было никакой возможности, потому что висящие сверху камни ежеминутно угрожали падением. Желая проникнуть в него, я приказал осторожно расширить отверстие, отделив от него несколько камней, но когда рабочие тронули их ломами, проход стал постепенно заваливаться и затем вход в него через отверстие сделался совершенно недоступным.

Дабы сделать более удобным исследование этой местности, я приказал расширить поперечный разрез кургана с юго-восточной стороны его, смежной с открытым проходом, и произвести раскопку всей лежащей над ним насыпи высотой более сажени на тот конец, чтобы можно было достигнуть к нему беспрепятственно и осмотреть его во всей подробности». Рапорт Люценко заканчивается обещанием сообщить Перовскому «в непродолжительное время» о

дальнейшем расследовании западной части Золотого кургана.²¹

Предпринятые Люценко раскопки Золотого кургана были весьма энергично поддержаны Перовским. В ответ на рапорт Люценко от 24 июля Перовский сообщил (11 августа), что он изыщет дополнительные средства на раскопки Золотого кургана и Куль-Обы как на «экстраординарные работы». И далее в том же письме Перовского читаем: «Я вижу с удовольствием, что разрытия Золотого кургана, вами предпринятые, подают большие надежды, ибо, кажется, несомненно, что вы на пути, который ведет к не тронутой еще гробнице босфорского царя. Трудность проникнуть в сей курган служит доказательством, что он не был разрыт; если же в 1832 г. открытый Карейшею в этом самом кургане склеп ничего в себе не заключал, то, принимая в соображение, что в нем не было никаких следов опустошения,²² можно с достоверностью полагать, что склеп этот был запасный и остался без употребления по какому-нибудь неизвестному нам обстоятельству, может быть, по случаю перемены династии. Если вам посчастливится найти нетронутую гробницу, то я надеюсь, что вы употребите все средства, дабы ничто из найденного не было утрачено, а между тем о ходе работ вы имеете мне доносить».²³

18 августа Люценко (при рапорте № 41) направил Перовскому «выписку из журнала об археологических розысканиях», в которой описан ход раскопок Золотого кургана.

Результаты работ в период 23—31 июля представлены следующим образом: «В продолжение сих 8 дней рабочие углубились в курган на 9 аршин, сделав в нем поперечный разрез сверху по направлению от середины к северо-западному склону, длиною в 6, шириною в 4 сажени, с уступом длиною до 6, шириною около 7 саж. и среднюю глубину в 4 аршина. Тогда на обресе пирамидальной насыпи, составляющей вершину западной части кургана, обозначились следующие слои насыпанных грунтов. На глубине 5 аршин гряда камней мягкого известкового свойства, наваленных один на другой в виде треугольника с засыпкой промежутков между ними землей, потом квадратная насыпь из чистого морского песку глубиною и шириною в 1 сажень. Насыпь эта резко отделялась от окружающей ее груды камней, между коими заметны были дорожки, очевидно, служившие для подноски к ней песку. По обресту она окан-

²¹ Там же, л. 101—104.

²² Это утверждение Перовского совершенно не соответствует сообщению Карейши, согласно которому в склепе были явственно видны следы разграбления (ср. с. 8). — В. Г.

²³ ЦГИА СССР, ф. 515, дело Канцелярии министра уделов, № 15, 1852—1853 гг., л. 96.

чивалась стеной или основанием высотой в 1 аршин, сложенным довольно тщательно из колотых дикарных камней, в числе коих находилось несколько штук известковых, правильно отесанных. На обломке одного из сих последних оказались вырезанными греческие слова ΙΑΚΑ-Σ[ΑΤΟΡΑ.

Значительная крутизна обреза в этом месте заставила сделать небольшой отступ от подошвы его для безопасности рабочих на случай обрушения какой-либо части его при дальнейшей разработке. Что же касается до подземного прохода, о котором было упомянуто, то расследование его осталось до сих пор не произведенным, потому что стенки оного имели весьма неправильный вид и по мере углубления в насыпь беспрестанно заваливались. Впрочем, судя по точкам пересечения его с горизонтальными плоскостями разрезов, можно предполагать, что он направляется к вышеупомянутой песчаной насыпи, хотя на откосах этих разрезов еще не заметно следов его. Углубляясь по направлению этого прохода, рабочие нашли несколько обломков досок, из коих на одном оказался железный гвоздь.²⁴

Далее Люценко сообщал результаты раскопок, произведенных с 3 по 8 августа. «Расследование западной части Золотого кургана продолжалось с усиленною деятельностью. В течение сих 5 дней рабочие углубились внутрь кургана, в верхней части сделанного в нем разреза на 4 аршина, в нижней — на 5 [аршин], причем оказалось, что на означенной глубине почти вся внутренность его состоит из груды колотых камней дикарной и известковой породы, которые по мере углубления в насыпь значительно увеличивались в своих размерах. Только в некоторых местах попадались камни довольно правильной отески, подобные тем, из коих построена разоренная гробница, открытая на юго-западной стороне кургана. Камни эти, вероятно, занесены были в насыпь случайно, вместе с другими, колотыми для наполнения пустых промежутков в кургане.

В юго-восточном углу нижней площадки разреза, на глубине 5 аршин от верхней [площадки] и 18 [аршин] от вершины кургана, рабочие достигли скалистого материка. Производя разработку каменной насыпи в этом углу, они сначала напали на стенку из колотого камня, сложенную довольно правильно. Когда стенка эта была разобрана, то под основанием ее открылась выпуклая поверхность скалы. Вокруг этой скалы и на впадинах ее лежало несколько грубо отесанных камней значительных измерений. Одни из них положены были плашмя, другие находились в наклонном или

опрокинутом положении, составляя один с другим пустые треугольные промежутки. Хотя такая кладка заставляла предполагать близость постройки, однако нигде не было замечено следов ее. Впрочем, видимая поверхность скалы, понижаясь к середине кургана, могла иметь глубокую впадину, скрывающую какую-либо постройку или гробницу. Чтобы удостовериться в этом, надлежало обнаружить скалу на всем ее протяжении от нижней площадки до середины кургана, ибо только часть оной показалась у подошвы юго-восточного обреза. Значительная крутизна этого обреза, на поверхности коего от вершины до основания лежали камни, грозившие обрушением, не позволила приступить к расследованию всей местности, занимаемой скалою. Посему приказано было сделать юго-восточный обрез положе, подавшись немного со всем поперечным разрезом от верхней площадки к цилиндрической части кургана по направлению к вышеупомянутой песчаной насыпи, которую предположено расследовать до основания, сделав на вершине кургана небольшой продольный разрез, ведущий к ней прямо».²⁵

О следующем этапе работ, проводившихся 10—14 августа, Люценко писал: «В продолжение сих 5 дней рабочие, производившие разработку Золотого кургана на верхней площадке поперечного разреза, поравнялись с нижнею, углубившись в насыпь на 5 аршин и подавшись всем верхним разрезом к востоку; сверху его они сделали юго-восточный обрез несколько положе, спустив камни, висевшие на верхней поверхности его, с высоты более 18 аршин к подошве разреза; на самой же вершине кургана сделали продольный разрез, ведущий к песчаной насыпи, длиною и глубиною 8 аршин, шириною в 3 аршина с пологими по возможности откосами.

По снятии морского песка оказалось, что под ним за каменным обрезом идет слой крепкой земли на глубину, еще не определенную. Углубившись от верхней площадки внутрь кургана на 5 аршин, рабочие нашли у подошвы восточного обреза, близ открытой скалы и почти напротив песчаной насыпи, в пустом промежутке между двумя большими камнями, стоявшими в наклонном положении один к другому, большой глиняный кувшин или урну простой работы. Кувшин этот оказался разбитым и совершенно пустым. Нельзя понять, зачем он был заложен в каменной кладке на 6-саженной глубине от вершины кургана. Впрочем, на такой глубине он легко мог разбиться от осадки или давления верхних слоев насыпи.

Подземный проход снова появился, но в таком положении, что решительно невозможно

²⁴ Там же, л. 112—115.

²⁵ Там же, л. 115—116.

было его расследовать. Стенки его не имели никакой выкладки, никакого свода, притом он шел в глубину насыпи извилинами и при первом прикосновении к нему ломов тотчас заваливался. По-видимому, он приближается к центру кургана и, может быть, следует по впадинам и изгибам скалы, но [так] как скала не могла быть обнаружена на большом пространстве, то нельзя сказать утвердительно, куда именно он направляется, тем более что следов его на откосах разреза все еще не видно. Разбирая обвалившиеся камни в этом узком проходе, рабочие нашли несколько костей и еще несколько погнутых обломков досок, вероятно служивших к поддержанию верхней части его от обрушения».²⁶

В рапорте (№ 41 от 18 августа 1853 г.), который сопровождал приведенный выше отчет, Люценко с нескрываемым разочарованием пишет, что, несмотря на довольно значительные усилия, затраченные на раскопки Золотого кургана, они не привели «к открытию гробниц или склепов». Удалось лишь в некоторой части кургана обнаружить материк. «Теперь очевидно, — писал Люценко, — что материк Золотого кургана есть скала, по крайней мере в северо-западной части его. Но [так] как обнаружение этой скалы, вероятно служившей основанием для постройки всего кургана, сопряжено на большем пространстве с значительными трудами и издержками, то я полагаю достаточным ограничиться в сем году разработкой до материка или скалы только западной части его, и притом только в тех пунктах, которые подадут еще надежду на какое-либо открытие».

Предложение Люценко прекратить раскопки на Золотом кургане, ограничив их лишь западной его частью, не встретило сочувствия у Перовского, который в ответ на рапорт Люценко писал: «...считаю нужным уведомить вас, что вообще при археологических разысканиях никогда не должно терять надежды и от первой неудачи отчаиваться в возможности сделать замечательные открытия. Посему предписываю вам никак не ограничиваться разрытием Золотого кургана с одной западной стороны, а непременно стараться в сем году произвести работу с должною полнотою и разрыть курган до материка со всех сторон».²⁷

В соответствии с распоряжением министра Перовского раскопки Золотого кургана были продолжены. В рапорте (№ 55 от 15 сентября 1853 г.) Люценко представил очередной отчет о результатах дальнейших работ. Далее мы приводим этот отчет, как и предыдущие, полностью.

«Разработка северо-западной части Золотого кургана с 15 августа по настоящее время производилась безостановочно под личным моим наблюдением. В продолжение означенного времени рабочие, следуя по открытому скалистому матерiku на глубине 6 сажень от вершины кургана, проникли в середину его, сделав в нем продольный разрез шириною в 4 сажени, среднюю глубину в 5 сажень, длиною от разработанного по 15 августа поперечного разреза более 8 сажень, причем расстояние отвозки на тачках земли и камня увеличилось до 25 сажень. Столь значительные размеры производимой работы требовали особых усилий и способов для дальнейшего продолжения оной. В последнее время рабочие хотели оставить ее, как труд слишком тяжелый и притом небезопасный для них по причине частых обвалов каменной насыпи; но [так] как слои древней песчаной насыпи, замеченные на восточном откосе поперечного разреза, о коих я имел честь упомянуть в прежнем донесении моем. . . , расширяясь более и более между верхним и нижним слоями каменных насыпей, заставляли предполагать близость постройки, то я убедил их продолжать разработку кургана еще несколько времени. Вскоре потом на восточном откосе нового продольного разреза, в близком расстоянии от середины кургана, появились следы старинных попыток проникнуть в него сверху посредством колодцев. Следы сии по мере увеличения продольного разреза становились все более и более заметными и, наконец, ясно обозначились в юго-восточном углу его. В этом месте на поверхности кургана находился действительно раскоп в виде колодца, полузасыпанный землею и камнями, но никто не знал положительно, успели ли прежние исследователи западной части Золотого кургана достигнуть предполагаемого здесь склепа и на какой глубине.

В кратких описаниях прежних исследований Золотого кургана нет никаких данных, относящихся к этому вопросу. Старший надсмотрщик Дмитрий Семенов уверял, однако ж, что в прежние времена на этом месте колодец привел розыскателей к открытию разоренной гробницы.

3-го числа сего месяца в продольном разрезе, о котором упомянуто выше, случился довольно значительный обвал каменной и частью песчаной насыпи. Скатившись с середины восточного откоса, он завалил почти всю площадку, на которой производились работы. Когда площадка эта и нижняя часть откоса были очищены от камня и песку, то у подошвы последнего в направлении от востока к западу показалось 7 рядов больших тесаных камней, очевидно, принадлежащих склепу, построенному в этом месте на материке в скалистом углублении его.

²⁶ Там же, л. 116—118.

²⁷ Там же, л. 121 (письмо от 3 сентября 1853 г., № 1519).

Желая осмотреть этот склеп в подробности, я приказал срезать сверху часть закрывавшего его откоса, но лишь только рабочие успели сбросить с него несколько камней, как новый обвал, упавший с высоты 6 саженей, засыпал площадку и вместе с нею найденный склеп.

Затем 9 сентября, по расчистке откоса, вновь мы заметили в северо-восточном и северо-западном углах склепа, которого обнаружена была только верхняя часть, два пролома, сделанные в плечах свода, каждый в диаметре около $1\frac{1}{4}$ аршина. На откосах разреза, прямо над сими проломами, видны были следы ведущих к ним раскопов в различных направлениях, на глубине около 5 саженей от поверхности кургана до поверхности склепа; сверх сего, проход в виде мины или отдушины, сделанный в каменной насыпи, о котором я имел честь докладывать... в прежних донесениях моих, коснувшись материка в поперечном разрезе, направился снова вверх и появился уже в продольном разрезе над северо-западным проломом, сделанном в склепе. Непонятно, почему проход этот изменял так часто направление свое, следуя, по-видимому, от циклопической стены к означенному склепу.

10 сентября я спустился в склеп на веревке через один из вышеописанных проломов и напел его заваленным камнями от помоста до плечей свода. Очевидно, что он был давно уже разорен и потом неоднократно посещаем. В юго-восточном и юго-западном углах его оказались еще два пролома и на одной стене следы копоти от огня. Длина склепа простирается от В на 3 на 2 сажени, ширина от С к Ю также на 2 сажени, высота же от помоста до окончания свода включает в себе приблизительно 2 сажени и 1 аршин. Стены по ширине строения имеют отвесное положение от основания их до окончания свода; стены по длине его стоят также отвесно до начала или плечей свода, а потом каждый верхний ряд камней выдается над нижним, так что строение представляет вид куба, покрытого треугольной призмой. Верхнее отверстие над сводом покрыто в ряд 6 плитами. В небольших отверстиях, сделанных в стенах склепа на высоте около $1\frac{1}{2}$ саженей, заметны куски полуистлевшего дерева, вероятно от балок, поддерживавших некогда деревянный потолок, которого других следов не сохранилось. Что же касается до входа в этот склеп, то он сделан в восточной стене его и оказался с внутренней стороны заделанным или заваленным бутовым камнем, а снаружи примыкающим, по-видимому, к галерее или лестнице, которая ведет к нему из глубины какого-либо подземелья или склепа, находящегося в середине кургана на 10-саженном пространстве, отделяющем западный (ныне найденный) склеп от восточного, прежде

открытого, или, может быть, из сего последнего, если он имеет непосредственное сообщение с первым.

Продолжая сии работы, стоящие уже около 700 рублей серебром, я осмеливаюсь просить приказанья... остановить дальнейшее производство их, ибо открытие в Золотом кургане одного пустого и другого разоренного склепов представляет мало надежды на отыскание в нем гробницы, еще никем не тронутой. Если же необходимо расследовать этот курган систематически, то я полагаю бы углубиться в него посредством начатого продольного разреза, по крайней мере до центра, и потом сделать поперечный разрез юго-восточной части или возвратиться к поперечному разрезу западной и продолжать этот разрез с южной стороны, которая осталась еще не разработанною.

Тогда обрезы покажут, что именно могло укрыться в нем от древних и новых искателей золота. Между тем я постараюсь окончательно расследовать пройденную часть кургана, подавшись с разрезом вперед у входа в найденный склеп, и осмотреть сей последний в подробности».²⁸

Предложение Люценко приостановить раскопки Золотого кургана и на этот раз натолкнулось на сопротивление Перовского. В его письме от 4 октября сказано: «... хотя розыскания в Золотом кургане и стоят дорого, тем не менее не могу считать их бесполезными, ибо они устранят сомнения, что в сем кургане нет не тронутых еще гробниц, вследствие чего считаю нужным подвергнуть его окончательному расследованию».

В рапорте Люценко от 6 октября (№ 74) содержатся следующие данные о раскопках. «Продолжая работы на Золотом кургане в прежнем размере, я успел с 15 сентября по настоящее время достигнуть середины его посредством продольного разреза, так что расстояние, отделяющее этот разрез от восточного склепа, включает в себе уже не более 5 или 6 саженей. На пройденном пространстве разреза длиной около 5 саженей не оказалось никаких построек. По-видимому, 10-саженный промежуток, находящийся между открытым 3 сентября западным склепом и найденным в прежнее время восточным [склепом], наполнен весь одною огромною грудой камней. Впрочем, находясь в середине кургана на глубине более 5 саженей от поверхности его, мы не достигли еще скалы, потому что камни, наполняющие разные впадины ее, по тесноте места и огромной величине их требуют особенных способов для извлечения их и отвозки в сторону. Обойдя разоренный склеп с восточной стороны его, мы открыли стены

²⁸ Там же, л. 122—126.

галереи или крыльца, ведущего ко входу в него; они шли уступами, исчезающими в глубине каменной насыпи. Мы предполагали очистить склеп от камней, наполняющих его, войдя в него по ступеням крыльца; но предположение сие не исполнилось до сего времени. Огромные обвалы каменной насыпи с восточной стороны разреза, случившиеся 19 сентября и 3 октября, совершенно засыпали склеп со стороны входа в него. В настоящее время рабочие снова расчищают его».²⁹

В рапорте от 23 октября (№ 87) были сообщены новые сведения о раскопках Золотого кургана: «...склеп, открытый 3 сентября в западной части Золотого кургана, 9-го числа настоящего месяца совершенно очищен от камней, которыми он был завален внутри до плечей свода, причем открыта также пристроенная к нему с восточной стороны галерея длиной 1 сажень, шириною около 1 сажени и 1¼ аршина, которой стены состоят каждая из трех рядов больших тесаных камней, расположенных уступами на скалистом материке. Уступы эти, сделанные только на стенах галереи, оканчиваются насыпью на расстоянии 1 сажени от склепа.

Очистка склепа от камней произведена через сделанный в стене его против галереи старинный пролом, который сначала был принят нами за двери, ведущие в него; но, рассмотрев каменную кладку стен этого склепа внутри его, мы убедились, что он не имеет никаких дверей, даже со стороны галереи; ибо ряды тесаных камней, составляющие эти стены, замыкают его со всех сторон наглухо, не оставляя никаких промежутков для входа в него. Из чего мы должны предположить, что гробница³⁰ была помещена в нем прежде постройки свода, который выведен уже в последующие времена... По расчистке склепа не найдено в нем никаких следов или остатков от гробницы. В разоренных склепах обыкновенно находят человеческие кости, черепки битой посуды или обломки каких-либо украшений. В настоящем случае ничего подобного не найдено. Склеп этот, основанный на скале, находится в полуразрушенном состоянии. Он кажется сдавленным лежащею на нем каменною насыпью высотой около 4 сажень. В настоящем полуоткрытом его положении он может обрушиться вместе с этой насыпью. Каменный помост его, находящийся по сделанному мною предварительному измерению почти на одном горизонте с помостом восточного склепа и основанием циклопической стены, разрушен

совершенно. Огромные обломки скал, отделившиеся от материка, лежат в подпольных углублениях. В одном из этих углублений, находящемся в юго-западном углу склепа, мы нашли пролом в стене, имеющий, по-видимому, сообщение с тем проходом или миною, о которой я имел честь упоминать в прежних донесениях моих... Под этим проломом в скале, на которой стоит постройка, есть узкая и сколько можно было рассмотреть при свете фонаря глубокая расселина. Небольшие камни, брошенные в эту расселину, катясь по извилинам ее, нескоро достигали конца или дна оной. Впрочем, расселина эта так узка, что спуститься в нее невозможно... Между тем, продолжая разрытие кургана по середине в направлении от З к В, рабочие подошли весьма близко к восточному склепу, не встретив никакой постройки на пройденном ими протяжении. Так как на остальном протяжении насыпи до склепа нельзя уже ожидать построек, то я полагаю на будущей неделе направить разрез от западного склепа к югу и вести его поперек кургана до разоренной каменной гробницы, открытой в давнее время на небольшой глубине от поверхности кургана с южной стороны его».³¹

В рапорте от 6 ноября (№ 96) Люценко информировал Перовского о намеченном им плане дальнейших исследований Золотого кургана и о трудностях, на которые наталкивалось осуществление этого плана. Последний состоял в том, чтобы «направить разрез от западного склепа к югу и вести его поперек кургана до разоренной каменной гробницы, открытой в прежнее время на небольшой глубине от поверхности его, с южной стороны, ограничиваясь этою работою по причине недостатка рабочих, находив-

³¹ ЦГИА СССР. ф. 515, дело Канцелярии министра уделов, № 15, 1852—1853 гг., л. 157—158. — Здесь у Люценко, несомненно, допущена неточность. Он говорит о «разоренной каменной гробнице, открытой в прежнее время на небольшой глубине от поверхности его с южной стороны». Дойти до этой гробницы Люценко хотел с помощью траншеи, направленной от обнаруженного им западного склепа на юг. Возникает вопрос: какую Люценко в данном случае имел в виду «гробницу», когда и кем она была открыта? Судя по всему, Люценко предполагал подойти к юго-западному склепу, обнаруженному в 1833 г. Карейшей (план и разрез этого склепа воспроизведены у нас на рис. 2). Ни о каких иных «гробницах», которые были бы открыты до Люценко в западной половине кургана, сведений нет. Но если целью намеченной Люценко траншеи являлся склеп, раскопанный Карейшей, то представляется странным утверждение Люценко, что этот склеп якобы находился на небольшой глубине от поверхности кургана. Согласно отчету Карейши, «стена и свод гробницы» были обнаружены на глубине около 6 саж. (около 13 м) от вершины кургана. Примерно на той же глубине оказался и склеп, выявленный Люценко в западной половине кургана, севернее склепа, открытого Карейшей.

²⁹ Там же, л. 135—136.

³⁰ Под «гробницей» здесь подразумевается само погребение, т. е. останки умершего и сопровождавший его инвентарь. — В. Г.

шихся на Золотом кургане в числе 12 человек, и тесноты места, впредь до приискания другой партии рабочих, которая может быть назначена к разработке кургана с юго-западной или северо-восточной стороны его». Однако, как сообщает Люценко, он вынужден был 26 октября приостановить раскопки Золотого кургана, так как рабочие потребовали большего вознаграждения за свой труд, чем то, которое Люценко мог им предложить (максимальная плата составляла 1 р. 75 к. серебром за кубическую сажень). Навербовав новую партию рабочих, согласившихся работать по установленной расценке, 9 ноября Люценко возобновил исследования, подчиняясь требованию Перовского, который, как известно, настаивал на полном раскрытии Золотого кургана.

В том же рапорте Люценко приводит некоторые свои общие соображения по поводу раскопок на Золотом кургане. «Долгом считаю почти-нейшее донести... что разрытие Золотого кургана, произведенное с 21 июля по 26 октября сего года, далеко еще не достигло того положения, в котором можно считать его окончательно расследованным, хотя в длину от 3 к В он разрыт почти на всем протяжении с обнаружением в некоторых местах скалистого материка; боковые же части его и скаты ниже подошвы остаются еще не расследованными.

Принимая в соображение крутизну скатов Золотого кургана и глубину одних каменных насыпей в этом удивительном произведении рук человеческих, разрытие коего требует широких разрезов для свободного действия в них тачками, едва ли можно надеяться окончить совершенно розыскания в нем и в будущем году, если принять за правило производить их систематически, т. е. не оставляя ничего без должного расследования. В предположении на текущий год я имел в виду ограничиться расследованием только западной части Золотого кургана. Израсходовав 700 руб., я нашел разоренный склеп; издержав еще 375 руб. серебром, я прошел середину кургана и достиг противоположной стороны его, не сделав никаких открытий. Ныне вновь представляется некоторая надежда на открытие какой-либо постройки, ибо в юго-восточном углу продольного разреза в настоящем положении оного, под грудой больших камней у самой подошвы его, показалась острокопечная насыпь, состоящая из мелкого голыша. Насыпь эта может быть случайною, но тем не менее она должна быть подвергнута расследованию. Что же касается до расселины в скале, о которой я имел честь донести 23 октября, то дальнейшие розыскания в склепе показали, что она идет по всей длине его и направляется к галерее. Впрочем, расселина эта

так узка, что подробное рассмотрение оной в глубину решительно невозможно».³²

О последующем развитии работ, проводившихся еще в 1853 г., имеются сообщения в двух рапортах. 17 ноября (№ 113) Люценко писал: «...розыскания в Золотом кургане, возобновленные 9-го числа сего месяца..., продолжаются с малым успехом по случаю сильных дождей и ветров, препятствующих производству их... Каменная насыпь из мелкого рваного камня и голыша, замеченная в юго-восточном углу разреза, занимает, по-видимому, значительное протяжение и, вероятно, простирается до скалы, которая в этом месте не может быть обнаружена без предварительного снятия лежащей над нею другой насыпи, имеющей в разрезе около 5 сажень отвесной высоты и состоящей из больших рваных камней, между коими попадаетеся много отесков.

В ожидании более благоприятной погоды я полагаю расследовать некоторые места у подошвы кургана, в смежности с теми пунктами, где прежде были открываемы гробницы в земляных насыпных возвышениях».³³

Рапорт от 27 ноября (№ 120) содержит следующее сообщение: «На Золотом кургане работы продолжают в промежутки времени, когда погода благоприятствует им; но особенно примечательного ничего не открывается, кроме скабливающихся по временам с откосов разреза грубо отесанных камней, на коих вырезаны кресты, подобные мальтийским, с неясными около них буквами.

В разрезах земляных насыпей, сделанных в подошве кургана, появляются черепки битой посуды, показывающие, что и здесь были некогда жилища древних».³⁴

Трудно определить, что представляли собой упомянутые Люценко камни с вырезанными на них «мальтийскими» крестами и какими-то буквами. Может быть, это были христианские надгробия, из чего следовало бы предположить использование курганного холма для захоронений в средневековое время.

Неясно также, где были обнаружены «черепки битой посуды», давшие Люценко основание говорить о существовании древних жилищ. Вероятнее всего, их нашли за пределами крепиды кургана, поскольку в рапорте речь идет о «земляных насыпях», тогда как сам курган состоял из огромной массы бутового камня.

Хотя раскопки 1853—1854 гг. не оправдали возлагавшихся на них надежд, так как они не привели к открытию столь желанных «нетронутых гробниц», тем не менее никак нельзя считать эти раскопки бесполезными. Они позволили

³² Там же, л. 165—167.

³³ Там же, л. 173, 174.

³⁴ Там же, л. 198.

изучить структуру кургана. Достоинство всяческого сожаления отсутствие графической фиксации разрезов кургана, что, разумеется, затрудняет уяснение стратиграфии его насыпи. В какой-то мере о ней все же можно составить представление на основании подробных описаний, имеющихся в донесениях Люценко.

В результате открытия еще одного (ограбленного) склепа окончательно определился характер кургана как сооружения, воздвигнутого над тремя монументальными гробницами. Из них две, расположенные в западной половине кургана, представляют собой однотипные прямоугольные в плане склепы с уступчатыми покрытиями; третья — в восточной половине кургана — в виде купольного склепа является самым примечательным сооружением всего комплекса. Раскопки Люценко попутно выявили небезынтересные следы упорной деятельности грабителей, которые, невзирая на огромные трудности и риск, все же добрались до всех гробниц, скрытых в огромной каменной насыпи кургана. Кроме вертикальных колодеобразных ходов, были обнаружены на большой глубине сложные горизонтальные «мины» со следами деревянных креплений.

Раскопки Люценко были последним полемым исследованием Золотого кургана. В дальнейшем уже больше не предпринимались попытки продолжить его археологическое изучение. Курган и открытые в нем склепы, в том числе купольная гробница, постепенно разрушались, растаскивались населением, поскольку никакой охраны памятника не существовало. Дело закончилось, наконец, тем, что Керченская городская управа превратила курган в каменоломню и в 70-х годах он был совершенно уничтожен. Уцелели только фрагменты монументальной «циклопической» облицовки кургана. Это все, что сохранилось до настоящего времени от знаменитого Золотого кургана, породившего когда-то столько различных легенд и догадок.

В 1933 г. холм, на котором некогда находился Золотой курган и где уцелели еще некоторые остатки его каменного панциря, был отмежеван и включен в список памятников старины, подлежащих государственной охране. В этой связи была произведена инструментальная съемка плана сохранившихся облицовочных кладок кургана, что позволяет точно определить его конфигурацию и размеры площади, которую он занимал (рис. 4).³⁵ Как явствует из плана, курган не имел в своем основании формы правильного круга, он был вытянут по продольной (восток—запад) оси, протяженность

к которой составляет 88 м, тогда как поперечная ось (в направлении север—юг) равняется 67 м. Курган занимал площадь около 3420 м²; длина окружности его основания 265 м. Какова была высота кургана? Максимальная отметка глыбины, исчислявшаяся от вершины, у Люценко — 6 саженей, т. е. около 13 м. Однако следует учитывать, что в то время, когда Люценко производил раскопки, курган, особенно в верхней части, был уже значительно деформирован. Именно верхушка кургана была взорвана генералом Розенбергом. Следовательно, надо считать наиболее вероятной первоначальную высоту кургана примерно 15—16 м, а может быть, и несколько больше.³⁶ Рапорты Люценко о ходе раскопок свидетельствуют, что насыпь Золотого кургана, как и предполагал в свое время Кларк, представляла собой огромный холм, состоявший сплошь из рваного камня. Исходя из площади кургана и его высоты, можно заключить, что для создания курганной насыпи потребовалось не менее 20 тыс. кубометров бута, добытого, очевидно, из каменоломни, расположенной поблизости от места сооружения кургана.

Грандиозный навал камня, которому была придана форма сфероидального холма, мог надежно удерживаться на вершине горы при условии окружения его солидным каменным панцирем. Таковой и был сооружен в виде облицовки, сложенной из громадных полигональных блоков. «Циклопическая» обкладка придавала кургану величественный вид, но ее сооружение было обусловлено не столько эстетическими, сколько практическими соображениями. При такой массе камня, из которого был образован курган, и принимая во внимание место его расположения, разумеется, никак нельзя было ограничиться обычной крепидой — оградой, окаймляющей основание кургана. В данном случае требовалась стена, охватывающая всю насыпь кургана и выполняющая по отношению к ней роль могучего контрфорса.

Только отсутствие ясного представления о структуре Золотого кургана могло породить предположения, приписывающие возникновение облицовочной стены в качестве самостоятельной постройки, независимо от самого кургана, притом якобы во времена, значительно ему предшествующие. Высказывавшиеся в ли-

³⁵ Съемку плана выполнил городской землемер Керченского горисполкома Зорин.

³⁶ Облицовочная кладка кургана, его внешний панцирь, своим основанием лежит на скатах холма местами значительно ниже подошвы кургана, что вызывалось необходимостью придать кладке надлежащий уклон и обеспечить ее соответствующей силой противодействия распору насыпи кургана, состоявшей из камня. Очевидно, Дюбрюкс принимал за основание кургана самый нижний горизонт облицовочной кладки. И тогда получалось, что высота кургана превышала 20 м.

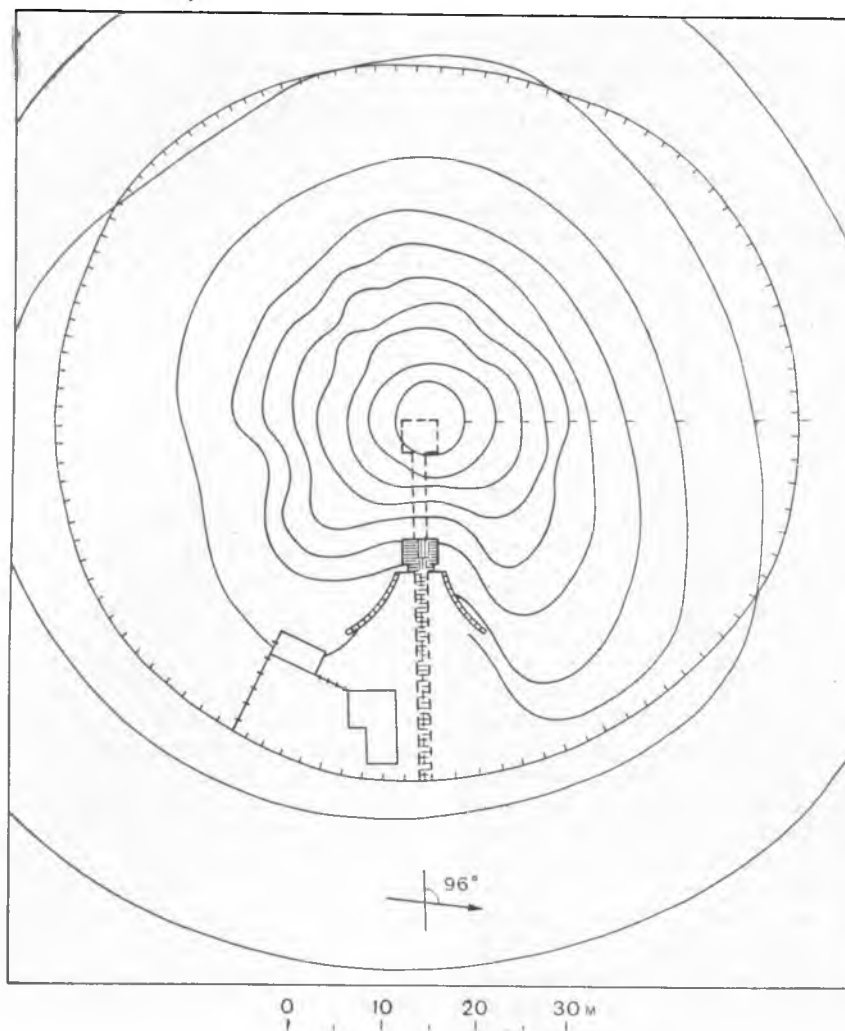

Рис. 4. Золотой курган. План (съемка 1933 г.).
Горизонтали проведены через 1 м.

температуре суждения о том, что «циклопическая» облицовка Золотого кургана относится не то к «киммерийской» эпохе, не то даже ко временам «эгейской культуры», необходимо отклонить, как совершенно необоснованные. «Мегалитическая» обкладка Золотого кургана, будучи приспособленной к профилю кургана и имея высоту свыше 10 м, не могла существовать сама по себе. Она прикрывала каменную насыпь кургана, опираясь на нее и образуя крепкий «футляр», предотвращавший расползание насыпи, внутри которой находилось несколько усыпальниц.

Весьма вероятно, что на вершине горы были совершены в какой-то последовательности захоронения, оформленные сначала в виде отдельных курганов. Только после того, как появился третий склеп, весь комплекс гробниц был перекрыт единой курганной насыпью из бутового

камня, охваченной снаружи могучей циклопической кладкой. Курган в его окончательном виде, очевидно, возник как осуществление определенного замысла — создать величественный надгробный памятник над тремя усыпальницами, в которых были похоронены в разное время (на протяжении, может быть, нескольких десятилетий) представители одной какой-то знатной семьи.

Что дает основания для такой интерпретации Золотого кургана? Прежде всего наблюдения, зафиксированные Люценко в связи с открытием северо-западного склепа. В разрезе, под верхней, общей для всего кургана массой камня, здесь была замечена весьма четко выделяющаяся грудa иного рода камня, перекрывающая толстую насыпь из морского песка. Под нею шел еще слой земли, и затем уже обнаружился склеп. Люценко упоминает следы доро-

жек, по которым подносили песок, когда создавалась насыпь над этим склепом. Более того, была обнаружена стена высотой около 0.70 м, служившая крепидой насыпи. В кладке стены оказался кусок плиты с обрывком двухстрочной греческой надписи. Досадно, что Люценко не только не сохранил камня, но и не догадался сделать хотя бы точной зарисовки его с передачей характера письма. Это могло бы дать нам некоторый хронологический критерий.

Стратиграфические данные, выявленные при раскрытии западного склепа, убеждают в том, что первоначально над ним был сооружен самостоятельный курган. Позднее его перекрыла огромная насыпь Золотого кургана, под которой уже оказались все три склепа.

В какой последовательности были сооружены гробницы, заключенные в насыпи Золотого кургана, выяснить невозможно, поскольку все они оказались ограбленными и поэтому не дали никакого материала.

Оба склепа, открытые в западной половине кургана, однотипны. Они относятся к той группе боспорских склепов IV в. до н. э., которая представлена наибольшим числом памятников. Характерные признаки склепов данного типа: погребальная камера — четырехугольная, перекрытие — ряд уступов, выдвинутых симметрично с двух боковых сторон. В склепе, раскопанном Карейшей, таких уступов семь (ср. рис. 2). Вероятно, столько же их было и во втором склепе, открытом Люценко, так как по своим размерам этот склеп близок к первому. Следует обратить внимание на одну особенность устройства склепа, раскопанного в 1853 г. В нем нет входного отверстия, хотя с внешней (восточной) стороны был обнаружен открытого типа дромос-коридор, огражденный двумя стенами. Указанное обстоятельство было специально отмечено Люценко, который подчеркивает, что все стены склепа были глухими.³⁷

Интересно, что и на вычерченном Карейшей плане аналогичного склепа, раскопанного в 1832 г., тоже не показано входного проема. Нет основания видеть в этом неточность наблюдений. В 1940 г. мы имели возможность принять участие в раскопке аналогичного склепа на Юз-Обе, в котором также все четыре стены были глухими, без каких-либо признаков входного проема.³⁸

³⁷ Первоначально Люценко как будто заметил в восточной стене следы проема, но потом, после полной расчистки склепа, убедился, что никакого проема в стене не было.

³⁸ Раскопку эту вел тогда (от Керченского музея) К. П. Кивокурцев в связи с некоторыми строительными работами, затронувшими кряж Юз-Обы на участке, где его пересекает дорога, ведущая из Керчи в Чурубаш (теперь с. Приозерское). Был открыт монументальный склеп (он оказался ограбленным)

Возможно, Люценко прав в своем предположении, что возведение уступчатых перекрытий в таких склепах происходило уже после того, как было совершенно захоронение. Возникает вопрос: не являются ли подобные склепы наиболее ранними сооружениями данного типа, когда у местных строителей еще не успел накопиться достаточный опыт в возведении четырехугольных склепов с уступчатыми покрытиями?

Главным источником, на основании которого до сих пор строились все суждения о купольной гробнице Золотого кургана, замечательном памятнике боспорской архитектуры, являлись обмеры, выполненные Шмаковым в 1853 г. и опубликованные, как известно, в ДБК.³⁹ Сделать позднее повторные обмеры склепа было невозможно, так как в 70-х годах прошлого столетия памятник безвозвратно погиб. Мы уже говорили, что обмеры Шмакова (даже в случае их точности) все же не могли быть полноценными, ибо памятник в начале 50-х годов был далеко не таким, каким его открыл Карейша. Рассмотрев чертежи Шмакова — план купольной гробницы, продольный ее разрез, поперечный разрез с видом в сторону входа и вид на вход в гробницу со стороны дромоса, — мы прежде всего приходим к заключению, что к тому времени, когда Шмаков проводил обмеры, купольная гробница почти полностью лишилась дромоса. От него уцелели только жалкие остатки, сохранившиеся непосредственно возле входа в склеп. Дромос в 1853 г. фактически уже не существовал. Очевидно, он разрушился, а строительный материал был использован населением. Таким образом, в ДБК купольная гробница представлена в искаженном виде: на чертежах показан короткий дромос в соответствии с тем, на каком протяжении Шмакову удалось проследить его. В действительности же, как мы знаем, склеп сочетался с ведущим в него очень длинным дромосом, что подтверждают отчет Карейши и его чертежи, а также описания склепа у Дюбуа и Дюбрюкса. Имеются лишь некоторые расхождения относительно размеров дромоса. Карейша и Дюбуа утверждают, что дромос имел в длину свыше 18 м, Дюбрюкс называет несколько меньшую цифру — около 15 м. Мы вправе оказать предпочтение измерениям Карейши, который имел возможность сделать их достаточно точно сразу после от-

с полуразрушенными перекрытиями в виде уступов, выступающих с двух продольных сторон. Обмеры склепа, выполненные по моему поручению О. Бодаевым, к сожалению, погибли в Ленинграде во время блокады. В склепе оказались несколько золотых бляшек и фрагментированные алабастры очень больших размеров.

³⁹ ДБК, I, с. СХХ—СХХVI, атлас, черт. Аа.

крытия склепа. Надлежит, таким образом, считать протяженность дромоса равной примерно 18 м.

Рассмотрим теперь обмеры самого склепа. По чертежам Шмакова выходит, что высота погребальной камеры составляла 4 саж. 1 арш. 6 вершков, т. е. 9.5 м. Указанная величина совершенно не соответствует тем сведениям, которые дают Карейша, Дюбуа и Дюбрюкс. Согласно Карейше, высота склепа 6 саж., т. е. 12.78 м, по Дюбуа — 10.64 м, по Дюбрюксу — 11.36 м. Приходится думать, что высота склепа была, скорее всего, около 11 м. Очевидно, Шмаков делал обмеры погребальной камеры без расчистки ее до пола, который в 1853 г. находился уже под толстым слоем завалов. Предположение это подтверждается следующим обстоятельством. Как указывает Дюбуа, пол дромоса (во время открытия гробницы) был на 10 футов, т. е. на 3.04 м, выше пола погребальной камеры. На чертежах Шмакова разница этих уровней составляет только 2 арш. 6 вершков, т. е. 1.68 м. Отсюда следует, что Шмаков принял за пол гробницы поверхность завала, тогда как настоящий пол лежал глубже по крайней мере на 1.36 м.

Если прибавить 1.36 м к ошибочно получившейся у Шмакова высоте 9.50 м, то окажется, что высота склепа в действительности равнялась почти 11 м. Последнее вполне совпадает с показаниями Дюбуа и Дюбрюкса.

Теперь надлежит выяснить основной вопрос: какова же была конструкция круглой гробницы? На разрезах склепа, исполненных Шмаковым, уже второй ряд кладки, считая от пола погребальной камеры, выдвинут вперед; все вышележащие ряды также образуют уступы. Следовательно, согласно обмерам Шмакова, уступчатая кладка склепа как будто начиналась с самого низа. Правда, мы уже установили, что обозначенный на разрезах Шмакова пол на самом деле полом не являлся. Но сейчас важно не это, а другое — конструкция склепа по данным обмеров Шмакова. Его разрезы показывают, что при 17 рядах кладки, образующих круглую гробницу, насчитывалось якобы 16 уступов, постепенно сужающих ее поперечник. При внимательном рассмотрении чертежей Шмакова выявляется явная несообразность. Противолежащие профили нижней части склепа на продольном разрезе не совпадают! Левая сторона разреза рисует уступы начиная со второго ряда кладки. Правая сторона того же разреза, проходя через входной проем и рассекая три нижних ряда кладки погребальной камеры, дает совершенно ровный отвесный профиль, свидетельствующий об отсутствии уступов ниже уровня входа. Что же надлежит считать правильным: левую или

правую сторону разреза? Очевидно, у Шмакова верно сделана правая половина разреза. В этом нас окончательно убеждает чертеж склепа, исполненный Карейшей (ср. рис. 1). Согласно Карейше, пятью нижними рядами кладки была образована совершенно отвесная кольцевая стена, высота которой равнялась $1\frac{1}{2}$ саж., т. е. 3.20 м. Только с этого уровня начинался «купол» гробницы. Понятно, что Шмаков не мог видеть все пять рядов кладки, ибо, как мы знаем, погребальная камера была уже частично засыпана, а Шмаков принял верхний уровень насыпи за «пол» гробницы. Правая сторона продольного разреза все же ясно показывает, что Шмаков точно зафиксировал отвесный профиль стены в пределах трех рядов кладки, оставшихся открытыми. При окончательном составлении чертежей Шмаков, однако, допустил грубую ошибку. На поперечном разрезе, а также в левой части продольного разреза он изобразил уступы с самого низа погребальной камеры, не заметив, что это находится в вопиющем несоответствии с правой стороной продольного разреза. При подготовке к изданию в ДБК чертежи Шмакова были перечерчены, причем Жиль пытался внести в них соответствующие уточнения, но сделал это недостаточно тщательно и последовательно. Все уступчатые ряды кладки «купола» были подчеркнуты двумя линиями, дополняющими линию горизонтального пьва кладки. Посредством такого условного обозначения Жиль показал, что уступов было 14 и что они начинались только от уровня пола во входном проеме. При этом, однако, остались графически неисправленными профили разрезов, поэтому в чертежах сохранились противоречия, без устранения которых невозможно составить правильного представления об устройстве купольной гробницы.

На основании всех имеющихся материалов, детально рассмотренных выше, мы теперь можем обрисовать устройство купольного склепа более точно. Графически это представлено на рис. 5.

При реконструкции облика купольной гробницы за основу приняты обмеры Шмакова, в которые нами внесены необходимые исправления и дополнения, основанные на других источниках.

Купольная гробница представляла собой монументальное сооружение, состоящее из длинного крытого дромоса, ориентированного по линии северо-запад — юго-восток, и круглой в плане погребальной камеры. Длина дромоса около 18 м, ширина 2.22 м, высота 6.55 м. Дромос имел уступчатое покрытие. Кладка уступчатого свода начиналась на высоте 3.65 м. С каждой стороны было по шесть уступов.

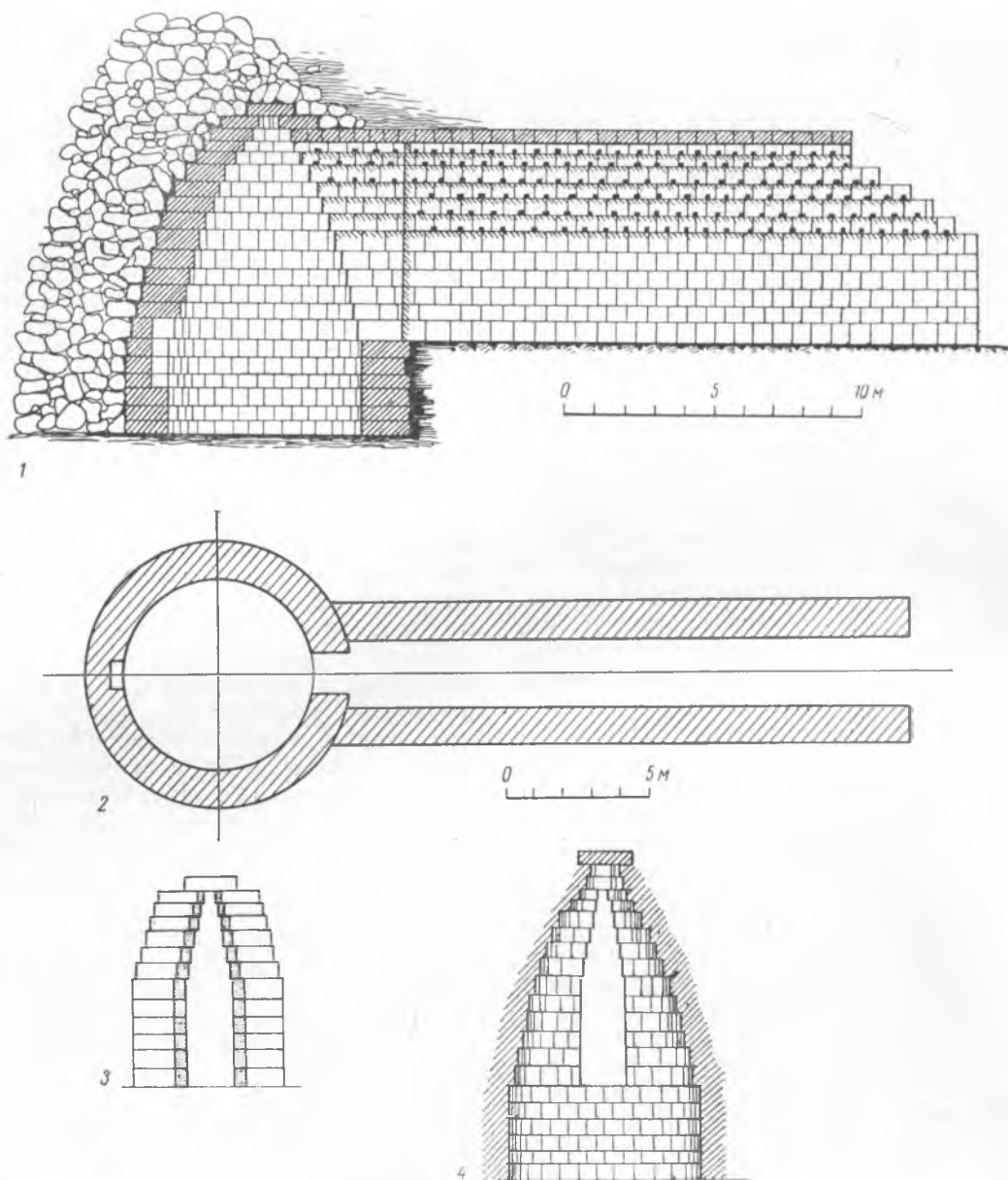

Рис. 5. Золотой курган. Реконструкция плана и разрезов.

1 — продольный разрез склепа и дромоса; 2 — план склепа и дромоса; 3 — разрез дромоса; 4 — разрез склепа.

В плитах кладки ступенчатого свода имелись четырехугольные углубления — гнезда для поперечных деревянных балок.

Дромос подводил к входному проему, ведущему в погребальную камеру. Проем уже и ниже дромоса, но по своим очертаниям он повторял профиль дромоса. Размеры проема: высота 6.65 м, ширина 1.50 м. Как и в дромосе, его перекрытие состояло из шести уступов, выдвинутых с обеих сторон. В трех верхних рядах уступы были снабжены гнездами

для балок. Начиная от второго ряда кладки (считая от пола дромоса) боковые стороны входного проема все более удлинялись, соответственно постепенному сужению диаметра погребальной камеры кверху. Наружные края входного проема (со стороны дромоса) были отвесными, внутренние же края (со стороны камеры) имели уступчатый профиль, причем уступы перекрытия входного проема органически соединялись с уступами «купола» погребальной камеры.

Пол склепа был расположен значительно ниже входного проема. Эта нижняя часть камеры — от пола до уровня входного проема — имела ровные отвесные стены, ее высота около 3 м, диаметр 6.30 м. Прямо против входа в стене имелась ниша, ее размеры (по Дюбрюксу): высота 2.30 м, ширина 1.06 м.

На кольцевой отвесной стене склепа поко-

ился купольный уступчатый свод высотой 8 м. «Купол» был образован 14 рядами кладки, из которых каждый выступал над нижележащим рядом. Верхнее отверстие купола закрывала одна плита, положенная на кладку последнего уступа сверху. Высота погребальной камеры от пола до замыкающей «купол» плиты около 11 м.

Царский курган

Восстановить полностью историю исследования Царского кургана невозможно из-за отсутствия соответствующих материалов в архиве Керченского археологического музея, погибших во время Великой Отечественной войны. Некоторые сведения о раскопках Царского кургана, основанные на имевшихся в названном архиве данных, были опубликованы Ю. Ю. Марти.⁴⁰ Однако мы не знаем, в какой мере полностью были использованы архивные документы, относящиеся к интересующему нас вопросу.

На основании сведений, приводимых Марти, история раскопок Царского кургана рисуется в следующем виде. Работы по исследованию кургана с 3 ноября 1833 г. проводил А. Ашик. Раскопки продвигались очень медленно, что было обусловлено, в частности, особой структурой насыпи кургана. Относительно обстоятельств, вызывавших замедленные темпы раскопок, Ашик писал: «Сие происходит от того, что камень из кургана добывается очень медленно по той причине, что каждый слой камня покрыт толстым слоем глины, и таким образом сложен весь курган сей, совершенно различествующий устройством своим от прочих насыпей, в окрестностях Керчи находящихся».⁴¹ Ввиду особой сложности земляных работ вскоре пришлось повысить плату рабочим. В ноябрьском рапорте Ашик сообщил: «Но до склепа еще довольно далеко; нужно еще много труда ... чтобы дойти до оно́го». В конце года работы по раскопке кургана еще продолжались.

Остается неясным, когда раскопки Царского кургана, начатые в ноябре 1833 г., были прерваны. По словам Марти, вопрос о возобновлении исследований Царского кургана был возбужден Ашиком 15 октября 1836 г. Следовательно, в 1834 и 1835 гг., а также в течение большей части 1836 г. раскопки кургана не проводились. Едва ли в действительности это было так? Кажется маловероятным, чтобы

раскопки столь заманчивого объекта, каким представлялся Царский курган, были почему-то совсем прекращены на столь длительный срок. Скорее можно думать, что в архиве Керченского музея отразились не все стадии раскопочных работ на Царском кургане.

Как бы то ни было, получив в октябре 1836 г. разрешение продолжить расследование, Ашик возобновил работы, увенчавшиеся в феврале 1837 г. открытием замечательной гробницы.

В газете «Одесский вестник» 6 февраля 1837 г. (№ 11) была напечатана следующая корреспонденция из Керчи. «В большом кургане, близ Нового Карантина, названном Царским, раскопка которого начата еще в 1834 г., открыты г. Ашиком огромные, в сажень толщины стены, из больших тесаных камней, украшенных рустиками. Стены эти, по мнению г. Ашика, образуют ход в гробницу, которая должна находиться в центре кургана. Ход этот не имеет свода, и чтобы дойти до предполагаемого места, должно разрыть и вынести покрывающую его огромную массу земли, отчего работы на этом кургане должны продолжаться еще по крайней мере целый месяц. Чтобы иметь понятие о величине этого кургана, важнейшего из всех курганов Боспорского царства, нужно только сказать, что в центре своем он имеет до восьми сажень в вышину. Этот ход почти в самом начале заложен большими тесаными плитами, укрепленными по концам свинцом. Надеялись, что, разломав эту преграду, можно будет войти в гробницу, но позже открылось, как сказано выше, что этот ход не имеет свода и забит мелким щебнем, известью и землею».

Очевидно, приведенная выше заметка о ходе раскопок Царского кургана была составлена корреспондентом газеты со слов самого Ашика, скорее всего, еще в конце января 1837 г. Как видим, в то время удалось обнаружить вход в дромос, который был заложен большими плитами, скрепленными между собою, вероятно, свинцовыми скобами. Работа по раскрытию дромоса, очевидно, шла очень интенсивно, так как 22 февраля в рапорте, направленном

⁴⁰ Марти Ю. Ю. Сто лет Керченского музея. Керчь, 1926, с. 10 сл.

⁴¹ Цит. по: Марти Ю. Ю. Сто лет Керченского музея. — Следующие выдержки из рапортов Ашика приводятся нами по этому же источнику.

Керченскому градоначальнику, Ашик уже сообщил об открытии склепа.

Никакого описания, характеризующего состояние склепа и дромоса в момент их открытия, не сохранилось. Известно лишь, что склеп оказался ограбленным в какие-то давние времена. Казалось бы, что после сообщения, напечатанного в «Одесском вестнике» в начале февраля и возбудившего, несомненно, живой интерес у читателей к раскопкам столь выдающегося археологического памятника, должна была бы в дальнейшем появиться информация о конечных результатах раскопок — об открытии уникального архитектурного сооружения, каким является гробница-склеп и дромос Царского кургана. Но никакого сообщения об этом в газете не появилось. Нетрудно догадаться, что явилось причиной такого умолчания.

Грандиозность самого кургана, обнаружение монументального и великолепного в архитектурном отношении дромоса — все это, несомненно, вселяло в производивших раскопки людей, прежде всего в их руководителя Ашика, надежды на открытие в гробнице исключительно ценных находок, перед которыми померкнет Куль-Оба. Понятно, что при таких настроениях и ожиданиях обнаружение пустого, полностью ограбленного склепа не могло не вызвать разочарования. В этих условиях была утрачена способность должным образом оценить величественную архитектуру гробницы, открытие которой являлось большим достижением русской археологии и ценнейшим ее вкладом в изучение античной культуры Северного Причерноморья.

Отсутствие находок внутри склепа побудило Ашика продолжать раскопки насыпи Царского кургана в расчете на возможность обнаружения других гробниц, притом неразграбленных.

Ход последующих раскопок не поддается точному выяснению. Марти пишет: «Упорно и настойчиво продолжались раскопки в следующие годы» (имея в виду период после 1837 г.). Раскопки, проводившиеся в «следующие годы», охарактеризованы лишь выдержкой из рапорта Ашика от 1 июня 1842 г., сообщавшего, что с восточной стороны оставалась часть земли, неоконченной раскопкой. Там же Ашик писал: «По слоям земли и по обломкам находимых в земле глиняных сосудов можно было надеяться на близкое открытие гробницы». Здесь очень интересным является указание на встречавшиеся при раскопках курганной насыпи фрагменты керамики. Но остается абсолютно неизвестным, какого рода была эта керамика.

Ашик, по-видимому, настолько был уверен в присутствии какой-то боковой гробницы в восточной части кургана, что стал вести рас-

копки на собственные средства. Им было нанято 6 человек, но к успешным результатам эти работы не привели. Гробницы не оказалось.

В одном из своих рапортов 1842 г. Ашик писал: «Нельзя, однако, сказать, чтобы в этой искусственной и замечательной горе не скрывалось еще чего-нибудь, кроме открытой пирамидальной гробницы. Но трудно и предугадать это. Вырыто в ней много земли, но еще больше остается нетронутой. Левая сторона кургана с западной стороны вся почти целая».

В 1842 г. Ашик окончательно прекратил свои изыскания на Царском кургане. Марти считал, что раскопки Царского кургана шли с некоторыми перерывами девять лет: в конце 1833 г. они были начаты, в 1842 г. окончены. Позже, в 1844 г., производились, но безрезультатно еще дополнительные исследования западной стороны кургана.

В какие именно годы Ашик вел раскопки Царского кургана на протяжении 1833—1842 гг., как эти работы осуществлялись, что было наблюдеено в процессе раскопок, ничего не известно. Единственным зафиксированным фактом является упоминавшаяся выше находка обломков керамики. Но мы не знаем ни ее характера, ни возможного объяснения присутствия этой керамики в курганной насыпи. Можно лишь считать вполне установленным отсутствие каких-либо погребений в переконпанных частях курганной насыпи. Кроме того, была выяснена в общих чертах структура самой курганной насыпи, что нашло потом отражение на одном из чертежей, передающем разрез кургана, изготовленном в 1853 г. Шмаковым для «Древностей Босфора Киммерийского» (подробнее см. далее).

Результаты раскопок Царского кургана были впоследствии суммированы Ашиком: «Самая замечательная гробница есть бесспорно та, которая названа была мною царскою: она находится в 4 верстах от Керчи, NNO близ карантинных зданий. Мало есть памятников, которые могут соперничать в изяществе с этой гробницей».

Огромные стены составляли вход в гробницу; этот вход почти в самом начале своем был заложен большими плитами, скрепленными по концам свинцом. Кургана по его огромности назван Царским.

Хотя расходы, употребленные на раскопку Царского кургана, не покрылись открытием сокровищ, однако труды наши вознаградились находкою гробницы, которая по величине и устройству своему принадлежит к самым замечательнейшим памятникам этого рода на Керченской земле. Устройство кургана совершенно отлично от тех, которые доныне были мною раскапываемы: все они сооружены из

одного только камня или из земли; Царский же курган состоит из толстых слоев глины и крупного камня. По этому самому никак нельзя было ожидать, чтобы хранившиеся в нем сокровища были похищены; между тем вышло противное. Из исторических записок путешественников видно, что генуэзцы при самом начале своего владычества в Крыму тотчас обратили корыстолюбивые виды свои на Пантикапейские курганы; это доказывается еще тем обстоятельством, что на стенах открытой гробницы находятся в нескольких местах кресты. Вообще генуэзцы были гораздо искуснее нас в раскопке курганов, потому что разрытые ими насыпи не представляют снаружи почти никаких признаков раскопки.

Царский курган имеет в окружности, у самой подошвы, 125 саженей; ход в гробницу простирается на 17 саженей. Огромные боковые стены его, украшенные рустиками, сходятся вверху на расстоянии $5\frac{1}{2}$ саженей от основания и составляют конический свод, состоящий из 11 уступов камней, лежащих горизонтально один на другом. Вышина самой гробницы, от основания до верхнего камня, замыкающего свод, простирается на 5 саженей. Над нижними стенами видны другие стены, составляющие сначала многоугольник, а потом круг, восходящий в виде правильного конуса... Мне кажется, что открытый нами памятник не имеет ничего равного себе в сфере древнего зодчества... На стенах нашей гробницы заметны впадины, в которые, вероятно, были вделаны мраморные и бронзовые плитки или разрисованные деревянные дощечки.

Гробницы, подобные этой, могут служить доказательством, что в Пантикапее, как и в Египте, гробницы царские, сооружение которых требовало много времени, созидаемы были при жизни тех лиц, для которых они должны были служить местом вечного успокоения.

Трудно определить время постройки этой гробницы и какому именно из воспорских архонтов она принадлежала. Я отношу ее, подобно гробницам в Золотом кургане и Кулобскую, к первым векам владычества греков в этом крае.⁴²

Хотя са времени открытия гробницы Царского кургана прошло тогда уже свыше десяти лет, Ашик еще не мог полностью освободиться от чувства огорчения, вызванного тем, что в этой гробнице он не нашел «сокровищ». Однако теперь, как показывает приведенный выше отрывок из труда Ашика, он уже вполне здраво оценивал исключительное значение гробницы Царского кургана, являющейся един-

ственным в своем роде памятником античной архитектуры.

На рис. 6 мы воспроизводим вид Царского кургана, который был дан Ашиком в качестве иллюстрации к его описанию. При всем несовершенстве этот рисунок все же имеет, как мы увидим в дальнейшем, важное значение для уяснения некоторых деталей архитектуры гробницы, заключенной внутри кургана.

Некоторые дополнительные прокопы в насыпи Царского кургана были сделаны в 1853 г. во время обмеров кургана, проводившихся в связи с подготовкой к изданию ДБК.

Начальник 1-го отделения Эрмитажа Жиль возбуждал еще в 1851 г. вопрос о необходимости изготовить ряд рисунков, карт и планов, относящихся к древностям Керченского полуострова. Этот материал предполагалось опубликовать в ДБК. Жиль составил список объектов, по которым требовалось производство топографической съемки и архитектурных обмеров. В этом перечне памятников значился и Царский курган.⁴³ Осуществление работ было возложено на подполковника корпуса топографов Рябова и «архитектурного помощника» Шмакова.⁴⁴ В смете, составленной Шмаковым, по Царскому кургану предусматривались расходы: «Для раскопки и обратной засыпки колодца сверху кургана до ключа и для очистки ключа... Для прорытия траншеи сбоку кургана... Для разбора бутовой кладки, которой обложены тесаные стены кургана».

Надо полагать, что предусмотренные Шмаковым исследования на Царском кургане как-то были выполнены, что и нашло свое отражение на изготовленных Шмаковым чертежах, которые опубликовал потом Жиль в ДБК.⁴⁵

⁴³ В списке Жили имелось девять заданий: 1) исследование в 6 верстах за дер. Султановской; 2) исследование Царского кургана; 3) исследование Золотого кургана (главной гробницы. — В. Г.); 4) исследование развалин в кургане (т. е. всех прочих сооружений, связанных с Золотым курганом. — В. Г.); 5) исследование в окрестностях карантин; 6) отыскание древних колонн на песчаной отмели против Еникале; 7) снятие рисунков с древностей; 8) исследование окрестностей Кармыш-Келечи; 9) исследование окрестностей Опука. См.: ЦГИА СССР, ф. 515, дело Канцелярии министра уделов, № 7, 1852—1854 гг., л. 4—6.

⁴⁴ Работы выполнялись в сентябре 1853 г. через посредство штаба начальника Черноморской береговой линии.

⁴⁵ Точность этих чертежей не могла быть вполне удовлетворительной, поскольку на выполнение всех достаточно трудоемких заданий Шмаков и Рябов затратили всего около трех недель. Работы начались в конце августа, а уже 23 сентября 1853 г. из Керчи в Петербург были высланы в законченном виде следующие планы и рисунки: 1) топографический план северной покатости горы Митридат; 2—5) чертежи катакомб, находящихся на северной покатости горы Митридат; 6) план горы Митридат; 7) рисунок скал

⁴² Ашик А. Воспорское царство, II. Одесса, 1848, с. 28 сл., табл. I.

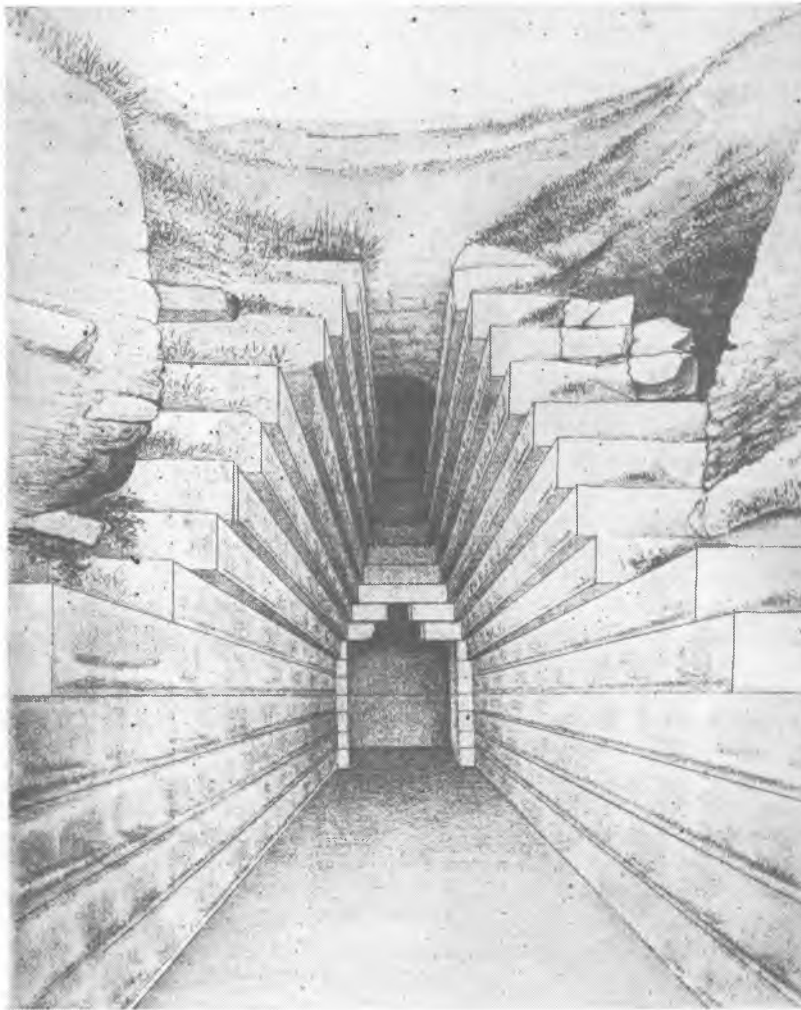

Рис. 6. Царский курган. Общий вид дромоса. Рис. А. Ашика (1848 г.).

Отсутствие обстоятельного описания склепа и дромоса в Царском кургане, сделанного сра-

на горе Митридат; 8) чертеж древнего укрепления близ Золотого кургана; 9) чертеж Золотого кургана; 10) топографический план того же кургана, вид его с западной стороны, фасад и разрез циклопической стены и чертеж гробницы; 11) вид Царского кургана с западной стороны; 12) чертеж Царского кургана; 13) план окрестностей Еникальского маяка; 14) план горы Опук; 15) план окрестностей Чурубашского озера; 16) план окрестностей деревни Куурдак; 17) план Аккосова вала; 18) карта Керченского полуострова; 19) памятник Стемпковскому на горе Митридат. К перечисленным планам и рисункам прилагались описания: 1) вала Аккосова; 2) Царского кургана; 3) Золотого кургана; 4) окрестностей деревни Куурдак; 5) окрестностей Еникальского маяка; 6) залива между северною косою и берегом Тамани; 7) горы Опук; 8) древних построек внутри г. Керчи; 9) катакомб; 10) деревни Кармыш-Келечи; 11) окрестностей Чурубашского озера; 12) окрестностей Такиль-Бурукского маяка.

зу же после их открытия, не дает возможности составить представление о степени сохранности архитектурного памятника. Все ли в нем было цело? Не оказались ли какие-нибудь части постройки разрушенными при ограблении склепа? Есть основания предполагать, что Ашик открыл склеп с большим проломом в перекрытиях передней, т. е. юго-западной, части дро-

Весь этот обширный список работ Шмакова и Рябова не оставляет никаких сомнений в том, что раскопки ими проводились в крайней спешке. Кстати, отметим, что за те же три недели Шмаков успел, помимо всего прочего, произвести в течение двух дней на «мореходном баркасе с пятью гребцами» обследование северной косы в поисках мраморных колонн, которые, по имевшимся сведениям, где-то там должны были находиться под водой. Если верить финансовому отчету, Шмаков производил при своих обмерных работах раскопки, располагая 32 рабочими в течение 22 дней.

моса. Это подтверждает рисунок Царского кургана, изданный Ашиком. Рисунок в общем очень плохой, но в данном случае его недостатки не имеют существенного значения. На рисунке представлен вид дромоса с юга, причем здесь очень отчетливо заметно отсутствие замыкающей кладки свода дромоса в передней его части. Следовательно, уже в 40-х годах XIX в. дромос находился в сильно поврежденном состоянии. Это же состояние отражено и обмерами Шмакова. На продольном разрезе кургана, исполненном Шмаковым, ясно показано отсутствие перекрытия над всей юго-западной половиной дромоса. Отсутствуют замыкающие «свод» плиты и над значительной крытой частью дромоса.⁴⁶

Должную ясность в данный вопрос вносит рапорт Ашика (№ 42 от 12 мая 1840 г.), в котором ставился вопрос о необходимости принятия мер по охране Царского кургана: «Чтобы спасти курган царский от разрушения и сохранить это здание, как лучший монумент Пантикапеи, я бы предлагал исправить ту часть коридора, которая была сломана при первоначальном разрытии этого кургана, и потом у входа устроить прочную ограду с решетчатыми железными воротами».

Как видим, здесь речь идет о той части дромоса, которая была разрушена «при первоначальном разрытии». Ясно, что при этом Ашик имел в виду не собственные раскопки, а те давнишние «разрытия», в результате которых склеп Царского кургана был разграблен.

К тому же, как нам это хорошо известно (из упоминавшейся выше корреспонденции, опубликованной в «Одесском вестнике»), Ашик провик в дромос не посредством снятия плит, замыкавших его свод, а с южной стороны дромоса, т. е. со стороны входа, оказавшегося заложённым плитами, связанными между собой свинцовыми скрепами.

Наличие повреждений в перекрытии дромоса уже в то время, когда Ашику удалось обнаружить склеп, подтверждается сообщением директора Керченского музея Люценко. В связи с обсуждением вопроса о реставрации Царского кургана он в одном из своих рапортов Археологической комиссии писал: «Нам совершенно неизвестно, как понижался свод галереи по мере приближения ее к подошве кургана и как был устроен вход в эту галерею.

⁴⁶ Там, где разрез проходит через плиты, перекрывающие дромос, на чертежах Шмакова дана наклонная штриховка. Но примерно от середины и далее на юг эта штриховка отсутствует, ибо, очевидно, самого последнего ряда плит здесь на месте не было.

Известно только то, что они найдены были уже разрушенными».⁴⁷

Принимая во внимание все уже сказанное, следует признать, что гробница в Царском кургане была открыта с разрушенной частью свода дромоса. Очевидно, этот пролом в перекрытии был результатом разрушительной работы грабителей, проникавших в склеп, может быть, не один раз.

Ашик приписывал генуэзцам разграбление склепа в Царском кургане, ссылаясь на кресты, вырезанные в ряде плит на стенах дромоса и склепа. Однако по своей форме эти кресты представляются нам более древними (рис. 7). Поэтому можно думать, что еще задолго до генуэзцев было совершено проникновение в погребальное сооружение Царского кургана, в результате чего последнее лишилось своего содержимого.

После открытия склепа в 1837 г. Царский курган не был обеспечен охраной. Не подвергся он тогда и консервационно-реставрационным работам, которые могли бы предотвратить порчу памятника от действия природных факторов. В результате памятник стал постепенно разрушаться, чему в немалой степени способствовало отсутствие перекрытий над значительной частью дромоса. Вредило памятнику и местное население. Повреждения внутренней архитектурной части кургана причинялись искателями кладов. Бродивший по насыпи кургана скот не только деформировал ее, но и способствовал образованию завалов, загромождавших дромос.

К началу 60-х годов XIX в. состояние Царского кургана оказалось столь угрожающим, что на это обратила внимание и Археологическая комиссия. Понууждали ее к тому появившиеся в печати заявления о недопустимости равнодушного отношения к разрушению таких выдающихся памятников древности, как Царский курган.⁴⁸ Стала очевидной необходимость принятия срочных мер по спасению Царского кургана. Надо было выполнить надлежащие архитектурно-реставрационные работы и прежде всего привести памятник в такое состояние, чтобы его не могли разрушать атмосферные

⁴⁷ Архив ЛОИА АН СССР, дело Археол. комиссии, 1864, № 22, л. 12 (рапорт А. Е. Люценко № 19 от 20 апреля 1865 г.). — Люценко сначала не совсем правильно представлял себе конструкцию дромоса, предполагая, что его свод когда-то понижался к югу («по мере приближения... к подошве кургана»). В дальнейшем, осуществляя реставрацию, Люценко должен был убедиться, что никакого «понижения» свод дромоса никогда не имел.

⁴⁸ Об этом, в частности, писал М. П. Погодин в газете «Московские ведомости» (1863, № 168), назвавший склеп Царского кургана «драгоценностью науки».

Рис. 7. Царский курган. Кресты, вырезанные на камнях кладки дромоса.

осадки. Одновременно встал вопрос о постройке у кургана сторожки.

В целях изыскания средств на эти работы (они требовали около 3 тыс. руб.) Археологическая комиссия сначала попыталась обратиться к частной благотворительности, к сбору пожертвований по подписке. Возлагались при этом особенно оптимистические надежды на жителей Керчи, на археологические общества и т. д. Чтобы возбудить интерес «керченской публики» к данному предприятию, заместитель Археологической комиссии В. Тизенгаузен поместил в газете «Полицейский листок Керчь-Еникальского градоначальства» (№ 44, 1 ноября 1864 г.) статью «Нечто о Царском кургане», тексту которой был предпослан весьма выразительный эпиграф: «С миру по нитке, голому — рубашка».⁴⁹

Статья начиналась следующим описанием состояния Царского кургана: «Всем, интере-

сующимся нашими отечественными древностями, конечно, знакомы прекрасные памятники греческого зодчества близ Керчи, известные под названием Золотого, Куль-Обского и Царского курганов, — громадные, прикрытые насыпями склепы, чрезвычайно искусно сложенные из больших тесаных камней, с так называемыми египетскими сводами. Первые два из этих сооружений благодаря нашему прежнему равнодушию уже окончательно разрушились, или, правильнее говоря, растасканы на местные постройки. Подобная же участь грозит и Царскому кургану, который год от году приходит в более плачевное состояние. Всякий, кому в последние годы приходилось бывать в Керчи и видеть это замечательное сооружение, без сомнения, выходил из него с самым грустным впечатлением о жалком его положении. Много, правда, было говорено, немало и писано о необходимости поддержания Царского кургана, но этими толками и возгласами и ограничивалось все дело».

Далее Тизенгаузен излагал свой план «сохранения и поддержания Царского кургана», который «составляет украшение, славу Керчи». В основу плана входил сбор средств, необходимых для реставрации кургана и постройки жи-

⁴⁹ Статья подписана инициалами «В. Т.». В письме от 5 сентября 1864 г., адресованном председателю Археологической комиссии Л. А. Перовскому, В. Г. Тизенгаузен сообщает, что он послал статью «в редакцию Керченского листка» (Архив ЛОИА АН СССР, дело Археол. комиссии, 1864, № 22, л. 2 об.).

лого караульного домика при нем, путем добровольных пожертвований.

Никаких положительных результатов призыв Археологической комиссии, обращенный в основном к «богатым жителям» Керчи, не дал. Между тем сигналы о катастрофическом положении Царского кургана продолжали поступать в Археологическую комиссию. В октябре 1864 г. Одесское общество истории и древностей командировало в Керчь своего секретаря Н. Мурзакевича, который ознакомился с состоянием Царского кургана и сообщил затем собранные сведения обществу. Последнее направило 31 октября 1864 г. письмо в Археологическую комиссию, излагавшее результаты проведенного Мурзакевичем обследования: «Курган же Царский от прежних безотчетных раскопок по всей его наружной окружности близок к тому, что его свод просачивающейся дождевою водою в непродолжительном времени может повредиться, а затем и обвалиться. Величественный коридор, построенный в египетском вкусе, уже начинает расхищаться своевольными окрестными жителями. Необходимо спасти этот единственный древнейший памятник». Далее в письме указывалось на необходимость организовать надзор за курганом, реставрировать «египетский коридор», сделать у входа в него железные решетчатые двери, засыпать землю вершину и обочины кургана.⁵⁰

Убедившись в том, что никаких благотворительных средств на Царский курган собрать не удастся, Археологическая комиссия решила начать раскопки, используя свои финансовые ресурсы. 18 января 1865 г. директору Керченского музея Люценко было послано указание приступить хозяйственным способом к выполнению первоочередных охранно-реставрационных земляных работ на Царском кургане. Предполагалось устроить вокруг кургана ров и вал, засыпать углубления, образовавшиеся в курганной насыпи. В дальнейшем намечалось выстроить при кургане небольшой жилой караульный домик для сторожа и возобновить разрушенные части стен и каменного помоста склепа.⁵¹

В марте 1865 г. были произведены самые неотложные земляные работы по очистке от завалов дромоса-галереи «на всем ее протяжении, заключающем в себе не 16½ саж. (как показано в Эрмитажном издании), а 17½ саж.», — писал Люценко в своем рапорте от 20 апреля 1865 г. Интересно, что в связи с расчисткой дромоса Люценко произвел раскопку «подшвы» кургана, остававшейся нераскрытой против входа в дромос. Наличие неснятой здесь

периферийной части насыпи кургана создавало неблагоприятные условия для дромоса, куда неизбежно должны были устремляться потоки дождевых и талых вод. Удалив насыпь, находившуюся на подходе к дромосу, Люценко сделал любопытное открытие. Он обнаружил «на расстоянии 6 саж. от начала галереи род ограды в виде треугольного вала, сложенного из неправильных камней разной величины, между которыми найдено несколько черепков от расписной глиняной амфоры».⁵² По-видимому, насыпь кургана была охвачена кольцевой кладкой, суживавшейся кверху и имевшей поэтому в поперечном разрезе форму треугольника. Конечно, заслуживает величайшего сожаления, что Люценко никак не зафиксировал эту «ограду» и не сохранил найденные в ней фрагменты расписного сосуда (краснофигурного?).

Выдвинутый Археологической комиссией проект окружить курган валом и ровом Люценко отверг, как совершенно нецелесообразную затею. Со своей стороны он предлагал ограничиться следующими земляными работами: 1) очисткой галереи, ведущей в царский склеп, от завалов вышиною от 2 до 3½ арш., которые в течение двух последних зим образовались вновь на всем ее протяжении;⁵³ 2) очистить подошвы кургана от набросанной на нее земли с южной... юго-западной и юго-восточной сторон; 3) насыпкой углублений в насыпи его только с означенных трех сторон; 4) присыпкой земли к вершине его на 5 арш. высоты с помощью мешков или носилок; 5) присыпкой земли к бокам кургана с тех же сторон, по шнуру, протянутому от вершины его к подошве. Что касается реставрации архитектурного памятника, заключенного в насыпи кургана, то Люценко указывал на необходимость восстановить перекрытия дромоса. По словам Люценко, «галерея со стороны входа в склеп сохранилась вполне на протяжении 5½ саж. (=11.36 м), затем в своде ее на протяжении 4⅔ саж. (=9.94 м) недостает потолка и 2½ рядов выпускных плит; на остальных же 7½ саж. (=15.97 м) она совершенно открыта, т. е. не имеет никакого свода, причем стены ее направляются к подошве кургана в виде уступов, оканчивающихся с каждой стороны одним рядом плит».

Люценко предлагал сделать «исправление поврежденной части галереи на протяжении вышеупомянутых 4⅔ пог. саж., не отступая от древней ее конструкции». Открытую часть галереи («на протяжении 7½ саж.») Люценко считал необходимым оставить без изменений

⁵⁰ Там же, л. 6.

⁵¹ Там же, л. 9—10.

⁵² Там же, л. 12.

⁵³ Эту работу Люценко и осуществил уже в марте 1865 г.

«с тем, однако же, чтобы откосы курганной насыпи, прилегающей к стенам галереи, были сделаны сколько возможно положе, чтобы они были выложены камнем, покрыты слоем растительной земли и засеяны плющом; чтобы вдоль их были устроены кюветы для стока дождевых вод».

Археологическая комиссия рекомендовала просить керченского городского архитектора о составлении проекта и сметы на реставрационные работы в Царском кургане. Предложение это оказалось нереальным. Время шло, а проекта и сметы Люценко добиться не мог. Тогда он решил действовать самостоятельно. Найдя соответствующего подрядчика, в августе 1865 г. Люценко приступил «хозяйственным образом» к постройке караульного домика и производству реставрационных работ согласно намеченному им ранее плану.

В рапорте от 30 ноября 1865 г. Люценко уже докладывал председателю Археологической комиссии Строганову о «вполне удовлетворительном окончании азиатским греком Константином Муратовым как реставрации верхней части свода галереи, ведущей в гробницу Царского кургана, так и постройки при нем караульного дома с сараем — первой за 500, а последней за 600 руб.». Далее в рапорте сообщалось: «Кроме того, сделан в погребальной комнате означенной гробницы новый каменный пол с крыльцом за 75 руб. и засыпана исправленная часть свода галереи от начала ее до вершины кургана землею в виде откоса с обкладкой его дерном. Земляные работы по восстановлению Царского кургана, состоявшие в поднятии разрушенной вершины его, засыпке всех углублений в насыпи с одной южной стороны, прорезе подошвы впереди открытой части галереи — для стока дождевых вод и сделание над исправленной частью означенной галереи откоса, о котором упомянуто выше, стоили несколько дороже каменных работ, именно 1200 р. 21 к.». В заключение своего рапорта Люценко воздавал должное усердию своего помощника Гросса и «отличному знанию дела каменщика Муратова, который нашел способ поднять на высоту около 5 саж. огромные штучные камни и положить их на место, не изменяя древней конструкции свода галереи».⁵⁴

Восстановительно-охранные работы продолжались и в следующем, 1866 г. В рапорте Люценко от 29 ноября 1866 г. сообщалось: «Что же касается до исправлений в Царском кургане, то на производство их в сем году израсходована почти вся сумма, оставшаяся на

руках музея от авансовой ассигновки 1864 г. в количестве 602 р. 12½ к. Впрочем, расходы на сей предмет еще продолжают».⁵⁵

В делах Археологической комиссии нет сведений о том, какой характер носили «исправления», осуществленные в 1866 г., что именно подверглось тогда ремонту. Такие сведения имелись в архиве Керченского музея. На их основании Марти отметил, что «в следующем (1866) году была реставрирована дверь, ведущая из галереи в погребальную комнату, и вырыт колодезь».⁵⁶

На последнее сообщение следует обратить особое внимание. Реставрация «двери» — не что иное, как реставрация входного проема, соединяющего дромос со склепом. Следовательно, в 1865 г. были восстановлены верхние ряды кладки свода дромоса и тем самым этот свод был снова замкнут. Тогда же произвели починку пола, уже давно разрушенного искателями кладов. Об этом, между прочим, докладывал Ашик в рапорте от 1 декабря 1842 г.: «Кроме повреждения оконечностей сей галереи (т. е. дромоса. — В. Г.), разворочены все плиты, составлявшие пол в самом склепе... и оставлены в этом положении на месте».⁵⁷ В 1866 г., как мы теперь знаем, ремонту подвергся вход в склеп.

Мы подробно рассмотрели работы, проведенные в 1865—1866 гг. в целях консервации Царского кургана, так как в результате указанных работ некоторые детали архитектуры гробницы подверглись довольно существенному изменению. Между тем они до сих пор не учитывались. Все, кто писал о Царском кургане, воспринимали его архитектурную часть (дромос и склеп) как соответствующую первоначальному ее облику.⁵⁸

Выявлением тех привнесений, которые появились в архитектуре гробницы как следствие ремонта 1865—1866 гг., мы займемся позже, когда дело дойдет до описания дромоса и склепа на основе новых обмеров.

Несмотря на то что в настоящее время имеются точные обмеры Царского кургана, мы считаем необходимым учесть чертежи, составленные по обмерам Шмакова в 1853 г. В этих чертежах, правда, содержится много погрешностей, они далеки от точности. Тем не менее обойтись без них нельзя, если мы не хотим упустить из вида ряд достаточно важных осо-

⁵⁵ Там же, 1866, № 1.

⁵⁶ Марти Ю. Ю. Сто лет Керченского музея, с. 29.

⁵⁷ Там же, с. 16.

⁵⁸ Кауфман С. А. Об уступчатых склепах Боспора. — Сообщ. Ин-та истории и теории архитектуры Академии архитектуры СССР, 1947, № 6, с. 2—5.

⁵⁴ Архив ЛОИА АН СССР, дело Археол. комиссии, 1864, № 22, л. 18.

бешностей, свойственных прежде всего структуре Царского кургана.⁵⁹

На продольном разрезе Шмаков показал, как была сделана насыпь кургана.⁶⁰ Погребальная камера обложена несколькими рядами крупного бутового камня. Далее на разрезе обозначен слой морской травы (*Zostera marina*), а выше — толстый слой рваных камней. По-видимому, Шмаков несколько схематизировал структуру насыпи, обозначив на разрезе только один слой камней. Как известно, у Ашика говорится, что «каждый слой камня покрыт толстым слоем глины, и таким образом сложен весь курган». Следовательно, слоев камня было несколько. По словам того же Ашика, насыпь Царского кургана резко отличалась по своей структуре от насыпей всех других курганов в окрестностях Керчи, подвергавшихся раскопкам.

Строители кургана, очевидно, постарались создать максимально прочную насыпь, которая не могла деформироваться. С этой целью она и была сделана в виде ряда чередующихся слоев бутового камня и глины. Каждый слой в процессе его образования, несомненно, подвергался тщательной трамбовке. Прокладка в виде слоя морской травы, по-видимому, имела целью предотвратить скольжение вышележащего пласта глины, сползание его с основного «ядра» насыпи, в котором находилась купольная гробница.

Ясно, таким образом, что исключительное по своей монументальности сооружение (рис. 8, 9), заключенное в Царском кургане и состоящее из замечательного в архитектурном отношении склепа и подводящего к нему дромоса, потребовало создания насыпи особого характера — устойчивой и надежно обеспечивающей сохранность внутренних сооружений.

К склепу ведет дромос (рис. 10—12). Его длина почти 37 м, ширина у входа в склеп 2.90 м, в средней части — 2.59 м, в самом склепе — 2.70 м. Начальная часть дромоса — длиною около 17 м — открытая, состоит только из вертикальных боковых стен. Следующая далее часть дромоса — протяженность 19.50 м — перекрыта уступчатым «сводом», замкнутым на высоте 7.50 м от земляного пола настилом из плоских плит. С обеих сторон дромоса, начиная с уровня 3.15 м, последовательно высту-

пают 11 рядов кладки, каждый из которых выдвинут вперед на 0.10—0.11 м (рис. 13—14). Промежуток между двумя самыми верхними выступами 0.32 м. Кладка выполнена насухо из отлично обработанных плит, снабженных рустами, причем на каждой плите руст охвачен гладкими дорожками со всех четырех сторон (рис. 15, 1, 2). Однако не все плиты облицовки стен дромоса имеют русты (вопреки обмерам Шмакова). По мере приближения уступчатых покрытий к стене склепа, где находится входной проем, ведущий в склеп, кладка плит с рустами заменяется гладкими плитами (рис. 16). В самом верхнем (11-м) ряду кладки «свода» только две-три последние плиты (перед указанной стеной) гладкие, ниже — уже четыре плиты такие, еще ниже — протяженность гладкой кладки увеличена, так — до первого ряда уступов. Следует заметить, что наиболее четко этот переход от рустованной кладки к гладкой применен на юго-восточной стене. Здесь на расстоянии 6.95 м от склепа на первом выступе начинается кладка из гладких плит. В каждом следующем вышележащем ряду кладка из плит без рустов начинается все ближе и ближе к склепу (рис. 13, 14). В 11-м ряду начало такой кладки отделено от склепа расстоянием всего 2.30 м. Правда, в гладкую кладку первого и второго рядов попало по одной плите с рустами, но это не снимает самого замысла — дать соответствующий спокойный переход от кладки покрытий к глади стены склепа, замыкающей дромос в его северо-восточном конце.

Не подлежит сомнению художественно-эстетическая мотивировка отмеченного выше приема, примененного в кладке уступчатых покрытий дромоса. Совершенно иными причинами была обусловлена гладкая кладка на боковых стенах дромоса, близ входа в него. На расстоянии примерно 7.5 м от начала дромоса кладка его стен выполнена из плит без рустов. Полоса такой кладки имеет в длину 2.90—3.30 м, высота ее теперь около 2.45 м (рис. 10, 16).

Кладка стен дромоса из гладких плит в данном месте применена, несомненно, потому, что здесь должна была находиться стена, которая, будучи возведенной после совершения погребения в склепе, запирала вход в дромос.

Как известно, такая стена, закрывавшая дромос, была обнаружена Ашиком. И хотя ее точное местонахождение нам неизвестно, так как производитель раскопок не счел нужным это описательно или графически зафиксировать, вряд ли могут возникнуть какие-либо сомнения относительно того, где именно могла находиться такая стена. Она стояла, конечно, там, где выведены гладкие отрезки стен дро-

⁵⁹ ДБК, 1854, атлас, чертеж А^b.

⁶⁰ Разрез курганной насыпи, очевидно, был построен на основании тех данных, которые Шмаков получил в результате прокопа, сделанного в центре кургана — от его поверхности до плиты, замыкающей конический свод склепа (место прокопа на разрезе обозначено буквой D). Кроме того, вероятно, на стенках раскопов, которыми насыпь кургана была изрезана со всех сторон, Шмаков также мог наблюдать структуру курганной насыпи.

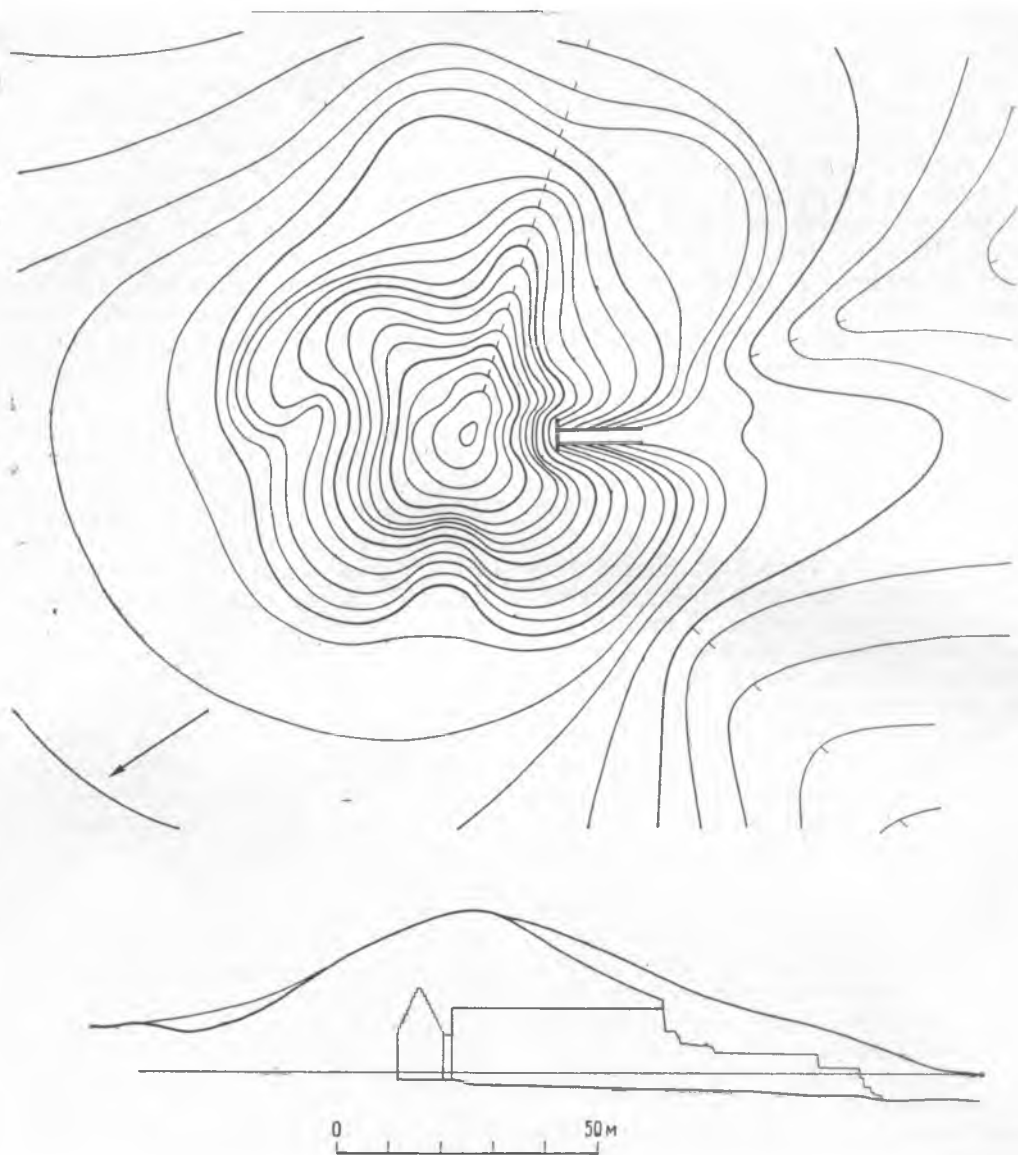

Рис. 8. Царский курган. План (глазомерная съемка).

Горизонтالي проведены через 1 м.

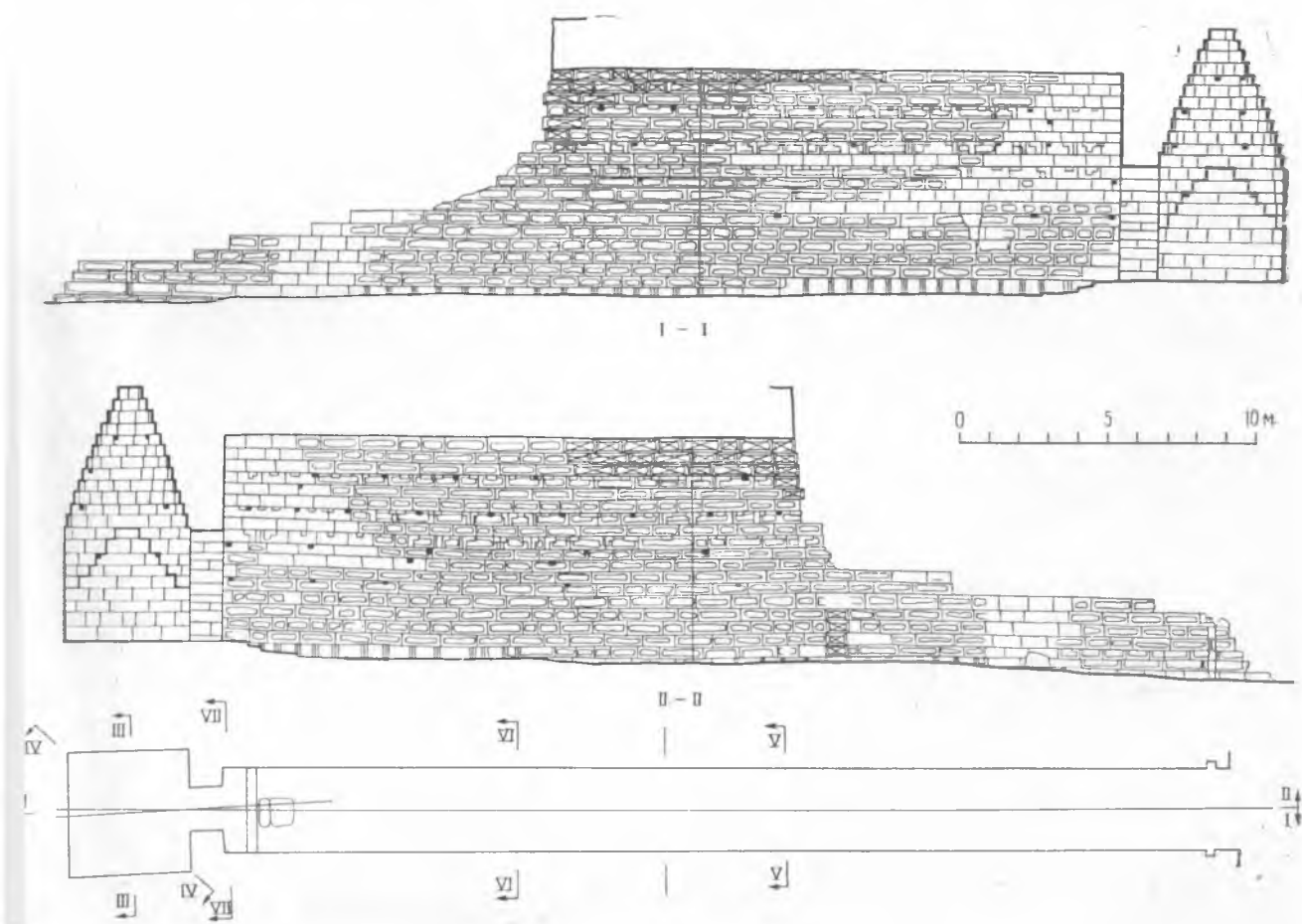
моса, что позволяло тщательно пригнать к ним плиты перегородки, замыкавшей юго-западный конец дромоса.

К сожалению, нам неизвестна высота этой перегородки в момент ее открытия Ашиком. В заметке, опубликованной в «Одесском вестнике» (мы ее привели выше), упомянута «преграда», которой был заложен ход дромоса. Она, по словам Ашика, состояла из больших тесаных плит, которые были им разобраны в надежде сразу же попасть в гробницу, чтобы найти там много ценностей. Но оказалось, что за «преградой» дромос не имеет свода и забит землею, камнями и т. д.

Естественно возникает вопрос: могли ли заканчиваться покрытия дромоса там, где они обрываются теперь, если принять во внимание существование стены, закрывавшей вход в дромос? Такая стена, конечно, имела смысл только при условии, что она действительно преграждала доступ в дромос. Но эти функции стена не в состоянии была бы выполнить без стыка с покрытиями дромоса. Следовательно, мы должны заключить, что Ашик открыл дромос отнюдь не в изначальном состоянии. Очевидно, часть перекрытий дромоса со стороны входа в него была разрушена древними грабителями. В результате таких разрушений ка-

ис. 9. Царский курган. Общий вид с юга.

с. 10. Царский курган. План и разрезы погребальной камеры и дромоса.
 мни в верхней части дромоса, на чертеже перекрещивание, — новые).

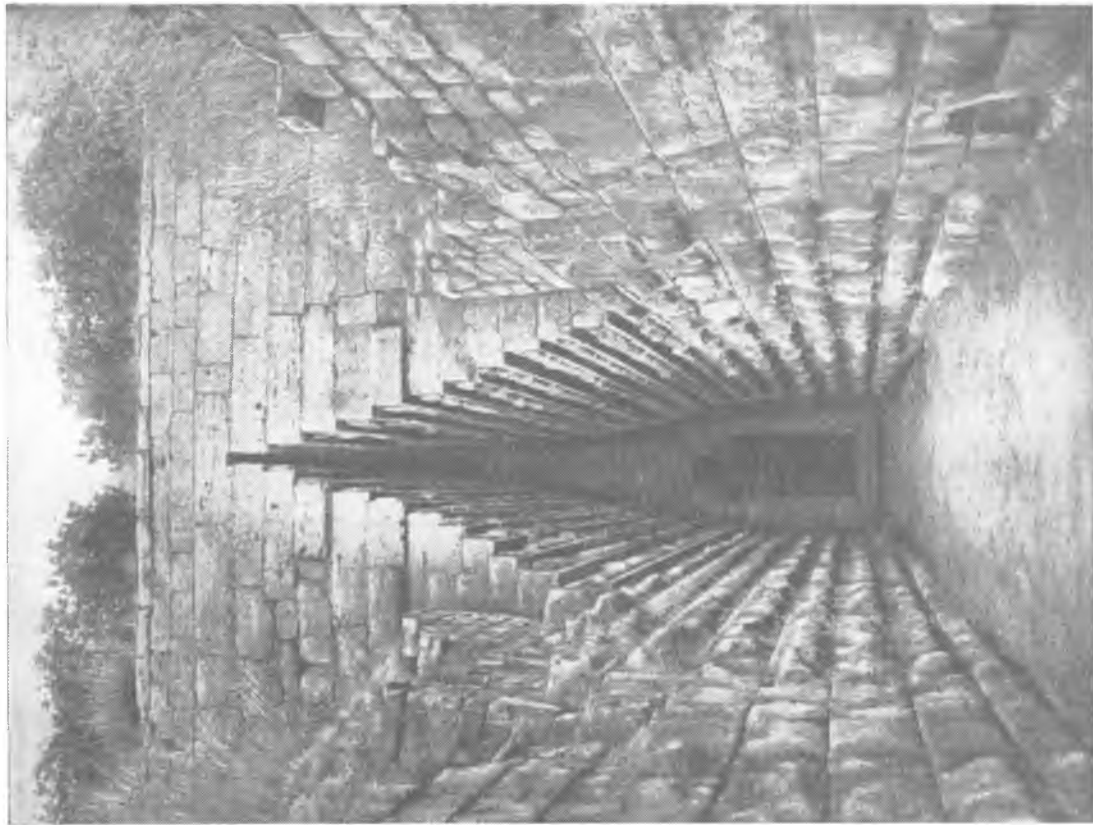

Рис. 11. Царский курган. Дромос. Общий вид со стороны входа.

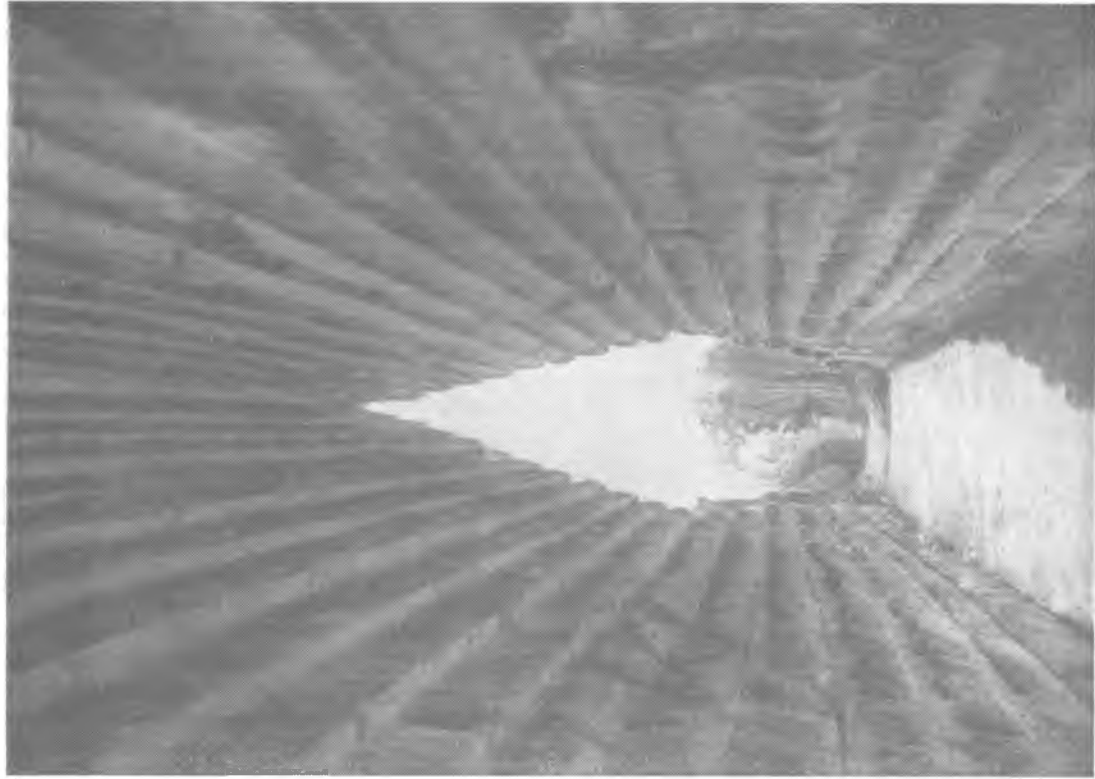

Рис. 12. Царский курган. Дромос. Начальная часть.

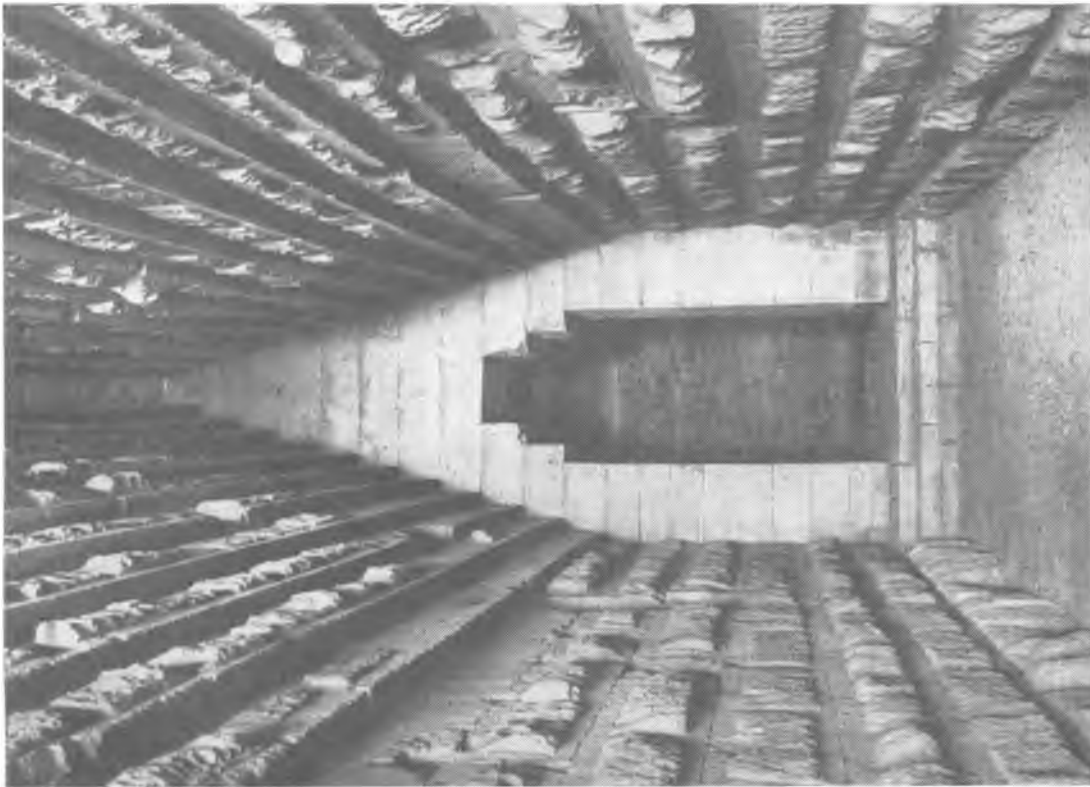

Рис. 13. Царский курган. Дромос перед входом в погребальную камеру.

Рис. 14. Царский курган. Уступчатое перекрытие дромоса перед входом в погребальную камеру. Восточная сторона.

Рис. 15. Царский курган. Кладка дромоса.
1 — западная сторона; 2 — деталь рустованной кладки.

Рис. 16. Царский курган. Дромос. Кладка из гладких плит.

Рис. 17. Царский курган. Кладка начальной части дромоса. Западная сторона.

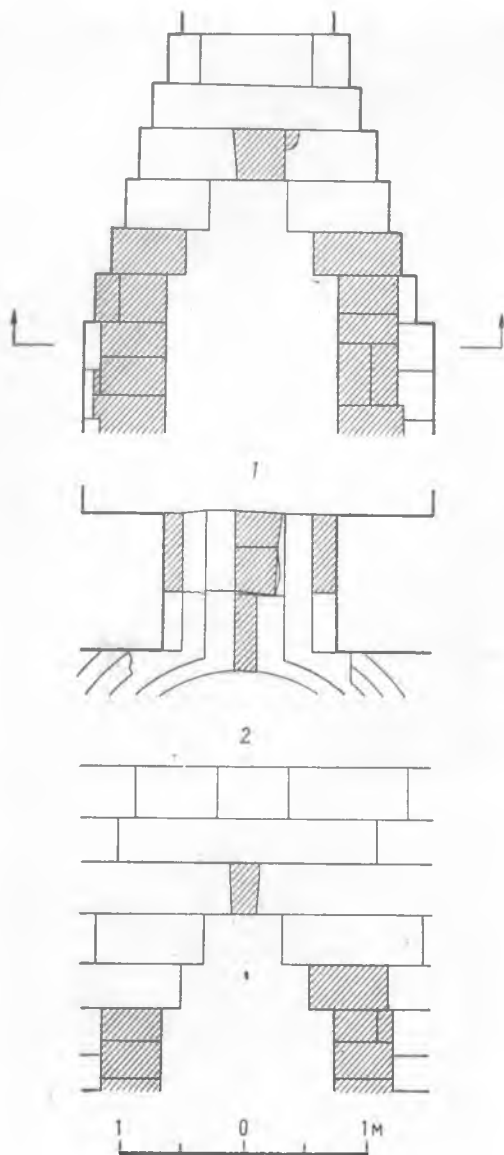

Рис. 18. Царский курган. Реконструкция входа в погребальную камеру.

Штриховкой показана новая кладка. 1 — вид из дромоса; 2 — вид из камеры.

кой-то отрезок дромоса, находившийся за «преградой», был засыпан землею. Это обстоятельство в 1837 г. сильно затормозило проникновение раскопщиков в склеп.

Таким образом, есть достаточные основания, чтобы, восстанавливая первоначальный облик дромоса, удлинить его крытую часть приблизительно на 6.90—7.00 м. Тем самым надлежит признать настоящее состояние дромоса сильно искаженным вследствие разрушений, которые были причинены сначала еще в древности (или в средние века, как предполагал Ашик), а потом интенсивно продолжались

уже после раскопок, когда в течение 17 лет раскрытый памятник оставался без всякого присмотра. «Передняя часть галереи, — писал Жиль в 1854 г., — отчасти разрушена, потому что от нее взяли довольно много камня, вероятно, на новые постройки».⁶¹ Это вполне резонное заключение нуждается в дополнении: начало разрушения передней части галереи восходит к весьма отдаленным временам, когда грабители, вероятно многожды, проявляли интерес к внутреннему содержанию кургана и в связи с этим не один раз проникали в него через разломанную часть дромоса.

Мы вправе предполагать, что входная часть дромоса в Царском кургане была оформлена примерно так же, как это имело место в Золотом кургане (ср. рис. 5, 3).

Говоря о дромосе, нельзя не коснуться некоторых технических деталей, связанных с процессом сооружения и нашедших свое отражение в кладке стен. Представляется несомненным применение лесов при возведении перекрытий. Для устройства этих лесов были сделаны соответствующие прямоугольные углубления, один ряд которых находится в верхней части отвесных стен дромоса, а следующие четыре ряда — в плитах, образующих уступы покрытия (рис. 11, 14). Каждая пара отверстий, расположенных одно против другого по обеим сторонам дромоса, служила для укладки деревянных горизонтальных брусков, на которых располагался дощатый настил. Попутно надо отметить, что подобные же пазухи, предназначенные для возведения портативных строительных лесов, имеются и в склепе.

В уступчатой кладке верхней части дромоса, на трех ее рядах с каждой стороны, сделаны вырубы, потребность в которых, скорее всего, возникла неожиданно во время осуществления строительных работ. Эти вырубы неглубокие и имеют разную форму: четырехугольную, Г-образную, Т-образную. Для чего устроены указанные вырубы, определить нетрудно. Они предназначались, несомненно, для деревянных распорок, нужда в которых обнаружилась в то время, когда большая часть кладки уступов в покрытиях дромоса была уже выполнена. В какой-то момент, очевидно, возникли серьезные опасения относительно устойчивости кладки уступов до того, как она будет замкнута и окончательно стабилизируется под насыпью кургана.

За то, что применение распорок для кладки уступов дромоса не входило в первоначальный строительно-технический план, говорит расположение вырубков. Они сделаны по готовой кладке, причем три ее яруса основательно

⁶¹ ДБК, I, с. СХХХII.

Рис. 19. Царский курган. Вход в погребальную камеру (вид из камеры).

обезображены этими вырубками. Только при полном отсутствии иного выхода (к нему пришли лишь на определенном этапе возведения дромоса) строители могли прибегнуть к такой крутой мере, как применение распорок, что связано было с необходимостью высекать на лицевой стороне плит соответствующие выемки.

Во время консервационных работ 1866 г. были предприняты меры по укреплению проема, ведущего из дромоса в склеп. Но в чем именно состояли указанные работы, мы не знаем. «Была реставрирована дверь», — вот и все, что известно об этой «реставрации».

Визуальное обследование проема, проведенное со всей тщательностью в связи с обмерами 1956 г., позволило вполне точно зафиксировать в кладках, обрамляющих проем, наличие но-

вых плит, появившихся тут в результате ремонта 1866 г. Обе притолоки в проеме — сплошь новые (рис. 13, 18, 19). Проем завершается сверху уступчатым перекрытием, причем с каждой стороны имеется по два уступа. В венце этого перекрытия отчетливо видны новые клинообразные плиты известняка, вставленные при ремонте. Очевидно, здесь образовались опасные трещины, поэтому пришлось на их месте в плитах вырезать выемки, которые затем были заделаны посредством вставки соответственно подогнанных и обработанных кусков камня. Интересно, что, несмотря на вполне явные признаки серьезной переделки, никто из ученых, интересовавшихся Царским курганом, не попытался поставить вопрос: соответствует ли нынешний вход в склеп тому

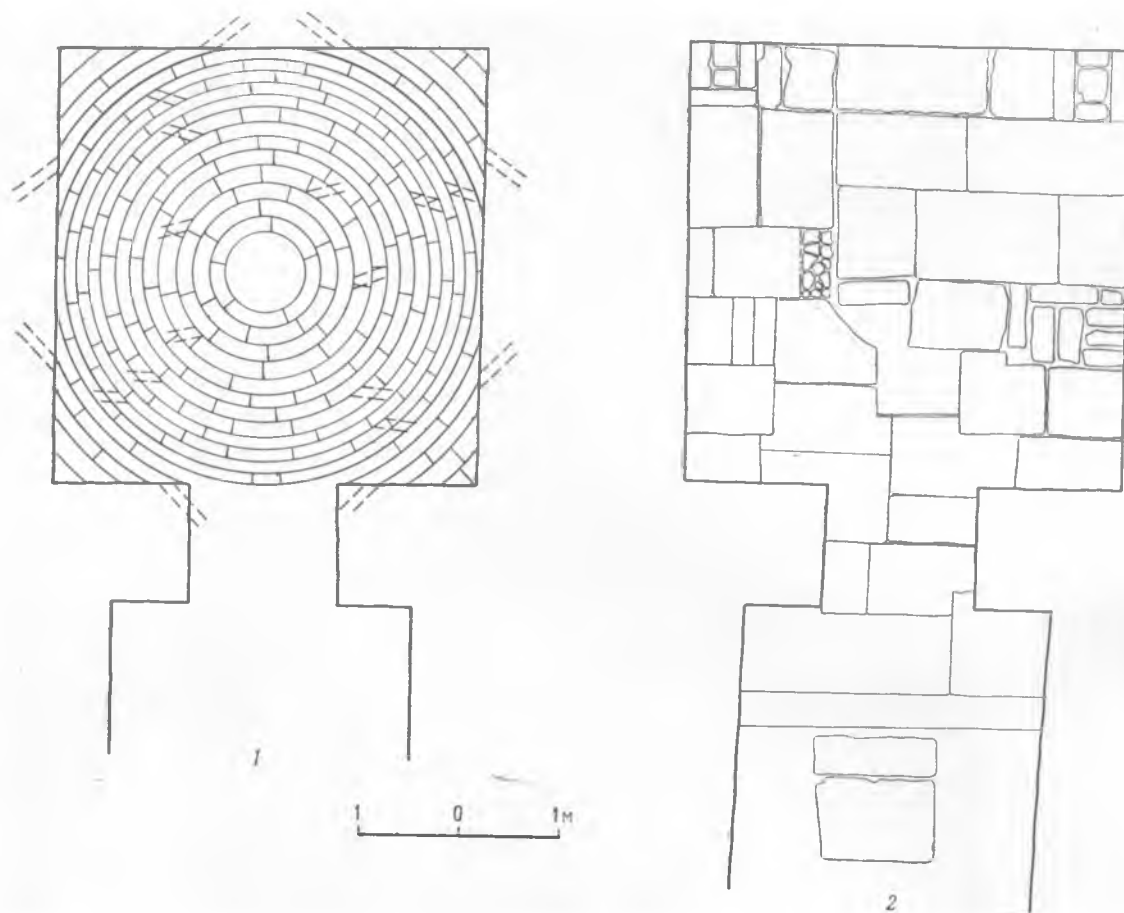

Рис. 20. Царский курган. План погребальной камеры.

1 — свод камеры; 2 — вымостка пола камеры.

входу, который существовал до ремонтных работ, произведенных Люценко в 60-х годах прошлого столетия? Между тем очень легко убедиться в их полном несоответствии. Достаточно для этого взглянуть на чертежи Шмакова (1853 г.), опубликованные в ДБК.⁶²

Согласно обмерам Шмакова, вход в склеп имел ширину, равную почти 2 м, т. е. он был гораздо шире, чем теперь, когда пролет входного отверстия равен 1.44 м. Стало быть, при замене древней поврежденной кладки новыми плитами вход сузили на 0.56 м. Дело этим не ограничилось. Сужение проема имело своим результатом искажение общего силуэта, присущего проему, поскольку при перекладке притолок подверглись уничтожению оба нижних уступа из числа трех, имевшихся с каждой стороны. После «реставрации» осталось только по два уступа.

Итак, в древности из дромоса в склеп вел проем шириной 2 м, завершавшийся уступча-

тым перекрытием, в котором с обеих сторон было по три уступа, как это и показано на чертеже Шмакова и нашей реконструкции (рис. 18), представляющей вид входа в склеп, максимально приближенный к исконному древнему состоянию.

Длина входного проема 1.16 м. Через проем, устроенный в передней стене склепа, попадаем в него. Но прежде чем заняться осмотром погребальной камеры, бросим из нее взгляд на столь хорошо уже известный нам дромос. И тут мы можем заметить, что дромос как будто идет несколько вкось от камеры. Но это отнюдь не кажущееся явление. «Ось камеры повернута по отношению к оси дромоса влево» — таков факт, впервые зафиксированный обмерами архитектора А. И. Каплуна, опубликованными С. А. Кауфман.

Нашими обмерами (1956 г.) (рис. 10) указанное выше обстоятельство не только подтверждено, но и уточнено. Ось камеры отклоняется от оси дромоса на $3^{\circ}05'$. Но если само отклонение является действительно фактом, то

⁶² ДБК, атлас, чертеж А^в, рис. F.

Рис. 21. Царский курган. Погребальная камера. Ступенчатые пандативы в углах камеры.

нельзя столь же твердо решить, было ли это отклонение произведено намеренно, как полагают некоторые исследователи, или оно явилось результатом некоторого просчета, известной технической неточности, допущенной строителями при разбивке плана в натуре.

Я не буду подробно останавливаться на характеристике камеры, так как ничего существенно нового не смогу внести в то, что уже было известно раньше. Камера почти квадратная: ее длина по центральной оси 4.39 м, ширина 4.23—4.25 м. Покрыта она коническим уступчатым куполом (рис. 20, 21). Вся кладка выполнена из гладких плит без рустов. Начиная с 5-го ряда кладки в углах камеры сде-

ланы диагональные, слегка вогнутые выступы, которые, постепенно все более выдвигаясь вперед, образуют ступенчатые пандативы, необходимые для перехода к круглому основанию уступчато-конического купола (рис. 22, 2). На уровне 10-го ряда кладка образует правильный круг, являющийся началом купола. Последний состоит из 12 кольцевидных уступчатых рядов кладки последовательно уменьшающегося диаметра и одной большой плиты, замыкающей центральное отверстие вершины купола, имеющее в поперечнике 0.83 м (рис. 23); высота погребальной камеры от каменного пола (настил — новый, на месте разрушенного древнего) до высшей точки купола 8.84 м.

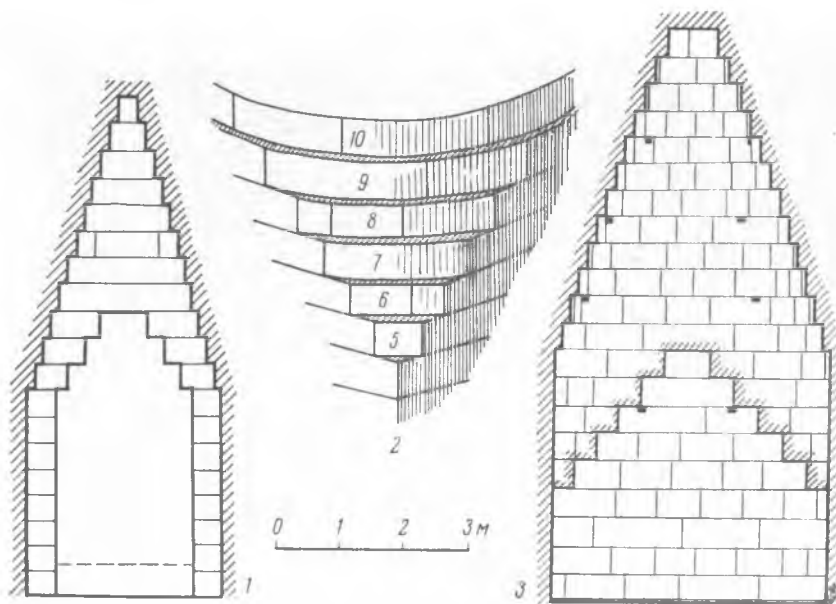

Рис. 22. Царский курган. Реконструкция погребальной камеры.
1 — вход в камеру; 2 — угловой пандатив; 3 — разрез камеры.

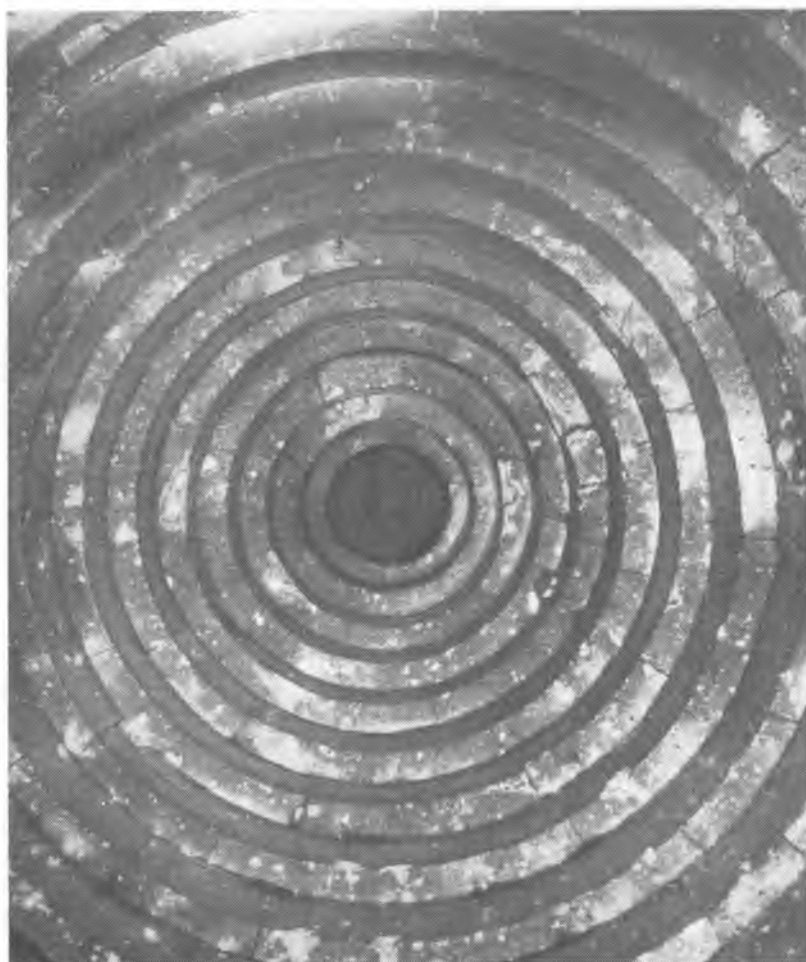

Рис. 23. Царский курган. Уступчато-конический купол погребальной камеры, вид снизу.

Склеп у Тобечикского озера, и еще раз к вопросу о генезисе боспорских склепов с уступчатым покрытием

В сентябре 1951 г. группа сотрудников Боспорской экспедиции произвела (под моим руководством) несколько разведочных маршрутов, главной задачей которых было повторное обследование⁶³ так называемого Акковского вала, пересекающего Керченский полуостров от Узунларского озера до Азовского моря. Первый выезд был совершен по маршруту Илурат—Нимфей—Тобечикское озеро—Китейвал до дер. Марфовки. Во время этой поездки наша разведочная группа провела тщательный осмотр прибрежной части Тобечикского озера с южной его стороны, где, по имевшимся сведениям, должны были находиться остатки античного поселения, обнаруженные археологической разведкой 1936 г., которую произвели тогда сотрудники Керченского археологического музея.

При обследовании прилегающей к озеру местности наше внимание привлек разрытый курган, расположенный примерно на расстоянии 500 м к северу от озера и примерно на таком же расстоянии от морского побережья, находящегося с восточной стороны по отношению к кургану. По всей видимости, некогда это был большой курган, но о его первоначальном виде теперь трудно судить, так как сохранилась только периферийная часть насыпи, центральная же часть кургана представляет собой глубокую воронкообразную выемку. От местных жителей мы потом узнали, что яма в кургане была вырыта во время Великой Отечественной войны, когда вражеские войска организовали здесь один из своих оборонительных рубежей. Осмотр ямы позволил заметить в ней чуть выступающие плиты, расчистка которых вскоре же показала, что они принадлежат кладке каменного склепа, частично разрушенной с одной стороны при устройстве того сооружения, для которого в кургане была сделана выемка. Небольшая расчистка внутреннего помещения склепа, произведенная через отверстие, образовавшееся в результате выемки части плит кладки, дала возможность установить, что это был монументальный склеп с уступчатым покрытием, представляющий значительный интерес как один из образцов гробничной архитектуры Боспора IV в. до н. э. Было совершенно ясно, что ничего в этом склепе найти невозможно, поскольку он использовался во время войны при устройстве, по-видимому, блиндажа. Но вместе с тем нельзя было оставить без внимания уце-

левшую архитектуру склепа. Поэтому наша разведочная группа специально выехала на курган, чтобы, произведя необходимые работы по освобождению склепа от заполнявшей его земли, сделать обмеры склепа. Осуществить такую несложную задачу в течение одного дня оказалось, однако, гораздо труднее, чем это нам рисовалось при первом ознакомлении с памятником. Дело в том, что склеп заполняла не только земля, но и ряд больших тяжелых плит, упавших в склеп при его частичном разрушении.

Вследствие указанных обстоятельств пришлось ограничиться лишь частичным раскрытием внутренних помещений склепа, что позволило набросать план склепа и основные разрезы его, за достаточную точность которых, однако, нельзя было поручиться, так как не удалось выявить полы.

Пока шла работа по обмерам склепа, я совершил поездку в дер. Коренково (б. Коп-Такил), где разыскал старожила (Т. Савченко), хорошо знавшего археологические памятники данного района, ибо в дореволюционное время он принадлежал к числу тех «счастливиц», которые занимались самовольным раскапыванием древних могил и курганов.⁶⁴

Коренковский старожил оказался хорошо осведомленным о кургане, в котором мы обнаружили склеп. Оказалось, что через небольшой прокоп ему удалось еще в 1910 г. проникнуть в этот склеп, имевший уже тогда грабительскую пробоину. Склеп был совершенно пустым. Схематически начерченный план склепа, сделанный моим собеседником по памяти, не оставлял никаких сомнений в том, что он действительно в этом склепе бывал.

В следующем, 1952 г. для исследования склепа была направлена Н. С. Белова с группой рабочих, выделенных из состава Тиритакского отряда. В результате дополнительной раскопки представилось возможным уточнить сделанные ранее обмеры (см. план и разрезы на рис. 24).⁶⁵

Склеп состоит из почти квадратной в плане камеры (2,48×2,73 м), в которую ведет широкий вход (1,19 м), устроенный в северо-запад-

⁶⁴ Т. Савченко в советское время, разумеется, прекратил свою «счастливецкую» деятельность; больше того, он оказывал потом большую помощь Керченскому музею в охране и в изучении археологических памятников, находящихся в районе от Тобечикского озера до Опука.

⁶⁵ Публикуемые план и разрезы склепа выполнены В. И. Пругло (Денисовой) по обмерам 1951 г. и дополнительным моим обмерам.

⁶³ Впервые такое обследование вала было осуществлено Боспорской экспедицией в 1940 г.

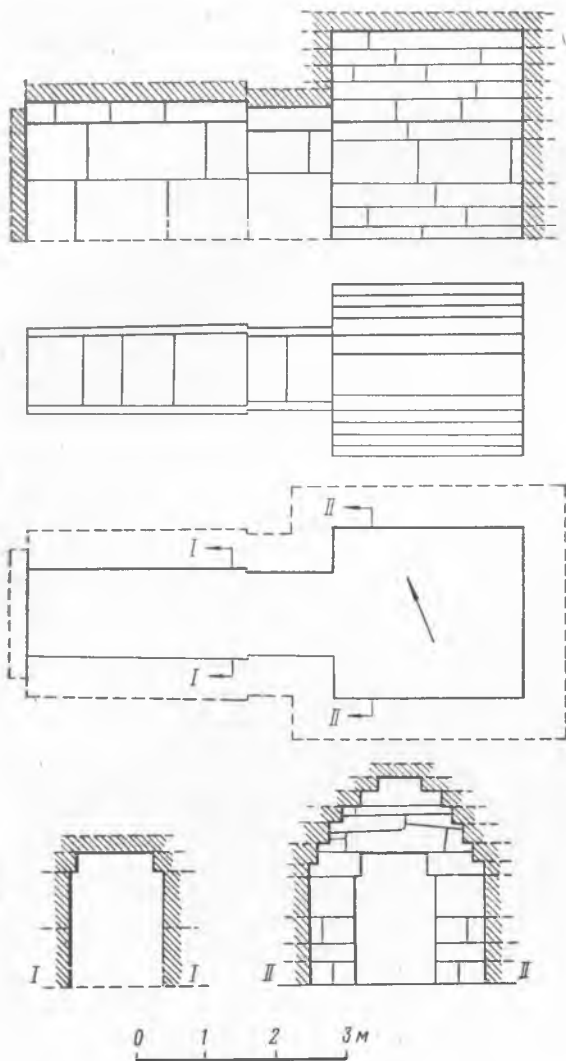

Рис. 24. Склеп кургана у Тобечикского озера. План и разрезы.

ной стене склепа и соединенный с довольно длинным дромосом, закрытым снаружи каменными плитами. Склеп имеет уступчатое покрытие. С двух сторон — с северо-восточной и юго-западной — выдвинуто по пять уступов. Промежуток между последними самыми верхними уступами, равный 0.60 м, перекрыт плитами, уложенными на оба противолежащих уступа. Первый уступ сделан на высоте 1.70 м от плитового пола склепа. Наибольшая высота склепа 2.90 м. Юго-восточная стена глухая. В противоположной, северо-западной, стене, как указывалось, устроен входной проем. Вверху проем значительно уже — 0.95 м; это потому, что верхний ряд плит выдвинут с одной и другой сторон на 0.12 м. Указанные уступы тянутся на всем протяжении входного проема

длиной 1.18 м. Наибольшая высота проема 1.89 м.

К входному проему пристроен дромос, его длина 3.15 м, высота 1.97 м, ширина 1.24—1.31 м,⁶⁶ вверху ширина меньше (1—1.09 м), поскольку здесь, как и во входном проеме, кладка верхнего ряда плит (с обеих сторон) сделана с напуском, образующим уступ. Потолок дромоса плоский, он состоит из четырех плит, боковые края которых покоятся на уступах, венчающих кладку стен. Таким образом, дромос в своем поперечном профиле повторяет абрис входного проема, но в несколько увеличенном масштабе.

Отличная кладка стен склепа и дромоса, а также их перекрытий выполнена насухо из хорошо отесанных плит. При обследовании сохранившейся части насыпи кургана в ней найдено несколько обломков аттической краснофигурной пелики, относящейся к третьей четверти IV в. до н. э. Возможно, указанные обломки были выброшены из склепа, когда на кургане велись земляные работы в военное время. Находка этих обломков подтверждает, что курган и заключенный в нем склеп относятся к IV в. до н. э.

До настоящего времени мы не знали уступчатых склепов в столь значительном отдалении от Пантикапея. По-видимому, курган с уступчатым склепом, открытый в 1951 г., был связан с тем древним поселением, остатки которого находятся на южном берегу Тобечикского озера.

По своей архитектуре склеп принадлежит к хорошо известному типу боспорских склепов IV в. до н. э., у которых уступы, образующие покрытие, сделаны только с двух сторон. Свообразием данного склепа — при сопоставлении его с другими аналогичными сооружениями, открытыми на Боспоре и известными по изданиям, — является плоская форма перекрытия дромоса при наличии здесь лишь одного уступа в верхней части его вертикальных боковых стен.

Как известно, боспорские уступчатые склепы (четыреугольные в плане) по устройству перекрытий делятся на три группы: 1) уступы с двух сторон — наиболее простой конструктивный тип; 2) уступы с трех сторон; 3) уступы с четырех сторон. Последний тип в конструктивном отношении наиболее сложный, а в художественно-архитектурном отношении самый эффектный. Получившийся в результате такого устройства пирамидообразный уступчатый купол придавал гробничной камере характер устремленного ввысь сооружения, при-

⁶⁶ Дромос немного расширяется к юго-востоку, т. е. по направлению к склепу.

том более подчеркнуто и выразительно, нежели это достигалось при первых двух вариантах, т. е. когда уступы делались лишь с двух (как в публикуемом склепе) или с трех сторон.

К первому конструктивному типу относятся следующие памятники.

1. Двойной склеп, открытый в 30-х годах XIX в. Ашиком по дороге из Керчи к каменоломне в Аджимушкае. Этот склеп не имеет дромоса. Обе камеры, следующие одна за другой по продольной оси, снабжены уступчатыми покрытиями, причем в каждой камере уступы выдвинуты только с двух сторон. В первой камере три уступа, во второй — четыре.⁶⁷

2. Большой склеп двойной гробницы (№ 48), открытый в 1860 г. на Юз-Обе. Здесь уступчатый дромос вводит в большой склеп, у которого уступы нависают над камерой с двух сторон. С каждой стороны по четыре уступа. Из этого склепа имеется ход в следующий, меньший склеп (о нем см. далее).⁶⁸

3. Первый склеп в кургане Б. Близнецы, раскопанный в 1864 г. Точного плана нет. По описанию, составленному производившим эти раскопки И. Е. Забелиным, следует, что к склепу вел открытый, состоящий из двух стен дромос длиной 2.84 м, шириной 2.48 м.⁶⁹ Самый склеп, «около 5 аршин в квадрате и около 5 аршин вышины», имел уступчатое покрытие. Что уступы были только с двух сторон, доказывает сопоставление склепа I со склепом III, сделанное Люценко в «Журнале раскопок 1865 г.». Люценко писал о склепе III как о гробнице, совершенно подобной склепу I.⁷⁰ Между тем сохранившиеся чертежи склепа III (о нем далее), составленные Гроссом, показывают, что покрытие склепа имело уступы только с боковых сторон, по четыре с каждой стороны.⁷¹

4. Третий склеп в кургане Б. Близнецы, открытый в 1865 г. С двух сторон в камере выступают по четыре уступа, самые нижние уступы имеют косые срезы. Склеп имеет короткий открытый дромос.⁷² Время склепа — вторая половина IV в.⁷³

⁶⁷ Ашик А. Воспорское царство, II, с. 48, табл. IV. — Найденные в склепе вещи, в частности краснофигурная пелика, не оставляет сомнения в принадлежности склепа IV в. до н. э.

⁶⁸ АДЖ, табл. XXXIV.

⁶⁹ Там же, с. 10.

⁷⁰ Там же, с. 13.

⁷¹ Там же, табл. X.

⁷² Там же, с. 13, табл. X, рис. 2, 3.

⁷³ Вещи, найденные в склепе, изданы: ОАК за 1865 г., приложение, с. 5 сл.; атлас, табл. I—II. Показательно, что обнаруженный в этом склепе саркофаг очень сходен, по словам Вацингера, с саркофагом из Павловского кургана (Watzinger C. Griechische Holzsarkophage. Leipzig, 1905, S. 47). Между тем дата

5. Склеп второго Тарасовского кургана, раскопанного В. Г. Тизенгаузенем в 1883 г. близ Николаевской станицы в районе Анапы. Открыт в разграбленном состоянии. Короткий с плоским покрытием дромос подводит к погребальной камере, представляющей собой в плане вытянутый по главной оси четырехугольник; с двух сторон выдвинуто по три уступа, образующих покрытие склепа, замкнутое плитами, лежащими на верхних уступах.⁷⁴

6. Склеп на Юз-Обе, раскопанный И. П. Кивокурцевым в 1940 г.; склеп был разграблен, частично разрушен, без дромоса. Во время раскопок найдено несколько золотых бляшек и большие разбитые (по-видимому, во время разграбления склепа) алабастры, характерные для IV в. до н. э. В склепе было по четыре уступа с двух сторон.⁷⁵

7. Склеп, обнаруженный при срытии кургана близ Тиритаки в 1950 г. С открытым дромосом. Обе продольные стороны камеры имеют по два выступа. Склеп III в. до н. э., использовался и позднее.⁷⁶

8. Тобечикский склеп, открытый в 1951 г. и публикуемый в настоящей работе. Наиболее близкой ему аналогией является отмеченный выше II Тарасовский склеп.

9. Склеп, открытый в 1955 г. на расстоянии 1.39 км к юго-востоку от Царского кургана. Без дромоса. Имеет по четыре уступа с двух сторон. Оригинальной особенностью данного склепа является то, что его камера образована не кладкой из плит, а вырублена в скале; основание для перекрытий выравнено плитами, уступчатое перекрытие сложено, как обычно, из тесаных плит.⁷⁷

Вторая группа склепов, имеющих уступчатые покрытия с трех сторон, известна нам по весьма ограниченному числу изданных памятников.

1. Склеп (гробница № 50), открытый в 1859 г. в одном из курганов Юз-Обы.⁷⁸ Без

последнего благодаря находке в нем серебряной пантикапейской монеты (тип: Зограф А. Н. Античные монеты. — МИА СССР, 1951, № 16, табл. X, 29) не вызывает сомнения — это последняя четверть IV в. до н. э.

⁷⁴ АДЖ, с. 110, табл. XXXVI, 1, 2.

⁷⁵ Чертежи по обмерам склепа, выполненные О. М. Бодалевым, погибли во время блокады Ленинграда.

⁷⁶ Чунистова Л. И. Курганные гробницы, открытые в 1950 г. в районе Тиритаки. — АИБ, I, с. 219 сл.

⁷⁷ Кунин В. Э. и Цехмистренко В. И. Склеп с уступчатым покрытием в районе Царского кургана близ Керчи. — МИА СССР, 1959, № 69, с. 251—256.

⁷⁸ ОАК за 1859 г., с. IX сл.; АДЖ, с. 102, табл. XXXII. — В склепе были найдены краснофигурные вазы: пелика с Зевсом и Фемидой и лекана, датируемые, по С. С. Лукьянову и Ю. П. Гриневичу

дромоса. От боковых (продольных) стен и от одной узкой стены, расположенной против входа, выдвинуто по три уступа; нижний уступ имеет наклонно-срезанную нижнюю сторону.

2. Малый склеп двойной гробницы (№ 48), открытый в 1860 г. на Юз-Обе. С трех сторон погребальной камеры выдвинуто по два уступа, имеющих срезы, вследствие чего каждый уступ имеет три грани.⁷⁹

В третью группу входят склепы, у которых уступчатое покрытие погребальной камеры имеет наиболее развитый характер — уступы выдвинуты с четырех сторон.

1. Склеп знаменитого кургана Куль-Оба, расследованного в 1830 г. Почти квадратная в плане погребальная камера покрыта пирамидальным сводом, состоящим из семи уступов. Короткий крытый дромос со сводом из четырех уступов⁸⁰ пристроен не к средней части северной стены, а несколько сдвинут к западу, в результате входной проем ориентирован не на центр склепа, а направлен на боковую западную его часть.

2. По-видимому, аналогичную Куль-Обе конструкцию имел также склеп Патиниотти, открытый случайно местным жителем в конце 1820 г. и окончательно опустошенный матросами гребной флотилии в январе 1821 г. Судя по описанию, склеп «был того же типа, что и склеп Куль-Обы», а по характеру находок это «более бедный двойник Куль-Обы».⁸¹ Склеп Патиниотти, содержащий совершенно тождественные куль-обскому погребению вещи, имеет немаловажное значение для датировки обоих комплексов. Как известно, в склепе Патиниотти найдена гераклейская амфора с клеймом на горле Εὐάρχο Ἀριστων, относящаяся ко второй половине IV в. до н. э. Указанная находка не дает основания относить Куль-Обу и курган Патиниотти к более раннему времени, нежели середина IV в.; наиболее вероятная их дата — третья четверть этого столетия.⁸²

(Керченская кальпида 1906 г. и поздняя краснофигурная живопись. — МАР, 1915, № 35, с. 105—106), — 380—360 гг. Очевидно, склеп относится примерно ко второй четверти IV в. до н. э.

⁷⁹ АДЖ, табл. XXXIV.

⁸⁰ Эти уступы отчетливо обозначены на чертеже Ашика (Воспорское царство, II, табл. II). В целом чертежи Куль-Обы у Ашика крайне неточные. Если верить им, то куль-обский склеп имел уступы только с двух сторон, хотя Ашик описывает свод как пирамидальный и отмечает, что сближающиеся ряды уступов образуют на самом верху «отверстие почти в квадратный аршин, покрытое одним цельным камнем» (там же, с. 29).

⁸¹ Ростовцев М. И. Скифия и Боспор. 1925, с. 386—387.

⁸² Отсюда не следует, что все вещи из Куль-Обы надлежит относить к этому времени. Погребальный комплекс Куль-Обы, сложный по составу вещей,

3. Склеп в кургане, находившемся на территории Керченского городского сада и раскопанном Ашиком в 30-х годах прошлого столетия. Погребальная камера имеет вид вытянутого по продольной оси прямоугольника, покрыта пирамидальным сводом в четыре уступа. Дромос очень длинный (почти 15 м) и, судя по изданным чертежам и описанию, открытый: он образован двумя параллельно расположенными стенами, отстоящими одна от другой на 1.42 м (= 2 арш.), без покрытия.⁸³ В склепе была найдена краснофигурная пелика со сценой похищения кентавром женщины, относящаяся к первым десятилетиям IV в. до н. э.⁸⁴ Однако самый склеп и погребение в нем должны быть датированы более поздним временем, так как возле истлевшего черепа покойника была обнаружена золотая пантикалейская монета последних десятилетий IV в. до н. э.⁸⁵

4. Склеп Мелек-Чесменского кургана, раскопанного в 1859 г.⁸⁶ Это самое совершенное в техническом и художественном отношении сооружение данного типа. Длинный дромос с уступчатым покрытием мастерски соединен с квадратной погребальной камерой, которая перекрыта пирамидальным сводом: с каждой стороны выдвинуто по 7 уступов (рис. 25).

Снаружи к дромосу пристроен портал с антами, увенчанными фронтоном.⁸⁷ В фототеке ЛОИА хранится фотография этого портала, сделанная сразу же после открытия склепа.

Склеп был найден в разграбленном состоянии, но при дополнительном расследовании насыпи обнаружены обломки сосудов, попавших в насыпь, по-видимому, в результате исполнения обряда тризны. В числе этих находок оказалась и крышка краснофигурной леканы, хранящаяся ныне в Эрмитаже. По стилю росписи она относится к 40—30-м годам IV в. до н. э., а это позволяет соответственно датировать и склеп Мелек-Чесменского кургана.

Этот склеп, помимо всего другого, важен тем, что здесь мы сталкиваемся с любопытным фактом сочетания архаичной конструктивной формы (уступчатые покрытия дромоса и погребальной камеры), не свойственной греческой архитектуре, с ордерной системой наружного оформления входа. Несколько такого рода

охватывает длительный период. Самые ранние вещи долго бытовали, переходя иногда по наследству к потомкам их первоначальных владельцев.

⁸³ Ашик А. Воспорское царство, II, с. 43 сл., табл. III.

⁸⁴ Лукьянов С. С. и Гриневич Ю. П. Керченская кальпида 1906 г. ..., с. 126—127.

⁸⁵ Тип монеты: П. Бурачков, XIX, 47.

⁸⁶ ОАК за 1859 г., с. 24—25.

⁸⁷ В моей книге «Воспорское царство» (М.—Л., 1949, с. 524, прим. 33) было ошибочно указано на отсутствие портала.

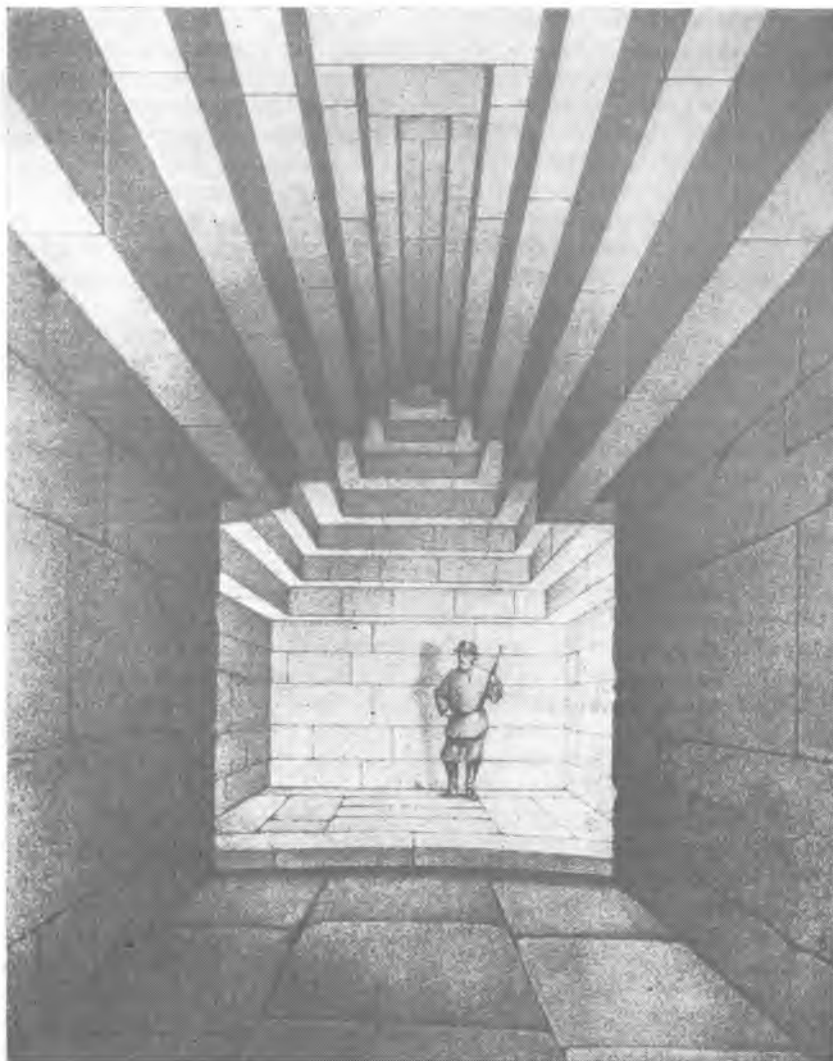

Рис. 25. Мелек-Чесменский курган. Погребальная камера. Рис. Медведева (по ОАК за 1859 г., атлас).

склепов, где обнаруживается аналогичная комбинация архитектурных элементов, известно в районе Анапы. На «европейской» же стороне Боспора единственным известным образцом этого типа склепов является склеп Мелек-Чесменского кургана, показывающий, что во второй половине, но уже ближе к концу IV в. до н. э., стало входить в практику оформление входов в дромосы ордерными порталами.

5. Второй склеп в кургане Б. Близнецы, раскопанный в 1864 г. Люценко, имеет роспись.⁸⁸ Склеп оказался разграбленным. В него ведет дромос, устроенный очень оригинально. Обе стены галереи имеют по три уступа, которые служат основанием для трех каменных брусьев, уложенных с интервалами

поперек коридора; поверх них сделан плоский настил из плит. Самые нижние уступы обеих сторон дромоса профилированы и трактованы в виде карниза, под ним проходит фриз, написанный красками прямо по каменной кладке. Так как профилировка нижнего уступа дана и с торцевой внешней стороны стен дромоса, то входной проем как бы обрамлен антами.

В конце дромоса вход в склеп ограничен двумя пилястрами с профилированными базами и дорического профиля капителями, которые украшены написанными красками овами. Квадратная в плане погребальная камера имеет пирамидальный свод; с четырех сторон выдвинуто по шесть уступов, причем нижний уступ, как и в дромосе, профилирован. Под ним проходит расписной фриз. В третьем уступе углы скошены, в результате

⁸⁸ АДЖ, с. 17 сл., табл. VI.

чего в плане этот уступ образует восьмиугольник, а не четырехугольник, как обычно. Наконец, надлежит отметить, что предпоследний уступ оформлен так, что он внешним краем образует круг. Следующий ряд кладки сделан обычным способом — по четырем сторонам. Отверстие в центре свода заложено плоской плитой, на которой написана голова Деметры.

Второй склеп кургана Б. Близнецы был датирован М. И. Ростовцевым на основании анализа архитектуры склепа и росписи концом IV в. до н. э. Думается, что эта дата заслуживает признания и близка к истине. Несомненно, в данном случае перед нами поздний (но в пределах еще IV в.) образец склепа, в котором с особенной силой проявилось стремление сочетать уступчатую конструкцию перекрытий с традиционной греческой ордерной архитектурой. Отсюда анты, профилированные карнизы, комбинация уступчатых завершений стен дромоса с архитравным перекрытием плоскими поперечными балками.

6. Склеп в первом Тарасовском кургане, раскопанном в районе Анапы в 1883 г. В. Г. Тизенгаузенем. Открыт в разграбленном состоянии.⁸⁹ Открытый широкий дромос ведет к парадно оформленному portalу: обрамленный антами вход перекрыт архитравом и увенчан высеченным в плите фронтоном с акротериями. Первым является небольшое помещение сплошным перекрытием. Из него вход ведет в погребальную камеру; этот внутренний вход, как и наружный, ограничен двумя антами. Самый склеп имеет вид продолговатого помещения, покрытого пирамидальным сводом из шести уступов, выдвинутых над каждой стеной. Рассматриваемый склеп является как бы логическим развитием той тенденции, одно из первых проявлений которой обнаруживается в Мелек-Чесменском кургане, несомненно, более раннем. Там портал с антами и фронтоном присоединен к уступчатому дромосу, что создает несколько дисгармонирующее сочетание разнородных архитектурных форм. В склепе первого Тарасовского кургана достигнута значительно большая логичность сочетания антового, увенчанного фронтоном портала с архитектурой склепа: здесь портал оформляет вход в помещение с плоским покрытием перед склепом.

7. Склеп третьего Тарасовского кургана. Также открыт в 1883 г. В. Г. Тизенгаузенем и тоже оказался без вещей вследствие разграбления. Открытый дромос с низкими стенами, как и в склепе первого кургана, подводит к входу, обрамленному антами, пролет между которыми перекрыт дорическим архитравом и

карнизом.⁹⁰ Над ним видно отверстие, образуемое уступчатым покрытием помещения перед склепом, напоминающее разгрузочный треугольник древнемикенских сооружений. Как могло быть оставлено открытым это отверстие, открывавшее доступ земле из курганной насыпи в склеп, остается неясным. Возможно, тут сказывается недостаточная тщательность археологического исследования памятника или его графической фиксации, выполненной Ф. И. Гроссом.

Из небольшого помещения вход ведет в склеп, обрамленный антами. Склеп вытянут по продольной оси, покрыт пирамидальным сводом, состоящим из четырех уступов, которые имеют наклонные лицевые грани, как и в перекрытии помещения перед склепом.

В письме Строганову от 10 июля 1859 г. К. К. Гёрд сообщил, что во время пребывания в Керчи он ознакомился с гробницами Царского, Золотого, Мелек-Чесменского курганов⁹¹ и др. И далее Гёрд излагал некоторые свои соображения, возникшие в результате осмотра этих памятников. В следующем письме (от 12 июля) он еще раз вернулся к данной теме.⁹²

Как первая попытка исторического осмысления боспорских уступчатых склепов, соображения Гёрца представляют известный интерес. Далее мы приведем в извлечениях наиболее существенные положения, изложенные Гёрцем в указанных двух письмах.

Прежде всего Гёрд выражает неудовлетворенность по поводу того, что пантикапейские уступчатые склепы подвергались ранее только внешнему описанию: «...никто еще, если не ошибаюсь, не посмотрел на них в связи с тождественными памятниками Греции, не посмотрел на них в связи с историей античного искусства. А между тем этот вопрос, в высшей степени любопытный, единственно указывающий на место, которое эти памятники занимают в истории искусства. До сих пор рассматривали и описывали эти памятники отдельно, каждый порознь, часто весьма подробно и отчетливо, но подобный метод исследования не дает никакого ответа на вышеизложенный вопрос». Любопытно, что облик Золотого кургана с его циклопической наружной облицовкой ассоциировался у Гёрца с египетскими пирамидами. «Золотой курган никогда не был простою земляною насыпью, но совершенною постройкою из камня, подобно пирамидам близ деревни Джизе, только с тою разницею, что

⁹⁰ АДЖ, с. 110, табл. XXXVI, 5—8.

⁹¹ О последнем К. К. Гёрд писал как о «недавно открытой гробнице с египетским сводом на Солонцах (близ Глинища)».

⁹² Архив ЛОИА АН СССР, дело Археол. комиссии, 1859 г., № 11.

⁸⁹ ОАК за 1882—1888 гг., с. XXIX; АДЖ, с. 109 сл., табл. XXXV, 2—5.

пространство между погребальной камерой и наружной стеною не было, как в Египте, сложено из тесаного камня, а наполнено отесками. Далее, под внешним видом египетской пирамиды в Золотом кургане скрывалась погребальная камера, построенная на совершенно ином принципе, который встречается в Греции в так называемом казнохранилище Атрея и других подобного рода зданиях, которые все, очевидно, были погребальные памятники. Как объяснить слитие в одно этих различных строительных стилей? Еще другой, весьма интересный вопрос: встречаются ли на здешней почве первые опыты этого искусства? Потому что дошедшие до нас ... памятники никак не могут быть приняты за первые, слабые попытки возводить подобного рода здания. Напротив, здешние древнейшие гробницы ... каковы, например, Куль-Оба, Золотой и Царский курганы, гробница на Солонцах и т. д., представляют не первые слабые опыты сооружения подобного рода памятников, но суть высшая точка развития, до которой достигло искусство на этой первой ступени. Где же искать происхождение этого рода памятников? В одной ли Греции? Нет ли сродственных памятников на Востоке? Вот трудные вопросы, на которые может дать ответ только подробное изучение памятников Малой Азии».

В дальнейшем Гёрц высказал мысль, что источником строительного искусства, «которого последними результатами являются царские гробницы Пантикапея», по-видимому, была Лидия — ближайший сосед Милета, «страна, в глубочайшей древности весьма образованная и до нынешнего дня наполненная бесчисленным множеством надгробных памятников в форме курганов». Гёрцу казалось наиболее вероятным, что ионийские греки, переселившиеся на Боспор, перенесли из Лидии опыт сооружения подкурганных склепов. «Это обстоятельство и объясняет, почему мы вовсе не находим в Пантикапее первых опытов развития этого строительного искусства, а только высшие его образцы». По мнению Гёрца, «из собственной Греции эта система построения сводов посредством выступки (sic!) ... не могла быть вынесена, потому что в эпоху основания Пантикапея она там была уже совершенно оставлена, забыта и давно уже вышла из употребления».

Рассуждения Гёрца очень показательны. В них отчетливо выступает мысль о необходимости искать истоки архитектуры боспорских склепов с уступчатыми покрытиями не просто потому, что все открываемое на Боспоре непременно должно объясняться влиянием извне. Гёрц верно подметил, что боспорские уступчатые склепы, особенно такие, как гробница Цар-

ского кургана, свидетельствуют о высокоразвитом архитектурном искусстве, которое предполагает достаточно длительный и многосторонний опыт строительства подобного рода сооружений. Поскольку на местной почве не прослеживается эволюция развития, т. е. постепенный переход от простейших конструктивных форм, художественно примитивных, к более усложненным и эстетически совершенным, постольку имеются основания предполагать, что на почве Боспора строительство уступчатых склепов осуществлялось не в порядке «автохтонного» зарождения и последующего постепенного совершенствования данного типа сооружений, а путем использования определенных строительных традиций, которые где-то ранее, вне Боспора, прошли свой путь развития. Поэтому-то на Боспоре почти сразу же стали возникать гробничные сооружения, очень зрелые, подчас поражающие своим техническим совершенством и гармоничностью художественной формы.

На территории Керченского полуострова мы не знаем подкурганных склепов ранее конца V в. В течение IV в. устройство склепов под курганными насыпями здесь и прежде всего в некрополе Пантикапея и ближайшей его округи становится в высшей степени распространенной формой погребального обряда. Это связано было с происходящим в это время быстрым ростом богатств у господствующего класса Боспора, что создавало возможности затрат больших материальных средств на создание монументальных усыпальниц-склепов. Обилие прекрасного строительного камня в районе Пантикапея значительно облегчало здесь осуществление строительства больших подкурганных гробниц.

Таманский полуостров гораздо беднее в отношении строительного камня. Это не могло не сказаться и на гробничной архитектуре. Подкурганных каменных склепов на территории Таманского полуострова известно неизмеримо меньше, нежели на Керченском полуострове, особенно непосредственно в районе Керчи.

Но Таманский полуостров, область Синдики, дает нам образцы подкурганной гробничной архитектуры, применявшейся в V в., т. е. до того, как на Боспоре получили большое распространение монументальные склепы с уступчатыми покрытиями. Что же представляли собой в архитектурном отношении эти гробницы V в., построенные для богатой местной знати на синдской земле?

На этот вопрос дают ответ Семибратние курганы. Из числа 7 курганов, входящих в эту группу, лишь в одном обнаружен четырехугольный склеп, построенный из камня, внутри оштукатуренный. Во 2-м и 4-м — стены погреб-

бальной камеры сложены из сырцового кирпича. Во всех поименованных выше курганах погребальные камеры были построены на поверхности почвы, а затем засыпаны курганной насыпью. Камеры 3-го и 6-го курганов, построенные также из сырца, были впущены в материк. Покрытия погребальных камер во всех курганах в архитектурном отношении крайне примитивны; они состояли из деревянных бревен, образующих плоский накат.

Таким образом, если думать, что строительство боспорских склепов с уступчатыми перекрытиями, начавшееся не раньше рубежа V—IV вв. до н. э., исходило из каких-то местных архитектурных форм, то таковыми, очевидно, должны были служить гробницы типа погребальных камер Семибратних курганов, ибо они на протяжении V в. были характерны для местной традиции строительства курганных гробниц.

Тип склепов с плоским покрытием из деревянных брусев из Синдики распространился и далее в глубь Прикубанья, как об этом свидетельствуют Елизаветинские курганы. В них камеры были построены из камня, а потолки сделаны плоские бревенчатые.

Никаких «шатровых» покрытий (характерных для архаичных курганных погребений За-

кубанья),⁹³ как мы видим, в строительстве погребальных камер ни в Синдике, ни далее в Прикубанье в V в. не применялись. В европейской же части Боспора в V в. вообще никаких склепов не сооружали. В тех случаях, когда погребения совершались в курганах, устраивались обыкновенные плитовые, ящикообразные гробницы, что мы и видим, например, в известных нимфейских курганах.

Таким образом, даже при самом поверхностном сопоставлении боспорских склепов с уступчатым покрытием IV в. с погребальными камерами типа Семибратних курганов придется признать, что между ними в архитектурном отношении нет почти ничего общего. Прямоугольность формы помещения, предназначенного для захоронения, — вот то, пожалуй, единственное, что их в какой-то мере «роднит».

⁹³ В литературе встречается указание на то, что якобы погребальная камера в Марьевском кургане, раскопанном в 1912 г. (Ростовцев М. И. Скифия и Боспор, с. 324), имела шатровое покрытие, но это чистый домысел. Никаких следов шатра там не оказалось. Обнаруженные в яме следы столбов свидетельствуют о том, что могила представляла собой сруб. Во всяком случае сам руководитель раскопок Н. И. Веселовский в своем отчете ничего о возможности существования над могилой шатрового покрытия не писал.

Курганы с уступчатыми склепами близ Мирмекия

Со 2 сентября по 13 октября 1874 г. Люценко исследовал «12 полуразрытых, разной величины курганов... находящихся по левую сторону дороги, ведущей из Керчи в Еникале, близ садов Калафати и Деспотули и в некотором расстоянии от карантина».⁹⁴ Очевидно, место раскопок находилось сравнительно недалеко от городища Мирмекия. Во время указанных раскопок в двух курганах Люценко обнаружил склепы с уступчатыми покрытиями. Вот что сообщает Люценко в своем отчете: «Раскопки эти сопровождалась открытием с западной стороны одного из ... курганов, средней величины, находящегося близ села Калафати, небольшого склепа, длиною $3\frac{1}{2}$ арш. (=2.48 м), шириною 2 арш. (=1.42 м) и вышиною внутри $2\frac{1}{2}$ арш. (=1.77 м), сложенного в углублении материка из тесаных плит известкового камня, наподобие обыкновенных каменных гробниц с тою разницею, что два верхних ряда плит, лежащих выше уровня материка на продольных стенах этого склепа, вы-

даются внутрь его каждый на 3 вершка (=13.3 см), образуя с положенными на них горизонтальными тремя плитами крыши род свода призматической формы, замкнутого наглухо с восточной стороны его одною вертикальною плитою, а с западной, т. е. со стороны входа, — одною приставною к нему плитою. В склепе этом, имевшем каменный пол, стояли рядом три деревянных гроба самой простой конструкции, без резьбы и других украшений, с лежавшими в каждом из них головой на восток полуистлевшим остовом, при костях которых, кроме испорченных окисью медных пряжек, застежек и т. п., ничего не найдено. Впрочем, каменный пол его оказался в одном месте проломанным и заваленным разным мусором, черепками битой посуды и человеческими костями, при расследовании которых найдены 3 большие, хорошо сохранившиеся кедровые шишки. Очевидно, что этот довольно красивый склеп заключал в себе когда-то другой осто, который был замещен впоследствии вышеупомянутыми покойниками, чему служит некоторым подтверждением входная плита, приставленная к склепу не совсем плотно».

⁹⁴ Архив ЛОИА АН СССР, дело Археол. комисс., 1874, № 10, л. 17 сл.

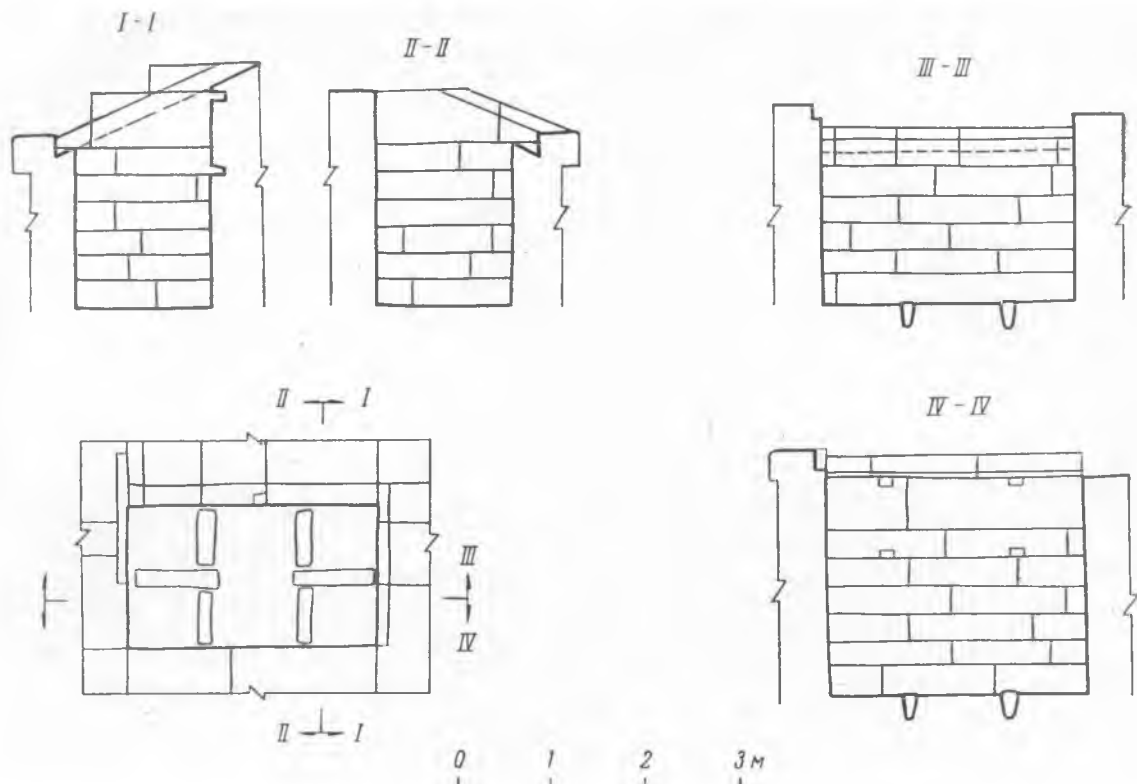

Рис. 26. Склеп по дороге из Керчи в Еникале близ Мирмекия (раскопки Люценко в 1874 г.). Реконструкция плана и разрезов.

План склепа не был снят. На основании приведенных в отчете Люценко данных можно реконструировать приблизительный профиль склепа (рис. 26). Он мог бы быть более точным, если бы Люценко указал и высоту уступов перекрытия. Интересно, что в данном случае мы имеем дело с повторным использованием склепа в более позднее время.

В южной части другого кургана, расположенного на некотором расстоянии к северо-западу от первого, Люценко открыл двойной склеп, впущенный также в материк. Об этом склепе в отчете сообщено следующее: «Он имел две камеры с призматическими сводами, из которых одна, с западной стороны, заключала в себе два ряда выпускных плит, а другая, с восточной — три. Внутренние размеры этих камер были следующие: западной — длина и ширина 2 арш. 10 вершк. (=1.86 м), высота 2 арш. 9 вершк. (=1.82 м); восточной — 4 арш. (=2.84 м), ширина 2 арш. 10 вершк. (=1.86 м), высота 2 арш. 9 вершк. (=1.82 м). Пол — материковый; вход в склеп, устроенный с западной стороны его, шириною и вышиною $1\frac{1}{2}$ арш. (=1.06 м), был заложен плитой вышиною 2 арш. (=1.42 м), шириною $1\frac{3}{4}$ арш. (=1.24 м)... Вход из первой камеры во вто-

рую, между простенками, шириною 10 вершк. (=44 см) и толщиной 4 вершка (=17.6 см) — открытый, шириною $1\frac{3}{8}$ арш. (=0.98 м), вышиною $1\frac{3}{4}$ арш. (=1.24 м). В камерах оказалось 5 остонов, лежавших в полуистлевших деревянных гробах, головами на восток. При костях, кроме 3 ламп из обожженной глины с простыми узорами, 1 стеклянного обыкновенной формы флакона, 3 таких же слезниц, 4 бронзовых пряжек, нескольких бус и 7 медных испорченных окисью монет, ничего замечательного не найдено. Только в одном месте восточной камеры было замечено небольшое углубление в материке, заваленное разным мусором, черепками битой посуды и человеческими костями, сложенными в кучу, при исследовании которой отысканы в ней: 1 золотой перстень с вертящимся на осп сердоликом... на плоской стороне которого вырезан вглубь кентавр с палицею в правой руке, 1 золотая конической формы подвеска филигранной работы, 1 такая же буса и 1 несколько поврежденный амулет из аметиста фиолетового цвета, представляющий лягушку или жабу.

Очевидно, что и этот склеп заключал в себе некогда других покойников, которые были ограблены и заменены новыми, чему служит

подтверждением не только одна стенная плита второй камеры его, оказавшаяся сдвинутою с места, но и те, вероятно, затерянные грабителями золотые вещицы, которые найдены в первой камере».⁹⁵

В данном случае представляется уже несомненным, что этот склеп, построенный, очевидно, еще в IV в. до н. э., был вторично использован в римское время.

Аналогичный склеп был открыт тогда же в третьем значительной величины кургане, расположенном в той же местности. Склеп находился близ кургана и состоял из двух смеж-

ных камер с уступчатыми покрытиями и «одной ведущей в них галереей». По словам Люценко, «склеп этот почти одинаковых размеров и конструкции с предыдущими», т. е. с тем, который представлен у нас на рис. 24. Отличался он от последнего только наличием галереи-дромоса, который оказался засыпанным «доверху» землею. Дромос не был раскопан, поскольку выяснилось, что склеп ограблен и разорен. «Обе его камеры, — пишет Люценко, — были буквально загромождены обломками плит от разрушенного каменного пола, хотя крыша оставалась нетронутою».⁹⁶

⁹⁵ Там же, л. 17.

⁹⁶ Там же, л. 19.

Загородная сельская усадьба эллинистической эпохи в районе Мирмекия

Открытие усадьбы и раскопки ее в 1951—1956 гг.

В октябре 1950 г. при рытье траншеи, предназначенной для укладки водопроводных труб, в районе Карантинной слободки были обнаружены следы античного поселения, о существовании которого ранее ничего не было известно. На протяжении примерно 50 м траншея прорезала культурный слой и остатки каменных сооружений. В результате работ по устройству траншеи на поверхность поля, использовавшегося под посевы кукурузы, был выброшен грунт, содержащий значительное количество фрагментов античной керамики.

Осмотр траншеи позволил зафиксировать границы, в пределах которых выявился культурный слой, при этом были собраны образцы керамического материала, извлеченного во время прокопки траншеи. Выяснилось, что траншея прошла через развалины каких-то древних построек. Культурный слой, обнажившийся в траншее, изобиловал обломками черепиц, залегавшими в большом количестве на глубине 0.80—1 м от поверхности. Собранные образцы керамики, в том числе целый глиняный чернолаковый светильник, а также черепицы, характерные для спартокидовского периода, — все это указывало на эллинистическую эпоху.

В августе 1951 г. здесь начались раскопки. Место, где развернулись исследования, находилось примерно в 2 км к северо-западу от городища Мирмекия и на расстоянии около 0.5 км к северу от берега Керченской бухты, примерно на полпути между Пантикапеем и Мирмекием.

Никаких внешних, отраженных в рельефе местности примет, которые могли бы указывать на существование здесь древнего поселения, не было заметно. Признаки культурного слоя и связанных с ним остатков строений были выявлены траншеей на совершенно ровном поле. В перепаханном слое полевой земли лишь изредка встречались отдельные мелкие черепки. Это обстоятельство — полное отсут-

ствие сколько-нибудь значительных наружных признаков — и явилось причиной того, что данное место никогда не привлекало к себе внимания археологов, хотя район Карантинной слободки подвергался археологическому изучению. Уже давно было установлено, что прилегающую к Керченской бухте местность — по обе стороны от так называемого Карантинного шоссе — занимает некрополь. Ближе к Керчи — это пантикапейский некрополь, а далее — мирмекийский. Расширяясь в течение ряда веков (от Пантикапея на восток, от Мирмекия — на запад), оба некрополя в конце концов слились, образовав сплошное могильное поле. Очевидно, его в древности пересекала дорога, соединявшая Пантикапей с Мирмекием и проходившая примерно по той же трассе, по которой идет современное шоссе из Керчи в поселок Синягино (бывш. Еникале). Таким образом, район Карантинной слободки был известен как часть территории пантикапейско-мирмекийского некрополя, и только.

В результате произведенных в 1951 г. раскопок был раскрыт участок площадью 158 м². Строго говоря, эти первые раскопки представляли собой лишь разведку,¹ которая, однако, позволила в общих чертах выяснить ряд существенных особенностей данного археологического памятника, остававшегося в большей своей части еще не раскрытым.

Прежде всего было установлено, что мы действительно имеем здесь дело с остатками поселения. Характер застройки и размеры его, определявшиеся пока лишь весьма приблизительно (на основании разреза культурных отложений в траншее), дали основание предполагать, что поселение это было особого типа и что оно представляло собой, вероятнее всего, загородную сельскую усадьбу. Планомерные раскопки последующих лет (1952—1956 гг.)

¹ В 1951 г. было раскопано помещение А, сильно пострадавшее при прокладке траншеи.

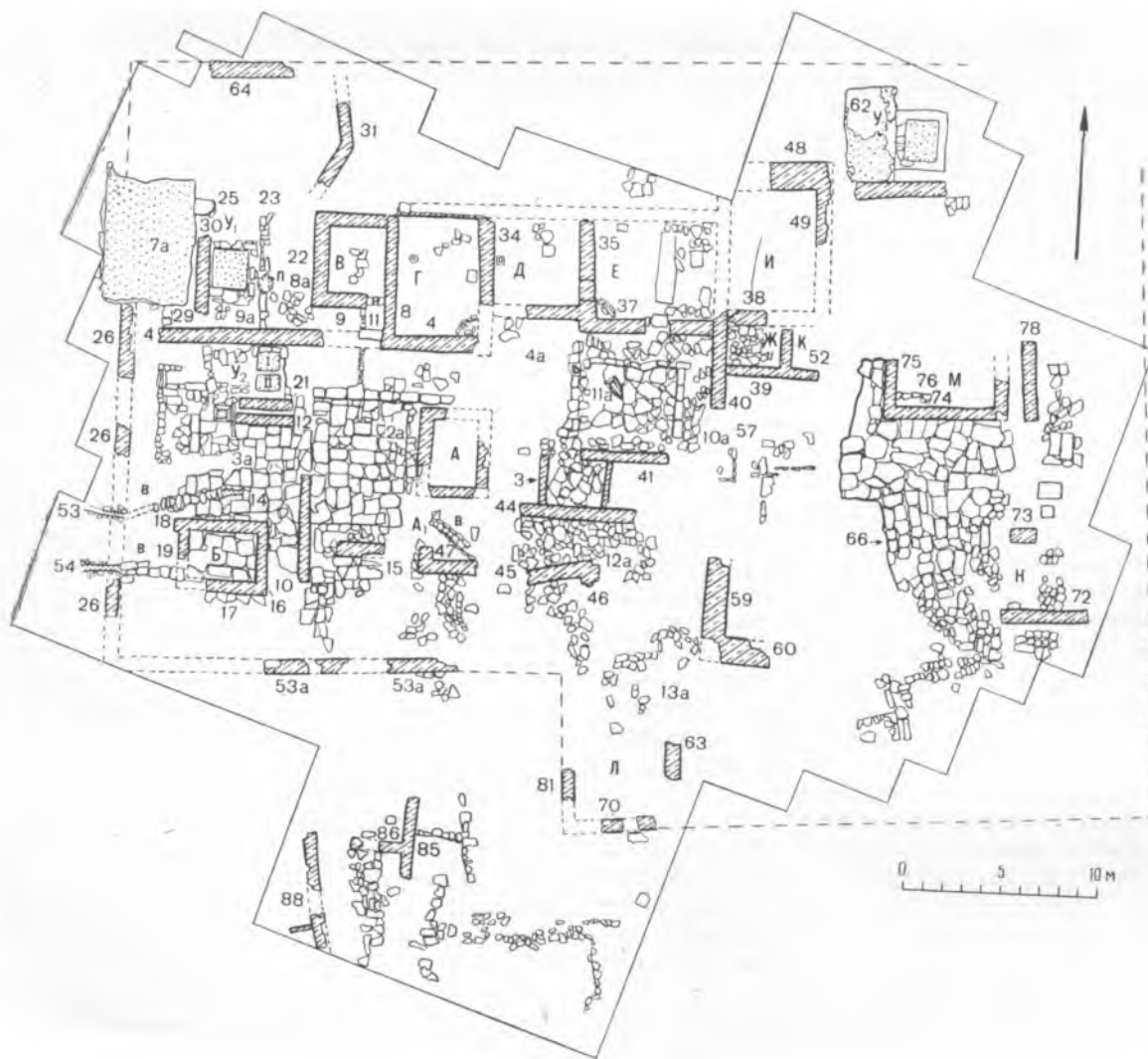

Рис. 1. Загородная сельская усадьба эллинистической эпохи близ Мирмекия (III—I вв. до н. э.). Генеральный план.

А—Н — жилые и хозяйственные помещения; U_1-U_3 — винодельни; е — водосток; п — пифос.

подтвердили правильность этого предположения: перед нами открылись развалины большой сельской усадьбы, построенной и существовавшей в эллинистическое время.

Раскопки усадьбы в основном были закончены в 1955 г., лишь небольшие исследования еще проводились в 1956 г. Контрольные траншеи, заложенные за пределами раскопа, подтвердили отсутствие каких-либо строительных остатков вне границ уже раскопанной территории. Это дало право считать, что усадьба исследована нами полностью.

Открытая раскопками усадьба (рис. 1) представляет собой обширный архитектурный комплекс, состоящий из различного назначения построек и примыкающих к ним мощных дворов. Весь комплекс занимает достаточно

большую площадь: с запада на восток около 55 м и примерно столько же с севера на юг. Усадьба дошла до нас в виде развалин, которые позволяют восстановить общий облик комплекса, уяснить его главные элементы и оценить историко-культурное значение памятника. Вместе с тем степень его сохранности далека от того, чтобы можно было с исчерпывающей полнотой реконструировать все составные части архитектурного комплекса. Многие в нем очень сильно разрушены. Когда жизнь в усадьбе прекратилась и последние обитатели покинули ее, постройки усадьбы в течение длительного времени использовались как источник строительного материала. Местами стены зданий были разобраны настолько основательно, что от некоторых стен не осталось и следа.

В результате несколько помещений усадьбы полностью исчезло, а некоторые дошли в столь фрагментарном состоянии, что невозможно восстановить даже их план. Та же участь постигла и плитовые вымостки дворов. Есть такие участки, где на значительной площади плиты совершенно выбраны, а вследствие этого утрачена связь между отдельными двориками и прилегающими к ним сооружениями.

Некоторый ущерб памятнику причинила и траншея 1950 г. Разрушила она в общем немного, но, к сожалению, эти разрушения произведены в довольно важных местах комплекса, где утрата даже отдельных звеньев кладок стен или вымосток сильно осложняет их осмысление.

Плохая сохранность усадьбы отнюдь не умаляет ее значения как исторического памятника. И то, что дошло до нас, представляет исключительно большую ценность, поскольку весь этот археологический комплекс впервые знакомит нас с оригинальным типом боспорского поселения в виде сельской усадьбы. При всей фрагментарности руин усадьбы мы вполне можем выяснить ее облик хотя бы в наиболее существенных чертах.

Несомненно, усадьба была построена не сразу в том виде, в каком мы можем судить о ней по открытым раскопкам развалинам. Первоначально усадьба занимала меньшую площадь, а затем она была значительно расширена. Есть основание думать, что максимальных размеров усадьба достигла в результате двух или трех перестроек, происходивших в течение сравнительно короткого периода.

Однако состояние развалин усадьбы почти не позволяет сколько-нибудь надежно определить, в какой точно последовательности происходило расширение усадьбы. Это объясняется в первую очередь тем, что во многих случаях мы лишены теперь возможности ответить на простейший вопрос: в каком соотношении находились стены двух соседних помещений, имела ли место перевязь кладок или они были построены впритык?

Нет поэтому возможности определить, в какой точно последовательности пристраивались к первоначальному ядру усадьбы дополнительные ее части (что в конечном счете и привело к оформлению усадебного комплекса в его максимальных границах), однако мы можем все же высказать достаточно вероятное предположение о том, в каком направлении развивалось строительство усадьбы. По-видимому, усадьба расширялась с запада на восток. Известным подтверждением этому служит следующее наблюдение. В восточной части усадьбы имеется большая по занимаемой площади вымостка (восточный дворик), к которой примыкали по-

мещения *М* и *Н*. Под вымосткой обнаружен культурный слой. Следовательно, во времена сооружения дворика на этом месте уже успели скопиться некоторые отложения, поверх которых и были настланы плиты вымостки. Если же мы обратимся к вымосткам двориков, устроенных в противоположной (западной) части усадьбы, то окажется, что там все они лежат на материке.

Таким образом, есть веские основания считать западную часть усадьбы более ранней, чем комплекс построек, занимающих восточный участок усадебной территории. Труднее решить вопрос относительно центральной части усадьбы (имеются в виду помещения *Д*, *Е*, *И* и все, что расположено к югу от них). Здесь мы не располагаем столь же определенными показателями, которые позволяли бы настаивать на том, что данная часть комплекса сооружена не одновременно с западным комплексом усадьбы. Нарушенность непосредственной связи построек центральной части с постройками западного участка весьма затрудняет выяснение этих вопросов. Однако тщательный анализ плана усадьбы подсказывает, что западная и средняя части ее построены не одновременно. За это, в частности, говорит характер выкладки плитовых вымосток. Характерной особенностью вымосток западной части усадьбы является преобладание прямоугольных плит, уложенных в довольно строгой системе, при которой ряды плит почти точно соответствуют осям зданий (рис. 2). В вымостках центрального участка усадьбы подобная система кладки не наблюдается. Заслуживает внимания еще и такая деталь. Через помещение *А*₁, по его диагонали, проложен водосток. Он находился под полом помещения и служил для отвода воды со дворов центральной части усадьбы. При этом вода попадала в западный двор, а отсюда по водостоку, проходившему под каменную ограду, выводилась за пределы усадьбы. Создается впечатление, что канализация центральной части усадьбы была подключена к уже ранее созданной системе отвода сточных вод, рассчитанной на люки в западной ограде.

На основании всего сказанного мы вправе предполагать три этапа строительства усадьбы в указанной последовательности, т. е. в направлении с запада на восток.

Наблюдения, сделанные в процессе раскопки, а также сам вещественный материал говорят о том, что строительство усадьбы в ее максимальных размерах было осуществлено в короткий срок, не превышавший несколько десятков лет. Западная часть усадьбы, вероятно, возникла на рубеже IV—III вв. или в самом начале III в. до н. э., к середине же III в.,

Рис. 2. Вымостка в западной части усадьбы; вид с юга.

надо думать, усадьба достигла тех размеров, в каких ее развалины дошли до нас. В последующий период существования усадьбы — от середины III в. и до начала I в., — несомненно, имели место неоднократные перестройки и изменения внутреннего устройства. Но все это происходило уже в тех границах усадьбы, которые установились в III в. до н. э.

Усадьба в целом представляет собой однослойный памятник. Архитектурные изменения, перестройки происходили (на протяжении всего периода существования усадьбы) без изменения горизонта вымосток дворов. Последние сохранились в своем первоначальном виде, а если они и ремонтировались, то это не отражалось сколько-нибудь заметно на их уровне. При таком положении достаточно стабильными были и уровни полов в помещениях. Все это исключало возможность образования каких-либо многослойных культурных отложений.

При раскопках приходилось наблюдать довольно однородную стратиграфическую картину на всей охваченной исследованиями территории. Под почвенно-гумусовым слоем (0.20—0.30 м) лежал очень плотный глинистый слой (0.70—0.80 м), заключавший в себе множество камней, обломков черепиц, отдельных фрагментов керамики и т. д. Этот аморф-

ный по своей структуре слой является конечным итогом процесса разрушения усадьбы. Основное содержимое слоя — перемешанный с землей мелкий строительный мусор, образовавшийся в результате ломки стен зданий и удаления с территории усадьбы всего пригодного к использованию строительного материала. Несомненно, что этот слой, будучи сам продуктом разрушительных процессов, вместе с тем в какой-то мере предупредил полное уничтожение строительных остатков. Прикрыв своей плотной массой вымостки и нижние ряды стен, слой строительного мусора затруднил дальнейшую выборку камня, поскольку это дело становилось трудоемким и поэтому невыгодным. К тому же многие строительные остатки (особенно вымостки дворов), будучи погребенными под слоем мусора, были теперь не видны, что также способствовало их сохранению.

Культурные остатки, отражающие жизнь в усадьбе и уцелевшие в виде определенных бытовых комплексов, если не буквально *in situ*, то во всяком случае в пределах тех помещений, где эти вещи использовались, обнаруживались непосредственно на глинобитных полах или вымостках под слоем, охарактеризованном выше.

Рис. 3. Водосток 54, выходящий из помещения Б.

Рис. 4. Винodelья У₃ в северо-восточной части усадьбы; вид с востока.

Архитектурный комплекс усадьбы

Сохранившиеся с западной стороны комплекса три фрагмента стены 26, лежащие на одной линии, показывают, что усадьба с запада была ограждена каменной стеной, сквозь которую проходили два водосток (53 и 54). Один из них — водосток 54 — шел из помещения В (служившего, возможно, баней) (рис. 3), другой — водосток 53, проложенный к северу от первого, соединялся, вероятно, с водостоком 14. Через водосток 14—53, очевидно, и отводились из дворов усадьбы атмосферные осадки.

Когда в усадьбе понадобилось построить винодельню, часть западной ограды разобрали, а на ее месте построили давяльную площадку (на плане 7а), выступающую западным краем за линию ограды. Можно думать, что западная ограда, сложенная из бутового камня на глине, продолжалась в северном направлении до стыка со стеной, ограждающей усадьбу по ее северной границе. От северной ограды дошел до нас небольшой отрезок стены 64, сохранившийся на протяжении 4.43 м; ширина стены 0.75 м, высота 0.47 м.

В пределах западной части усадьбы были прослежены следы южной ограды в виде обрывков стены 53а. Как проходила эта ограда после расширения усадьбы на восток, сказать трудно. Можно с некоторой долей вероятности усматривать в остатках стен 28 и 81 часть ограды того времени, когда усадьба достигла наибольших размеров по занимаемой площади. Чисто предположительной является граница усадьбы на востоке, так как здесь никаких остатков ограды не обнаружено. Вряд ли с этой стороны усадьба совсем не была ограждена.

Приведенная выше реконструкция границ усадьбы наталкивается как будто на одно существенное противоречие: как видно на плане, строительные остатки расположены и за пределами южной ограды. Однако это лишь кажущееся противоречие. В тот период, когда усадьба достигла своего наибольшего развития, некоторые вспомогательные постройки, в основном, по-видимому, хозяйственного назначения, возникли и на прилегающей к усадьбе с юга территории за оградой. В связи с этим тут появились и вымостки, частично уцелевшие.

Комплекс главных помещений занимает северную часть усадебной территории — это помещения В, Г, Д, Е, И (с примыкающими к нему помещениями Ж, К) (рис. 1). К югу от названных помещений расположены дворы, а также некоторые дополнительные постройки. С востока усадьбу замыкал обширный мощеный двор, по сторонам которого находилось несколько построек (М, Н).

Следует отметить два сооружения, ярко характеризующие хозяйственный облик усадьбы. Одно из этих сооружений находится в северо-западной части усадьбы и представляет собой упомянутую винодельню. Она состоит из большой оцементированной площадки, рядом с которой расположена врытая в землю цистерна. Вторая аналогичная винодельня построена в северо-восточной части усадьбы (рис. 4).

Описание усадьбы начнем с основного комплекса помещений, занимающего северную часть усадьбы. О находящейся с западной стороны комплекса винодельне — речь далее.

Прямо против винодельни (с восточной стороны), в ближайшем соседстве с нею, расположено помещение В — самое крайнее помещение северного комплекса, почти квадратное (внутренние его размеры 3.20×3.25 м). Вход — с юга; дверной проем шириной 1.00 м хорошо сохранился. В нем во время раскопок была обнаружена правильно уложенная группа камней, позволяющая предполагать, что в самый последний период помещение В не использовалось и вход в него был заложен. Помещение В, очевидно, построено не одновременно с соседним помещением Г. Это подтверждается отсутствием перевязки кладки (стена 32 построена впритык к стене 8), а также расположением стены 32, которое не совпадает с линией стены, замыкавшей с севера помещение Г. Южная стена помещения В находится на расстоянии 2 м от стены 4, которая ограждала западный двор с севера. Первоначально на месте помещения В, вероятно, существовало иное помещение, которое с юга ограничивалось стеной 4 так же, как и в помещении Г. При перестройке южная стена помещения В была возведена на некотором расстоянии от стены 4, а вход теперь приобрел форму небольшого коридора, ограниченного стеной 8 и узкой стеной 11, ее ширина 0.32 м, высота 0.34 м. У входа в коридор лежит, покоясь на кладке стены 4, тщательно обработанная прямоугольная плита ($0.25 \times 0.57 \times 1.30$ м), служившая порогом. Стены помещения В наиболее сохранились в юго-западном углу, здесь их высота достигает 0.62 м. Группа мелких плит в средней части помещения показывает, что пол был вымощен. Глубина залегания плитового пола от поверхности почвы 1.12 м. Местами на уровне пола были обнаружены скопления золы и отдельные куски пережженной глины. Возможно, это следы бывшего в помещении очага. Интересной деталью внутреннего устройства помещения является полукруглая выкладка из камней в северо-западном углу. Подобная же каменная выкладка имеется и в

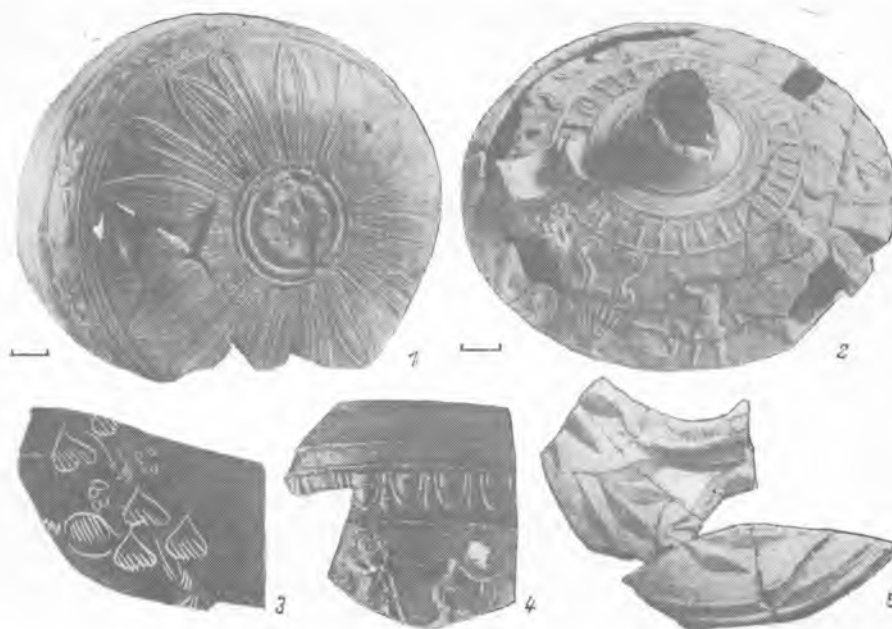

Рис. 5. Керамика из раскопок усадьбы.

1 — мегарская чаша из помещения В (М/53—73); 2 — кувшинчик с рельефными украшениями из помещения Г (М/53—86); 3 — обломок чернолакового кубка из помещения Г (М/53—88); 4 — фрагмент мегарской чаши с изображением актера, опирающегося на посох, из помещения И (М/53—458); 5 — обломок расписного лагиноса из помещения Г (М/53—80).

Рис. 6. Бальзамарии из раскопок усадьбы.

1 — краснолаковый из помещения Г (М/53—78); 2—3 — веретенообразные из помещения З (М/53—489) и Г (М/53—108).

соседнем помещении Г, но там она устроена в юго-восточном углу.

Внутри помещения В найдены обломки простых остродонных амфор, обломки веретенообразных бальзамариев (М/53—61, 62), три пирамидальные ткацкие подвески (М/53—63), обломки мегарских чаш (М/53—53, 64, 69). Из нескольких обломков, лежавших прямо на полу, удалось восстановить значительную часть одной чаши, покрытой красным лаком (рис. 5, 1) (М/53—73). В средней части ее украшает фриз, состоящий из чередующихся изображений птиц и розеток. Как уже указывалось, по всей территории усадьбы при раскопках встречались в огромном количестве битые кровельные черепицы, в большинстве своем боспорские. В помещении В оказалось несколько десятков такого рода обломков.

Помещение Г. По своим размерам оно значительно больше помещения В, его длина 6.20 м, ширина 4.20 м. Южным фасадом (стена 4) оно выходит во дворик, тогда как помещение В со стороны этого дворика, вероятно, было закрыто продолжением той же стены 4, выступавшей здесь в виде ограды. Лучшее всего в помещении Г сохранилась стена 8, общая с помещением В; от нее уцелело 3—4 ряда кладки. От южной стены (4) оказался на месте лишь один нижний ряд кладки. Юго-восточный угол и значительная часть восточной стены 34 разрушены водопроводной траншеей. Сравнительно хорошо сохранился только северный ее конец (на высоту 1.10 м). Замыкавшая с севера стена разбрана полностью. То же наблюдается и в соседних (к востоку) помещениях Д и Е. В пределах помещения Г от северной стены уцелел лишь ряд мелких, поставленных на ребро плиток, входивших, очевидно, в самый нижний ряд кладки стены по ее краю.

В юго-восточном углу помещения есть выкладка из камней с дугообразным внешним очертанием. Назначение таких каменных площадок-выступов, устроенных в углу, не совсем ясно. Подобное же сооружение мы наблюдаем и в помещении В. Аналогичные площадки раньше были открыты в одном из помещений Мирмекия (на участке 3),² а также в двух помещениях в Илурате.³ Ни разу, однако, не удалось выявить какие-либо признаки, определяющие назначение таких сооружений.

Вход в помещение Г, вероятно, был в южной стене 4, но из-за плохой ее сохранности следы входного проема в настоящее время незаметны. Возможно, что и в стене 34 существовал проем, соединявший помещения Г и Д.

В одном месте сохранившейся части стены 34 кладка состоит из плит, образующих как бы притолоку заложённого дверного проема. К сожалению, дальнейшее продолжение этой стены к югу сильно разрушено. Надо отметить, что против предполагаемой двери на полу возле стены 34 лежит плита, которая могла служить ступенью в проходе.

В помещении выявлены два пола. Более поздний пол был глиняный, он открыт на глубине 1.23 м от современной поверхности почвы. Там, где пол сохранился хорошо, видно, что он состоял из плотно утрамбованного слоя глины толщиной 0.10 м. Под ним выявлены следы более раннего земляного пола. В северо-восточной части помещения этот пол выстлан каменными плитами. На расстоянии около 1 м от стены 8 в верхний пол впущена известковая плита, на которой стояла круглая ступа. Сохранилась только нижняя ее часть. Ступа сделана очень тщательно из твердого плотного известняка.

В помещении Г на уровне верхнего пола найдены следующие вещи. Около стены 34 лежало 5 разбитых остродонных амфор. Ни одной из них нельзя было восстановить из-за отсутствия многих обломков. Кроме того, обнаружено 5 глиняных пирамидальных ткацких подвесок. Одна из них имеет два отверстия, на другой подвеске (с одним отверстием у вершины) сохранилось клеймо с изображением плещевого листа (?) (М/53—94). Найдены также обломки мегарских чаш (М/53—87), обломок чернолакового кубка, украшенного изображением плещи, исполненного врезной линией (рис. 5, 3) (М/53—88), обломки расписного лагинуса (рис. 5, 5) (М/53—80), фрагментированный краснолаковый бальзамарий (рис. 6, 1) (М/53—78) и веретенообразный бальзамарий без ножки (рис. 6, 3) (М/53—108).

Очень интересен восстановленный из обломков сосуд в виде небольшого приземистого кувшинчика с рельефными украшениями на широкой поверхности плечей (рис. 5, 2) (М/53—86). Кроме того, в помещении Г были еще найдены обломок глиняной сковороды (М/53—91), железный крюк (М/53—84), обломок железных гвоздей, сероглиняная тарелка со следами реставрации (М/53—97), верхняя часть кувшина, горло которого имеет слив (рис. 7, 1) (М/53—105). Терракотовая статуэтка Геракла, составившаяся из четырех обломков (М/53—98), принадлежит тому же типу, что и фигурка Геракла, найденная позднее в помещении Д. Из обломков черепиц, оказавшихся в помещении Г, заслуживает особого внимания один — с клеймом ΠΑΝΤΙ (рис. 8) (М/53—75).

² МИА СССР, 1952, № 25, с. 209—210, рис. 103 и 104 (планы, помещение Е).

³ Помещения Г и О на участке I.

Рис. 7. Керамика из раскопок усадьбы

1 — фрагмент кувшина из помещения Г (М/53—105); 2 — горло лагиноса из помещения Ж (М/53—295); 3 — ойнохойя с клеймом из помещения Д (М/53—195).

Рис. 8. Черепица с клеймом из помещения Г (М/53—75).

Рис. 9. Статуэтка Геракла из помещения Д (М/53-197).

→

В помещении Г найдены три медные монеты. Одна из них — пантикапейская, она относится к 300—250 гг. (М/53—82); другая, сильно стершаяся, пантикапейская или фанаторийская — рубежа III—II вв. (М/53—101); третья — митридатовского времени, вероятно фанаторийская (М/53—76).

Возможно, помещению Г принадлежала та расписная штукатурка, большое количество обломков которой найдено на вымостке 1а близ стены 4. Здесь среди каменных завалов, образовавшихся от обрушившихся стен, были обнаружены пласты отвалившейся штукатурки, окрашенной в желтый, красный или белый цвет. На желтой штукатурке нередко встречается темно-коричневая полоса, на красной — темно-синяя, иногда белая. Есть куски штукатурки, на которых заметны признаки росписи в виде лепестков — красных и желтых.

Интересны граффити, встречающиеся на некоторых обломках расписной штукатурки. Имеются отдельные процарапанные знаки, напоминающие греческие буквы, иногда прочерчен ряд перекрещивающихся линий, есть рисунки как бы схематически изображающие дерево (елочку) и т. д.

Помещение Д (4,50×4,75 м). Южная стена (36) помещения находится не на одной линии с южной стеной помещения Г, она значительно отодвинута к северу. Поэтому фасад здания здесь образует уступ, вследствие чего помещение Д по всей длине меньше помещения Г. Северная стена не сохранилась, но имеются все основания полагать, что она являлась прямым продолжением стены, ограничивавшей с севера помещение Г, как это и показано на плане.

Западная часть стены 36 и ее соединение со стеной 34 разрушены водопроводной траншеей. Вероятно, вход в помещение был устроен в средней части стены 36, где лежит крупных размеров плита правильной четырехугольной формы. По-видимому, она служила порогом и находится на месте бывшего тут дверного проема. В помещении против порога на полу положена плита. Эта каменная ступень облегчала вход в помещение, пол которого был ниже уровня вымостки, прилегающей к помещению Д с внешней стороны.

Помещение Д первоначально сообщалось с соседним (с востока) помещением Е. На это указывает проем шириной 1,0 м, имеющийся в стене 35. Наибольшая сохранившаяся высота последней 0,78 м. Надо отметить, что на этой стене, близ юго-восточного угла, сохранилась штукатурка на площади примерно 0,25 м². Поверхность штукатурки белая. Таким образом, несомненно, что стены помещения были оштукатурены.

Уровень пола определяется вымосткой, частично сохранившейся в северной части помещения. Возле стены 34 на полу стоит каменная четырехугольная ступа (0,30×0,40 м) высотой 0,32 м, диаметр полости 0,18 м, глубина 0,16 м.

Как и во всех прочих помещениях, здесь — в помещении Д — найдено очень много обломков кровельной черепицы: их обнаружено 683, из них 614 обломков керамид, остальные — калиптеры. Преобладают боспорские черепицы. Интересно, что почти все клейма на черепицах, найденных в помещении Д, носят имя ΣΑΤΥΡΙΩΝΟΣ.

Внутри помещения выявлены следы пожара. Весь пол был засыпан золой, кусками древесного угля. В слое пожарища найдено много кусков глиняных плиток (глина с саманом), иногда крупных размеров, по-видимому от печи, бывшей где-то у восточной стены и полностью разрушенной. Обширное пространство пола было сплошь усеяно зернами. Здесь оказались ячмень пленчатый (*Hordeum sativum*), пшеница мягкая (*Triticum vulgare*) с примесью ржи (*Secale cereale*) и дикорастущих злаков (может быть, пырей или костер), горох (*Pisum sativum*), вика (*Vicia sativa*).⁴

В помещении Д найдено довольно много различных вещей: шесть ткацких пирамидальных подвесок, обломки глиняной сковороды (М/53—180, 181), часть лутерия, судя по характеру глины, синопского происхождения (М/53—179), разбитые бальзамарии (М/53—178, 231), железные гвозди, три астрагала, в том числе один просверленный (М/53—224). Как и в других помещениях, здесь также оказалось несколько обломков мегарских чаш (М/53—173, 174, 176, 247).

В высокой степени интересна находка глиняной ойнохой с пятистрочным клеймом коллегии агораномов (М/53—195) (рис. 7, 3). Отметим ряд терракотовых статуэток, найденных в помещении Д. Следует подчеркнуть, что именно в этом помещении обнаружено больше всего терракот. Здесь оказались фрагментированная статуэтка воина со щитом (М/53—42),⁵ статуэтка Геракла (М/53—197, аналогична статуэтке, найденной в помещении Г) (рис. 9), часть статуэтки Геракла более крупных размеров (М/53—200),⁶ две женские статуэтки (М/53—

⁴ Определения произведены во Всесоюзном институте растениеводства.

⁵ Опубликовано: Пругло В. И. Позднеэллинистические боспорские терракоты, изображающие воинов. — В кн.: Культура античного мира. М., 1966, с. 206, рис. 1, 3.

⁶ Опубликовано: Пругло В. И. Геракл в корoplastике Боспора. — В кн.: Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. М., 1968, с. 244, рис. 2, 3.

205, 313), две головки (М/53—230, 250), статуэтка Эрота (М/53—322).

В помещении найдены две медные пантикапейские монеты начала III в. до н. э. (М/53—207) и 300—250 гг. до н. э. (М/53—324). Несколько севернее торцовой части стены 35 обнаружена фанагорийская монета конца II—начала I в. до н. э. (М/53—336).

Прилегающая к помещению Д с юга площадка вымощена плитами (4а). Сохранившаяся полоса вымостки шириной 2.10 м далее к югу обрывается. Очевидно, продолжение вымостки разобрано.

Помещение Е. В нем уцелели только две стены — западная (35) и южная (37), с широким (1.30 м) дверным проемом, который служил входом со стороны двора. Таким образом, в помещении Е полностью отсутствуют северная и восточная стены. Но местонахождение этих стен без особых затруднений может быть восстановлено, как это и показано на плане. В результате реконструкции выясняются размеры помещения Е: длина 6.50 м, ширина 5 м. Пол в западной половине помещения земляной, в восточной — выстлан плитами.

Против входа находится сооружение, сложенное из плит и представляющее собой узкую, вытянутую с севера на юг загородку (ларь). Длина сооружения 3.50 м, ширина 0.85 м, ширина огражденного плитами внутреннего пространства 0.43 м. Высота с западной стороны до 0.86 м, с восточной — до 0.52 м. То обстоятельство, что одна сторона ларя выше, а другая значительно ниже, позволяет предполагать в данном сооружении ясли для кормления животных. В такого рода ясли можно было класть корм с таким расчетом, чтобы животные его ели, находясь в западной части помещения, где пол выложен плитами.

Внутри ларя не обнаружено ничего, что давало бы возможность определить его назначение. Найдены лишь обломки черепиц, в том числе один обломок калиптера с полным клеймом Сатириона (М/53—270), и мелкие камни, попавшие в ларь при разрушении здания.

У северного конца ларя на земляном полу найдена в лежащем положении каменная круглая ступа с перехватом в нижней части. Сначала ступа постепенно суживается книзу, а затем, на высоте 0.20 м, снова расширяется, образуя достаточно устойчивое основание, диаметр которого почти совпадает с диаметром верхней части ступы. Высота ступы 0.60 м, верхний диаметр 0.43 м, диаметр основания 0.40 м. Внутренняя полость ступы: глубина 0.55 м, диаметр сверху 0.30 м. В верхнем крае ступы с двух сторон сделаны выемки; высота каждой из них 0.06 м, глубина 0.03 м. Ступа найдена

в поврежденном состоянии: у нее отбит кусок нижней части.

Среди плит, из которых сложен описанный выше ларь, в северном его конце оказался своеобразной формы камень неизвестного назначения. Он тщательно обработан, имеет продолговатую форму (длина 0.57 м, высота 0.12—0.25 м). Сверху камню придан вид двускатной крыши, на переднем конце сделан обращенный кверху выступ, в котором сбоку вырезаны три выемки — две, находящиеся с противоположных сторон, расположены на одном уровне, третья — немного выше. Основание камня плоское.

Попал ли этот камень в кладку ларя просто как строительный материал, т. е. для вторичного использования, или он выполнял именно здесь какие-то функции, ради чего и был специально сделан, сказать трудно. Хозяйственное назначение помещения Е подтверждается и наличием еще второй полукруглой загородки, находящейся в юго-западном углу. Она сделана из двух поставленных на ребро плит. Высота загородки 0.62 м, толщина плит 0.18 м. Внутри загородки ничего существенного не оказалось, ее заполняла земля, камни, несколько незначительных обломков керамики и обломок железного ножа (М/53—276).

Загородка, несомненно, была сделана в поздний период, в более раннее время ее тут не было. Своим северо-западным концом она примыкает к кладке, которой заложен дверной проем, соединявший когда-то помещения Д и Е. До того как этот дверной проем был заложен, загородка не могла существовать, так как она закрывала бы проход.

Надо отметить и врытую в земляной пол хорошо отесанную плиту, выступающую над уровнем пола на 0.15—0.21 м. Показательно, что раскопка помещения Е дала очень мало вещевых находок, что еще более убеждает в нежиллом его характере. Обнаружено небольшое количество обломков амфор, три глиняные ткацкие подвески в форме пирамидок, причем на одной из них имеется клеймо с буквой А (М/53—226), на другой процарапан знак Х (М/53—267). Как обычно, культурный слой в пределах помещения Е содержал много обломков кровельных черепиц.

С южной стороны к помещению Е прилегает вымостка, являющаяся частью дворика, описание которого мы дадим далее. Сейчас рассмотрим следующие помещения той же северной части усадьбы.

Помещение И, сильно разрушенное, реконструируется по сохранившимся фрагментам стен 38, 48 и 49. Примечательна монументальность северной стены 48. Она вдвое толще обычных стен помещений усадьбы (1.48 м).

Помещение *И* не только выделяется особенной монументальностью своей северной стены. Оно имело и богатую внутреннюю отделку, что подтверждается огромным количеством фрагментов расписной штукатурки, заполнявших все внутреннее пространство разрушенного помещения. Культурный слой в его пределах состоял почти сплошь из обломков кровельных черепиц и расписной штукатурки, исчислявшейся сотнями кусков самой различной величины. Очевидно, все это нагромождение черепиц и штукатурки образовалось при уничтожении помещения и разборке его стен на строительный материал. Штукатурка, хотя и свалена в виде беспорядочной массы обломков, все же дает возможность хотя бы примерно восстановить общую систему росписи стен.⁷

Среди завала из черепиц и штукатурки найдена медная пантикапейская монета II в. до н. э. (200—110 гг.) (М/53—451).

Керамические находки: в небольшом количестве обломки остроногих амфор, в том числе ручка родосской амфоры с клеймом (М/53—463), обломки простых, сероглиняных и красноглиняных сосудов, обломки мегарских чаш (М/53—458), ножки и горлышки бальзамариев, ткацкая пирамидальная подвеска (М/53—460), светильник (М/53—467) и др. Интересен один из фрагментов мегарской чаши: на нем представлена фигура опирающегося на посох актера в маске (М/53—458) (рис. 5, 4). Особо отметим тарелку типа рыбных блюд, покрытую тусклым черным лаком (М/53—546). В отличие от обычных блюд этого рода, оно довольно глубокое. Еще в древности блюдо было разбито и починено свинцовыми скрепами.

Весьма показательна находка в помещении *И* серии обломков крупного сосуда с рельефными изображениями на внешней поверхности (М/53—348) (рис. 10, 1—2).

Присутствие обломков названного сосуда, принадлежавшего, несомненно, к достаточно дорогим изделиям, служит дополнительным доказательством того, что помещение *И*, стены которого были украшены многоцветной росписью, представляло собой одно из главных помещений усадьбы.

Помещение *Ж* (2,20×3,05 м) примыкает к помещению *И* с юга. Его ограничивали стены 38, 39, 40 и 52. Сохранность стен плохая, уцелели лишь один-два нижних ряда кладки, разрушен стык стен 38 и 40. Сообщались ли между собой помещения *Ж* и *И*, неизвестно. Заметны лишь следы входа в западной стене 40.

Пол помещения *Ж* имеет настил из камен-

ных плит. Возле восточной стены на нем сохранились признаки бывшего здесь очага. При разборке завала камней, прикрывавшего помещение *Ж*, найдены обломки мегарских чаш (М/53—284) и четыре медные пантикапейские монеты: две — 200—110 гг. (М/53—282 а, б) и две — 100—75 гг. (М/53—282в, 283). На южной стороне кладки стены 38 сохранился *in situ* кусок белой штукатурки, из чего следует, что стены помещения были оштукатурены.

Непосредственно на полу, наряду с обломками стенок остроногих амфор (в их числе ручка синопской амфоры с клеймом) и обломками черепиц, были обнаружены обломок мегарской чаши (М/53—288), горло лагиноса (М/53—295) (рис. 7, 2), костяная трубочка (М/53—294), обломок костяного стержня с нарезными линиями и двумя отверстиями, кусок кремня (М/53—299).

Восточнее находилось другое помещение — *К*, смежное с помещением *Ж*, на что указывает стена 39, продолжающаяся далее к востоку. Но это помещение настолько разрушено, что план его не поддается восстановлению, так как нельзя установить, где проходила его граница с восточной стороны. Скорее всего, это была маленькая комната, подобная соседней, но с земляным полом.

Внутри помещения — на отрезке, ограниченном стенами 39 и 52, — найдены обломки черепиц, амфор, в том числе ручка синопской амфоры с клеймом, свинцовое пряслице, свинцовая гиря и две медные монеты.

Поскольку стена 40, ограничивавшая помещение *Ж* с запада, продолжается на протяжении около 2 м к югу за его пределами, можно думать, что с юга к помещениям *Ж* и *К* примыкало еще какое-то помещение или отдельный дворик. Это тем более вероятно, что за помещением *К* сохранился фрагмент вымостки 53. Еще дальше на юг находится вымощенная плитами площадка 57, занимающая пространство 3,40×4,50 м. Вымостка открыта на глубине 0,89 м от современной поверхности.

На вымостку поставлены два параллельно расположенных ряда плит (57а). От одного ряда (северного) сохранились четыре плиты, от другого (южного) — две. Назначение их неясно. Возможно, что здесь, внутри помещения с вымосткой 57, находилась какая-то хозяйственная загородка. На вымостке лежали слой горелой глины и сырцовых кирпичей, зола и угли. В этом слое горелых остатков, может быть являющихся результатом пожара, найдена разбитая амфора с обуглившимися зернами (главным образом зерна пшеницы — *Triticum compactum* и отчасти семян вики — *Vicia*),⁸ обломки кос-

⁷ Кастанаян Е. Г. Стенная роспись сельской усадьбы эллинистического времени близ Пантикапеи (опыт реконструкции). — КСИА, 1969, вып. 116, с. 45—48.

⁸ По определению Н. Р. Иванова (Отдел бобовых Всесоюзного института растениеводства), «наиболее

Рис. 10. Фрагменты сосуда (1, 2) с рельефными изображениями из помещения *И* (М/53—348).

ской амфоры с клейменной ручкой, множество кусков черепиц, преимущественно боспорских. На обломках двух керамид имеются клейма: ΒΑΣΙΛΙΚΗ и ΣΑΤΥΡΙΩΝΟΣ.

Как отмечалось, стена 40, ограничивавшая помещение *Ж* с запада, продолжается и южнее, за пределами помещения, а затем обрывается. Эта стена ограждала плитную вымостку 10а, которая являлась частью мощеного двора, расположенного против помещения *Е*. Центральную часть двора занимает вымостка 11а, состоящая в основном из крупных плит. Вымостка 10а, примыкающая к вымостке 11а с севера и востока, имеет ширину 2.05 м и лежит на несколько более высоком уровне, чем вымостка 11а. Края вымостки 10а специально обрамлены продолговатыми плитами, об-

разующими ступенчатый переход к более низкой вымостке 11а. На одной из плит, ограничивающих вымостку 11а с северной стороны, имеется четырехугольный шип. Плита эта обнаружена в несколько сдвинутом положении, что является следствием частичной деформации вымостки.

Вполне вероятно, что вымостка 11а была когда-то центральной частью перистильного двора. Тогда вымостку с юга и с запада, очевидно, ограничивали такие же борта из плит, какие сохранились теперь только вдоль северного и восточного ее краев. Наличие шипа на плите с северной стороны служит косвенным подтверждением существования перистыля. Шип был предназначен, по-видимому, для укрепления одной из колонн (или ее базы). Весьма возможно, что в самый последний период жизни усадьбы, когда она находилась в упадке, перистиль уже был уничтожен.

вероятно, что эти семена относятся к одному из мелкосемянных видов рода *Vicia* L.»

Рис. 11. Помещение 3, вид с востока.

На вымостке 11а найдены две прямоугольной формы капители. Низ каждой из них представляет собой параллелепипед (10×16.5 см, высота 4 см), далее следует расширяющаяся кверху венчающая часть капители, все четыре стороны которой профилированы. Высота капители 9 см, размеры верхней плоскости 18×24.5 см. Ни на верхней, ни на нижней плоскостях капители нет признаков соединения ее с какими-либо другими частями сооружения, которому могли принадлежать капители.

В культурном слое, лежавшем на вымостке 11а, обнаружены в довольно большом количестве обломки простых амфор, 2 бронзовых гвоздя, горло лагиноса (М/53—433), фрагмент краснолаковой чашки (М/53—413), обломки лепного сосуда (М/53—417), терракотовая голова лошади (М/53—416) и медная монета Амиса времени Митридата VI (М/53—414).

К юго-западной части дворика с вымосткой 11а примыкает помещение 3 (2.75×3.28 м) (рис. 11). Ввиду сильной разрушенности сейчас трудно сказать, было ли это действительно закрытого типа помещение. Пол вымощен плитами, с запада и востока вымостка ограничена слегка приподнятыми бортами из каменных плит. Часть такого обрамления сохранилась и вдоль северо-восточного края вымостки. На остатки стен эти борта мало похожи, они слиш-

ком узки. Поэтому можно думать, что так называемое помещение 3 было, вероятнее всего, частью южного обхода центрального дворика с вымосткой 11а. Очевидно, этот южный обход дворика был замкнут стеной 44, от которой сохранился только нижний ряд кладки. При современном своем состоянии она лишена связи с остальными постройками (оба ее конца — западный и восточный — обрываются). Раскопка «помещения» 3 дала следующие находки. Кроме обычных обломков простых остродонных амфор (преимущественно обломки стенок) и черепиц, были найдены красноглиняный бальзамарий (М/53—489) (рис. 6, 3), обломок мегарской чашки (М/53—485), несколько обломков лепных сосудов, стеклянная бусина (М/53—487). На плитах вымостки лежала медная пантикапейская монета конца III—начала II в. до н. э. (М/53—484), в культурном слое немного выше уровня вымостки найдена тоже медная пантикапейская монета II в. до н. э., 200—110 гг. (М/53—480).

К югу от стены 44 расположена вымостка 12а, которая занимала обширную площадь, доходя до стен ограды участка. После прекращения жизни в усадьбе, когда ее постройки разрушились, значительные участки вымостки были разобраны. На вымостках сохранился нижний ряд кладки стен 45 и 46 (от последней уцелело только несколько камней), образующих угол. Это была какая-то постройка

(помещение *O**),⁹ возведенная, несомненно, в поздний период. Судя по направлению стены 45, постройка стояла несколько косо по отношению к другим сооружениям усадьбы, оси которых строго выдержаны в одном направлении, что придает плану всей усадьбы регулярный характер.

Более позднее возникновение стен 45—46 (по-видимому, не ранее середины II в. до н. э.) подтверждается еще и тем, что в швах их кладки оказался фрагмент краснолаковой тарелки (М/53—593), которую есть все основания датировать II в. до н. э.

На вымостке 12а обнаружен развал очага или печи, сооруженной из глины с саманом на каркасе из прутьев. Среди кусков жженной глины найдены обломки лепных сосудов, глиняная пирамидальная ткацкая подвеска и безымянный обол митридатовского времени.

Западнее вымостки 57 открыто небольшое ограждение из перпендикулярно примыкающих друг к другу вертикально поставленных плит. К югу от загородки и на расстоянии 5.90 м к востоку от северо-восточного угла разрушенного помещения *O* сохранились остатки сооружения, представленные двумя массивными, связанными одна с другой под прямым углом стенами 59 и 60. Ширина стен 1.35 м, сохранившаяся высота 0.25—0.53 м, длина 4.25 м. На верхних плитах стены 59 высечены четырехугольные углубления для укрепления чего-то. Такое же углубление на одной из плит кладки 60. Кладки 59 и 60 с их очень ровной верхней поверхностью производят впечатление широкого цоколя. По своему направлению эти стены не вполне совпадают с господствующей в усадьбе ориентировкой построек. Восстановить план здания при наличии только фрагментарно уцелевших стен 59 и 60 невозможно. Создается впечатление, что это было какое-то отдельное здание, возникшее в более поздний период жизни усадьбы, во время одной из ее перестроек.

К востоку от стены 59, у края раскопа, выявлена небольшая вымостка 61*.

С юго-западной стороны к стыку стен 59 и 60 примыкает вымостка 13а. Ее перекрывает совершенно незначительный пласт грунта толщиной 0.15 м (вымостка почти выходила на дневную поверхность). В древности вымостка, по-видимому, не раз ремонтировалась. Местами она состоит из двух-трех пластов камня.

В восточной части всего комплекса, как упоминалось, находится восточный двор усадьбы с большой вымосткой 66 и помещениями *M* и *H*.

⁹ Помещения и стены, отмеченные звездочкой, на генеральном плане (рис. 1), не указаны.

Вымостка 66 залегала на глубине 0.60 м от современной поверхности. Ширина мощеного двора (с востока на запад) 9.50 м, длина (с севера на юг) открытой части вымостки 13.75 м. Вымостка выполнена очень тщательно, причем в ее северной части преобладают плиты больших размеров, тогда как в южной части применены преимущественно мелкие плиты. Среди плит вымостки оказались вторичного использования архитектурные детали: плита с профилированным карнизом и фрагмент угловой части очень интересного карниза с львиными масками на передней стороне. Верхний край карниза украшен гладкими антефиксами. На поверхности вымостки лежал керамический материал эллинистического времени. Здесь были обломки чернолаковой керамики, мегарских чаш (М/55—212 [на доннышке часть клейма с именем мастера Деметрия], 213, 226, 264, 352), простых красноглиняных сосудов, остродонных амфор, включая ручки клейменных амфор — синопских (М/55—228, 230) и родосских (М/55—231). На вымостке найдены 2 медные монеты (М/55—233, 359). Очень много встречено битой кровельной черепицы. Как всегда, подавляющее большинство черепиц боспорских, в том числе с клеймами. По обыкновению чаще всего встречаются клейма Сатириона (М/55—232, 269, 271, 308а, 309, 322, 324), вместе с ними оказалось несколько клейм ΒΑΣΙΛΙΚΗ (М/55—270, 308), Απολ[лония] (М/55—273), ΚΟΙΣ (М/55—323).

В северной части вымостки 66 открыты остатки стен помещения *M*. Сохранилось все основание (нижний ряд кладки) южной стены 74, длина ее (по внешней стороне) 6.75 м, ширина 0.60 м. От западной стены 75 сохранилась только часть ее на протяжении 1.75 м, ширина стены 0.75 м. Еще меньше уцелело от восточной стены 77: ее протяженность 1.50 м, ширина 0.70—0.75 м. Кладка стен — из нерегулярных камней на глине. Никаких остатков стены, которая замыкала помещение *M* с севера, не обнаружено. Любопытной особенностью уцелевшей части здания является наличие внутри помещения пристроенной вплотную к стене 74 кладки 76, опирающейся своей западной, торцовой частью в стену 75. Кладка эта (ее длина 2.50 м, ширина 0.80 м) выполнена небрежно. Чем вызвано было сооружение этой кладки, значительно утолстившей южную стену помещения, неясно. Внутри помещения *M* глинобитный пол. Он весь был завален громадным количеством битых черепиц, главным образом боспорских; на многих черепицах имеются клейма. Небольшая часть обломков черепиц (около 10% к общему количеству) синопского происхождения. Интересно отметить, что среди боспорских калиптеров, как и

в предыдущие годы, калиптеры полукруглой формы встречались лишь изредка, преобладают граненые. Обратную картину дают синопские черепицы: превалируют калиптеры полукруглые (напоминают хорошо известную в Крыму черепицу, именуемую обычно «татарской»); до раскопок 1955 г. такие синопские калиптеры только и встречались. В 1955 г. наряду с полукруглыми (М/55—325) обнаружены и граненые синопские калиптеры, один удалось восстановить из обломков полностью.

В помещении *М* найдено 5 медных монет (М/55—306, 338, 341), клейменные амфорные ручки (М/55—307). Весьма примечательна находка 44 пирамидальных подвесок («грузил»). Это может указывать на то, что в помещении *М* находился ткацкий станок и что здесь, следовательно, занимались изготовлением тканей.

Почти рядом с помещением *М*, чуть восточнее, открыта стена 78, сохранившаяся на протяжении 4,30 м; северный конец ее уходит в борт раскопа. Стена шириной 0,60 м сложена из грубообколотых камней, на глине. Сохранившаяся высота 0,40 м. Возможно, это остатки каменной ограды-забора.

С юго-восточной стороны к вымостке 66, по-видимому, примыкало помещение *Н*, от которого сохранились только незначительные части в виде двух параллельных стен — южной (72) и северной (73). Стена 72 шириной 0,65 м сохранилась в длину до 4,50 м. Кладка обычная, из нерегулярных камней на глине, уцелело 2—3 ряда кладки. Длина стены 73 1,25 м, ширина ее 0,70 м; характер кладки такой же, как и у стены 72. Пол в помещении был вымощен плитами, но сохранилась только часть вымостки (71).

Несколько севернее была открыта небольшая по площади вымостка 62. Дальнейшее расширение раскопа к югу дало в высшей степени интересную находку: в культурном слое на глубине от 0,32 до 0,96 м были найдены многочисленные обломки колхидского пифоса (М/55—68). Среди обломков пифоса оказалось много зерен пшеницы. Очевидно, пифос был использован для хранения хлебного зерна.

Значительную часть пифоса удалось восстановить. Это объемистый сосуд, с сильно выпуклым корпусом, дно плоское. Черепок в изломе красно-бурый, с большим количеством примеси песка. Снаружи сосуд темно-серый, почти черный. Нижняя часть корпуса гладкая, выше вся поверхность стенок покрыта мелкими горизонтальными желобками, которые доходят до основания широкого горла, сохранившегося не полностью — отсутствует венчик. Плечи украшены отрисками зубчатого штампа. В меридиональном направлении корпус пи-

фоса украшен гладкими полосами из глины, причем сделаны они уже после того, как на стенках пифоса было нанесено рифление. На плечах пифоса вырезан знак W. Такого рода пифос был нами обнаружен при раскопках Мирмекии в 1937 г. на участке 3.¹⁰ Отдельные обломки таких пифосов встречались и на участке *Б* в том же Мирмекии.¹¹

Находка колхидского пифоса¹² на территории усадьбы интересна в двух отношениях. С одной стороны, это еще одно свидетельство о торговых связях Боспора с юго-восточным Причерноморьем — с Колхидой. Вместе с тем условия находки пифоса на территории усадьбы дают возможность хронологически определить данный тип пифоса с определенной орнаментацией. Имеются все основания датировать этот пифос III—II вв. до н. э. Рядом с местом залегания его фрагментов были найдены горло косской амфоры с клеймом на ручке (М/55—67), часть горла родосской амфоры с клейменной ручкой (М/55—69), обломки боспорских черепиц (керамид) с клеймами ΒΑΣΙΛΙΚΗ (М/55—86, 87), ΜΕΝΟΙC (М/55—88), калиптер с клеймом ΣΑΤΥΡΙΩΝOC (М/55—89).

Раскопка в южном крае усадьбы открыла остатки стены 52, являвшейся, очевидно, внешней оградой усадьбы до того, как во второй половине III в. до н. э. занимаемая ею площадь была удвоена путем пристройки обширного комплекса сооружений, распространившегося в восточном направлении. Ширина стены 52 0,70 м, наибольшая ее высота 0,42 м, сохранилась она в виде отдельных фрагментов на протяжении около 10 м.

Расширение раскопа к югу показало, что там еще есть строительные остатки. Обнаружена вымостка 67*. Но выдвинутые еще дальше на юг разведочные траншеи оказались пустыми. Культурный слой здесь исчезает, что свидетельствует о выходе за пределы территории, которую занимала усадьба. Контрольная траншея с западной стороны подтвердила уже ранее сделанный вывод, что раскопки усадьбы с запада можно считать законченными.

С севера было заложено 17 траншей. Две из них обнаружили остатки стен, вследствие чего в северо-западной части раскопа была сделана прирезка, приведшая к открытию двух стен. Одна из них — стена 64 шириной 0,75 м, высотой 0,47 м — сохранилась на протяжении 4,43 м; она ориентирована в направлении во-

¹⁰ МИА СССР, № 25, с. 208—209, рис. 128а.

¹¹ Там же, с. 209, примеч.

¹² Ср.: Куфтин Б. А. Материалы к археологии Колхиды, т. II. Тбилиси, 1950, табл. 26 сл.

сток—запад. Возможно, это остатки стены, ограждавшей усадьбу с севера.

Другая стена (31) сначала идет с севера на юг, затем делает изгиб, поворачивая на юго-запад. Сохранившаяся высота стены 0.68 м. Можно думать, что стена 31 является остатком какого-то хозяйственного сооружения, которое примыкало к северной ограде усадьбы. При раскопке квадратов, заключавших стены 31 и 64, найдено очень много разбитых черепиц, многие из них были клейменные.

Все последующие квадраты, расположенные к северу, никаких строительных остатков не

дали.¹³ Изучение стратиграфических разрезов в разведочных траншеях показало, что в них еще есть очень тощий культурный слой, образовавшийся в результате замусоривания прилегающей к усадьбе территории. Однако в северном ряду траншей даже и этот слой прекращается. Таким образом, можно признать, что северная сторона усадьбы раскрыта полностью.

¹³ В одной из траншей на высоком уровне обнаружена беспорядочная группа камней — завал. Очевидно, это камни, растащенные из развалин усадьбы.

Хозяйство усадьбы

Открытые раскопками остатки построек и собранный в процессе этих раскопок вещевой материал позволяют охарактеризовать хозяйственный профиль усадьбы, т. е. определить, какие отрасли материального производства здесь существовали.

Основой хозяйства усадьбы, несомненно, являлось виноделие. Это подтверждается тем, что на территории усадьбы открыто несколько сооружений, которые были предназначены для производства виноградного вина. В северо-западной части усадьбы открыта винодельня У₁.¹⁴ Поблизости от нее, несколько южнее, обнаружены остатки другой винодельни — У₂. Наконец, в северо-восточной части усадьбы раскопана винодельня У₃.

По-видимому, первоначальной, наиболее ранней является винодельня У₁. Через некоторое время была построена винодельня У₃. Таким образом, в течение какого-то периода действовали две большие винодельни, размещенные на двух противоположных концах усадьбы. В более позднее время винодельческое производство усадьбы, очевидно, сократилось. Обе ранее функционировавшие винодельни прекратили свое существование. И тогда была построена новая винодельня У₂, служившая для производства вина, но уже в значительно суженных масштабах по сравнению с предыдущим периодом.

Винодельня У₁ состоит из давяльной площадки (7а) и расположенной перед ней с восточной стороны цистерны, выполнявшей роль резервуара, в который стекало выжатое на площадке виноградное сусло.

Давильная площадка, залегавшая на глубине 0.35 м от современной поверхности поч-

вы, имеет в плане прямоугольную форму. В настоящем виде длина площадки 6.80 м, ширина 4.95 м. Северный край ее немного обломан. Очевидно, и с восточной стороны часть площадки разрушена, так как она теперь заканчивается на некотором расстоянии от резервуара, потеряв тем самым непосредственную связь с ним. Между тем выполнять свои функции площадка могла только при условии, если она вплотную подходила к цистерне, куда через соответствующий слив должен был поступать виноградный сок.

Разрыв между резервуаром и давяльной площадкой возник, очевидно, или в результате перестройки, имевшей место еще в древности и повлекшей за собой прекращение функционирования данной винодельни,¹⁵ или в результате использования строительного материала после гибели усадьбы.

Давильная площадка построена следующим образом. Сначала на поверхность грунта был уложен и плотно утрамбован слой мелкого бута и щебня. Затем сверху произведена заливка раствором, содержащим известь и крупный гравий. Завершающей операцией было покрытие площадки вторым слоем раствора — белого цвета, мелкозернистой структуры, без заметной примеси песка или гравия. Этот верхний тонкий слой раствора на большей части площадки не сохранился, его остатки удалось заметить только у северо-восточного угла площадки. Толщина площадки, с включением ее бутовой основы, 0.10—0.12 м.

Вдоль западного края прослеживается ряд камней, обрамляющих давяльную площадку. Никаких остатков стен от постройки, внутри

¹⁴ Все боспорские винодельни, раскопанные до 1958 г., подвергнуты памяти исследованию в специальной работе «Виноделие на Боспоре» (МИА СССР, 1958, № 85, с. 352—457). Там они снабжены условными цифрами, которые использованы нами и здесь при описании виноделен усадьбы.

¹⁵ На такое предположение наводит бутовая кладка 30, лежащая поверх западной стенки резервуара. От кладки 30 уцелел только один ряд камней. Но она очень резко отличается от кладки стен резервуара, состоящей из хороших тесаных плит. Но является ли кладка 30 свидетельством какой-то перестройки, оторвавшей давяльную площадку от резервуара?

которой могла бы находиться площадка, не обнаружено. Если бы она существовала, вряд ли было бы возможно полное исчезновение малейших ее признаков. Стало быть, в данном случае мы имеем дело с не совсем обычной винодельней, ибо, как нам известно, все до сих пор открытые боспорские винодельни представляют собой сооружения в виде здания, внутреннее помещение которого заключает в себе давяльные площадки (или несколько площадок) и резервуар. Присутствие в трех местах примыкающих к площадке одиночных плит (25 — у восточного края, $0,34 \times 0,80 \times 1,0$ м, под плитой лежали бутовые камни; 29 — у южного края, $0,43 \times 0,65 \times 0,92$ м; третья, еще не выявленная полностью — у западного края) наводит на мысль, что это, может быть, следы каменных оснований для столбов, на которых держалась кровля-навес. Если это предположение отбросить, то останется лишь одна возможность — считать, что площадка была открытой.

Как уже отмечалось, к западу от площадки находится четырехугольный резервуар, врытый в землю и выходящий верхней своей частью на уровень давяльной площадки. Размеры резервуара: длина 2.10 м, ширина 2.05 м, глубина 2 м.

Кладка стен резервуара, как это видно по ее обнажению сверху,¹⁶ состоит из плит известняка. Внутренние стены и дно оштукатурены. Кладка стен покрыта слоем (2—3 см) белого раствора, в который подмешаны гравий и немного толченой красной керамики. Но ее в растворе так мало, что она не влияет на цвет раствора, он кажется белым. Поверх этого покрытия нанесен тонкий слой (0.5 см) тонкозернистого, совершенно белого раствора, без малейшей примеси керамической крошки. Вертикальные углы резервуара имеют выпуклые, валикообразные заполнения из белого раствора, чем, очевидно, предупреждалась возможность скопления осадка. Дно устроено с наклоном к северо-восточному углу, где образована неглубокая впадина — неотъемлемый признак винодельческих цистерн. Дно было покрыто таким же тонким слоем белого раствора, как и стенки. Но это покрытие сохранилось лишь по краям дна. На значительной же его части обнажился основной слой покрытия, сделанный очень своеобразно. Он состоит из белого раствора, содержащего значительное количество крупного гравия; в этот раствор впущены куски черепиц, расположенные на небольшом расстоянии один от другого. В результате получилась своего рода мозаика: на светло-сером (серова-

тый оттенок придает гравий) фоне цементного раствора ярко выделяются красные куски черепиц. Подобный прием устройства дна цистерны до сих пор ни разу еще не встречался.

По своей конструкции винодельня У₁ наиболее близка к винодельне эллинистического времени в Тиритаке, открытой на участке V—VI в 1939 г. и исследованной в 1946 г.¹⁷ Характерной особенностью обеих этих виноделен является отсутствие каких-либо приспособлений для пресса. Давильня состоит из площадки, на которой мяти виноград ногами, и одного резервуара-приемника для выжатого сока. Применение однородных цементных растворов — белых, без примеси толченой керамики или с крайне незначительной ее примесью, устройство в резервуаре угловых валикообразных заполнений — все это весьма показательные признаки боспорских виноделен эллинистического периода.¹⁸

При несомненном наличии в винодельне, бывшей в усадьбе, черт, общих для боспорских виноделен эллинистического времени, в ней имеются и такие особенности, с которыми мы здесь сталкиваемся впервые. Сюда относится, например, выкладка дна резервуара кусками черепиц. Особенно же примечательной особенностью рассматриваемой винодельни является отсутствие остатков стен вдоль внешних краев давяльной площадки.

Уцелевшая с южной стороны резервуара часть плитовой вымостки 9а* говорит о благоустроенности пола. Рядом с резервуаром с восточной стороны открыто растрескавшееся дно большого пифоса, вкопанного в грунт. Пифос находится в промежутке между двумя кладками, одна из которых идет на север — ее ширина 0.60 м, сохранившаяся высота 0.57 м. Другая от пифоса направлена на юг, где она примыкает к стене 4; от этой кладки сохранилось всего лишь три камня. Обе кладки лежат строго на одной линии и производят впечатление как бы остатков одной стены (на плане они и обозначены одним номером — 23), прерывающейся в том месте, где установлен пифос. В северном отрезке стены 23 один из крайних камней на обращенной к пифосу поверхности имеет белое цементное покрытие, как на стенках резервуара. Вероятно, камень этот вторичного использования.

За южным отрезком стены 23, к востоку от нее, расположена вымостка 8а, лежащая на том же уровне, что и вымостка 9а возле резервуара IV.

¹⁷ См.: МИА СССР, № 25, с. 28 сл.

¹⁸ Ср. устройство резервуара I в мирмекийской винодельне, раскопанной в 1934 г. на участке Б и относящейся (в своем первоначальном виде) к III—II вв. до н. э. См.: МИА СССР, 1941, № 4, с. 17.

¹⁶ Верхний ряд кладки обнажен с трех сторон — северной, восточной и южной; на западной стороне поверх кладки резервуара лежит бутовая кладка 30.

Резервуар IV был заполнен грунтом, содержащим большое количество разнообразных культурных остатков, характер которых ничем не отличается от содержимого слоя, перекрывающего развалины всей усадьбы. По всей видимости, засыпка резервуара IV произведена была одновременно. В засыпи обнаружено много обломков разнообразной керамики, кости животных, кости рыб и т. д., т. е. все то, что характерно для жилого мусора. Фиксация материала по горизонталям залегания не дала какой-либо хронологической последовательности, что и естественно, поскольку, как мы отметили выше, засыпка произведена одновременно. В резервуар попало все, что содержалось в жилом мусоре, использованном для засыпки. В засыпи было много обломков простых остродонных амфор, главным образом в виде обломков их стенок. Среди амфорных обломков оказалась ручка родосской амфоры с сильно стершимся неразборчивым клеймом (М/52—333). В значительном числе представлены обломки боспорских черепиц — керамид и калиптеров (один калиптер — граненой формы — собрался из обломков полностью), в том числе несколько с клеймами. Найден и один обломок клейменной синопской керамиды (М/52—298).

Встречены обломки мегарских чаш (М/52—311, 312), мелкие фрагменты эллинистических чернолаковых (М/52—310), буролаковых (М/52—283) и краснолаковых сосудов, головка женской терракотовой статуэтки (М/52—288), глиняная пирамидальная подвеска (М/52—313), обломки кухонных закопченных глиняных котлов, железные гвозди. Лепные сосуды — в виде редких единичных фрагментов.

Непосредственно на дне резервуара найдены обломки двух боспорских черепиц с клеймами ΒΑΣΙΛΙΚΗ (М/52—332)¹⁹ и ΙΠΠΟΚΡΑΣ (М/52—334).²⁰ Несколько выше в засыпи были обнаружены один обломок керамиды (М/52—314) и один обломок калиптера (М/52—315) с клеймами Сатириона, которые, как говорилось, составляют самую многочисленную группу боспорских черепичных клейм, встречаемых при раскопке усадьбы.

У дна резервуара найдена также двухствольная ручка косской амфоры с плохо читаемым клеймом (М/52—329) и горло лагинуса — такого же рода, что и на рис. 7, 2.

В своей совокупности вещевой материал относится к III—II вв. до н. э., лишь черепица с клеймом Гиппократа (М/52—334) более ранняя — IV в. до н. э. Последнее, конечно, дела не меняет, так как черепицы долго

бытовали и наличие черепицы IV в. до н. э. в комплексе, где подавляющий материал принадлежит III—II вв. до н. э., не является чем-то неожиданным.

В квадратах, прилежащих к винодельне с востока, найден ряд фрагментов терракот, в числе их серия обломков женской головки очень хорошего исполнения (М/52—259).²¹ Отметим еще фрагмент торса сидящей Кибелы с львенком на коленях (М/52—261), верхнюю часть женской фигурки (М/52—260). В одном из квадратов наряду с обломками мегарских чаш найдена бронзовая фибула (с утраченной иглой), которую по сопровождавшему ее вещевому материалу надлежит датировать II в. до н. э.²²

Винодельня У₃ находится в северо-восточной части усадьбы. От винодельни сохранилась давяльная площадка и примыкающая к ней врытая в землю цистерна-резервуар, куда стекало выжатое на давяльной площадке виноградное сусло.

Винодельня представляла собой отдельное закрытое сооружение, охваченное с четырех сторон стенами. От южной стены (толщина 0.75 м) сохранились лишь нижние ряды кладки, остальные полностью разобраны. Давильная площадка сильно повреждена, на значительном пространстве разрушен цементный покров площадки. Площадка прямоугольная, 4.75×1.65 м, она занимает западную часть помещения винодельни. Основание площадки состоит из слоя мелкого бута, который сверху залит раствором извести, смешанной с гравием. Поверх этого слоя нанесен тонкий слой белого раствора мелкозернистой структуры. Этот верхний слой тщательно выровнен и образует гладкую поверхность, на которой мали виноград. Площадке придан наклон с таким расчетом, чтобы сок стекал по направлению к цистерне, находящейся с восточной стороны.

Цистерна (рис. 4) четырехугольная, ее стены образованы каменной кладкой. Стороны стен, обращенные внутрь цистерны, тщательно сложены из крупных камней на растворе; стороны, обращенные к грунту, сложены из мелкого бута на глине. Размеры цистерны 1.75×2.10 м, глубина 1.95 м. Емкость — около 7 тыс. л. Боковые стенки и дно цистерны гладко оштукатурены таким же раствором, каким покрыта давяльная площадка — без примеси толченой керамики. Дно цистерны имеет

²¹ Головку, возможно принадлежавшую фигуре Афродиты, восстановил реставратор Государственного Эрмитажа П. И. Перов.

²² Ср. аналогичную фибулу, изданную Б. В. Фармаковским (ИАК, 1903, вып. 8, с. 61, рис. 69); найдена в одной из ольвийских могил II в. до н. э. (ср.: там же, с. 92).

¹⁹ Ср.: ИГАИМК, 1935, вып. 104, с. 277, рис. 76а.

²⁰ Ср.: там же, с. 305, № 35.

легкий наклон к юго-восточному углу, где уровень дна на 8 см ниже уровня остальных углов. Такие углубления, как известно, устраивались в дне резервуаров. В них скапливался и концентрировался осадок, когда сусло отстаивалось.

Сок с площадки поступал в резервуар по каменному сливу, который лежал на западной стене цистерны вровень с давяльной площадкой. На месте слива не оказалось, но отбитая его передняя часть была найдена внутри цистерны. Он высечен из известняка и имеет сточный желоб шириной 0.10 м.

Интересной особенностью устройства резервуара являются валики в углах. Вертикальные стыки стен и горизонтальные стыки стен с дном заполнены штукатуркой в виде валикообразных тяг. Такие выпуклые заполнения угловых промежутков свойственны на Боспоре резервуарам эллинистических виноделен. В винодельнях римского времени они никогда не применялись. Можно сказать, что уже самый факт наличия подобных угловых заполнений в резервуаре является хорошим хронологическим показателем, поскольку, как это уже установлено многочисленными наблюдениями, такой способ оформления резервуаров в боспорских винодельнях был в употреблении на протяжении III—II вв. до н. э.

Резервуар был заполнен камнями, землей и различными культурными остатками, попавшими туда в качестве мусора при засыпке ликвидированной винодельни. Засыпка содержала обломки амфор, черепиц, обломки сосуда с рельефными украшениями, кости животных. Два обломка боспорских черепиц имели клейма. На обломке одной керамики сохранилась часть клейма $\beta\alpha\sigma\iota\lambda\iota\kappa\eta$, на обломке калиттера оказалось клеймо с именем $\Sigma\alpha\tau\upsilon\rho\iota\omega\nu\varsigma$. Черепицы с именем Сатириона — самые многочисленные среди найденных на усадьбе.

Как тип винодельни, так и обнаруженный при ее раскрытии материал позволяют отнести винодельню к III в. до н. э.

Вместимость резервуара — свыше 7 тыс. л — свидетельствует о крупном характере производства вина. В течение одного сезона винодельня, несомненно, использовалась неоднократно. Стало быть, общая производительность винодельни составляла гораздо больше того, что мог вместить резервуар в течение однодневной выжимки.

Винодельня $У_2$ состоит из двух смежных цистерн (I, II), к которым с запада примыкает частично сохранившаяся плитовая вымостка $ба^*$. Размеры каждой цистерны: длина 1.35 м, ширина 0.78 м, глубина 1.34—1.41 м. Днища цистерн имеют небольшой наклон в продольном направлении — с запада на во-

сток. Внутри цистерны оштукатурены цементом, в состав которого входит известь, песок и мелко истолченная керамика, т. е. цемянка. Присутствие которой придает штукатурке розовый цвет. Цементное покрытие стенок сильно растрескалось. Ясно видны два слоя покрытия, причем более ранний, нижний слой имеет меньше примеси цемянки, чем перекрывающий ее верхний слой, который вследствие этого отличается более интенсивной розовой окраской. Цистерны были заполнены землей, содержавшей небольшое количество обломков черепиц, амфор и другой глиняной посуды. В цистерне I найдена глиняная пирамидальная ткацкая подвеска (М/52—134), а обнаруженный в цистерне II один из обломков боспорских керамид имеет клеймо ЖЛА, ранее не встречавшееся (М/52—138).²³ Там же найдена и фанагорийская медная монета второй половины II в. до н. э., перечеканенная на Пантикапей (М/52—139).

Спрашивается, для чего предназначались эти цистерны? Устройство днищ, которым придан легкий наклон, говорит о принадлежности цистерн винодельческому хозяйству. Однако такому объяснению противоречит отсутствие давяльной площадки. Примыкающие к цистерне I остатки вымостки совершенно лишены каких-либо признаков существования на них цементного покрытия, а без этого вымостка не могла выполнять функции, присущие давяльной площадке. И тем не менее отвергнуть мысль о связи цистерн с виноделием мы не можем. И вот почему. На дне цистерны II найден каменный блок, на верхней поверхности которого высечен желоб, расширяющийся и вместе с тем понижающийся спереди. Внутри желоба и отчасти на передней стороне блока сохранились остатки цементной обмазки. Очевидно, это слив, по которому жидкость стекала в цистерну. А в таком случае остается наиболее вероятным (и даже единственно возможным) рассматривать цистерны I и II как резервуары для виноградного сока. Приходится при этом предположить, что давяльная площадка разрушена. При сравнении цистерн I и II с цистерной IV бросается в глаза различие в составе тех растворов, которые применялись в том и другом случае для покрытия внутренних стен и днищ. В цистерне IV смесь цемянки едва заметна, и то лишь в нижнем слое, лежащем непосредственно на каменной кладке стен. Верхнее же покрытие цемянки совсем не содержит, а отсюда и белый цвет этого верхнего слоя. Совсем иное мы видим в цистернах I и II. Здесь и первый (нижний),

²³ По-видимому, это вариант клейма, изданного мною (ИГАИМК, вып. 104, с. 301, № 4).

и второй (верхний) слой, особенно последний, насыщены мелкими частицами красной керамической крошки, подмешанной к раствору в качестве гидравлической добавки.

Наблюдения, которые сделаны над достаточно многочисленными теперь боспорскими винодельнями, позволяют заключить, что белые цементные покрытия присущи более ранним винодельням — III—II вв. до н. э. Начиная же со второй половины II в. до н. э. стали применяться цементы, представляющие собой известковый раствор с обильной примесью толченой керамики.²⁴ В дальнейшем — на протяжении первых веков нашей эры — именно эти розовые цементы с большим количеством цемянки становятся господствующими в практике строительства таких сооружений, как винодельни, рыбозасольни и т. п. В соответствии с этим следует полагать, что открытая в северо-западной части усадьбы винодельня сохранила свой более ранний облик, а цистерны I—II дошли до нас в том виде, какой им был придан в самый поздний период существования усадьбы, т. е., вероятно, в I в. до н. э. Винодельня У₂ была сооружена, несомненно, гораздо позже виноделен У₁ и У₃.

Немного южнее цистерн I—II проходит стена 21 (длина 3.05 м, ширина 0.55 м, наибольшая высота 0.40 м), а на расстоянии 0.15—0.24 м параллельно ей сооружена почти такой же длины стена 12, ее ширина 0.65 м. По-видимому, эти стены, обе стоящие на вымостке 3а, были связаны с устройством перекрытия над цистернами I—II. Промежуток между стеной 21 и стеной 4 равен 3 м.

Рядом со стенами 12 и 21 к западу находится глубокая подземная цистерна III*. В уровень с прилегающей вымосткой выходит четырехугольная горловина цистерны (0.55 × 0.62 м). Ее образует первый ряд плит, из которых построены стенки цистерны, всего таких рядов — до дна — 9. Дно также каменное и в плане четырехугольное, его размеры 1.76 × 1.91 м. Цистерна, как видим, сильно расширяется книзу. Глубина ее 4.02 м.

Отметим одну особенность устройства цистерны. Северная и южная ее стенки, наклонно уходящие книзу, расширяются постепенно.

Западная и восточная стенки на уровне третьего ряда плит, т. е. на расстоянии 1.32 м от верхнего края горловины, образуют уступы, что дает в этом месте сразу более значительное расширение цистерны. Стены и дно цистерны III тщательно оштукатурены. Покрытие очень прочное, в два слоя. Нижний слой цемента белый, без примеси цемянки, следующий слой содержит цемянку, но не в большом количестве, поэтому цвет ее бледно-розовый.

Наличие по соседству с цистерной III виноделен заставляет полагать, что цистерна предназначалась для хранения вина. Во всяком случае ясно одно: цистерна служила местом для хранения жидкости. Именно поэтому она внутри так тщательно оцелментирована.

В боспорских поселениях такого типа цистерны до сих пор не были обнаружены. Впервые открытую в усадьбе цистерну III можно сопоставить с монументальной цистерной для хранения вина, открытой в 1947 г. в Ольвии, в одном из подвальных помещений эллинистического времени на участке II. Ольвийская цистерна еще больше, ее глубина 7 м, а нижний диаметр (цистерна в плане круглая) 3.20 м.²⁵

Цистерна III была доверху заполнена землей и разнообразным по своему содержанию материалом культурных остатков. В числе их были обломки амфор, черепиц,²⁶ простой красноглиняной посуды, обуглившиеся зерна ячменя, найденные на глубине 1.50 м, кости животных и рыб. Встречены также два обломка мегарских чаш (М/52—264, найдены на глубине 2.50 м). На дне найдена ручка родосской амфоры с клеймом 'Επιγόνος — имя фабриканта (М/52—325).

Необходимо особо отметить находку человеческого черепа, лежавшего в обломках на глубине 1.70 м. Череп свидетельствует о том, что при засыпке цистерны, происходившей, возможно, уже после прекращения жизни в усадьбе, в мусорных скоплениях, которые имелись на ее территории, были человеческие останки.

²⁵ Книпович Т. Н. Ольвийская экспедиция. — КСИИМК, 1949, XXVII, с. 26 сл.

²⁶ В том числе 1 обломок синопской керамики с неясным клеймом (М/52—165) и 1 обломок боспорского калптера с клеймом Сатириона (М/52—166).

²⁴ Ср.: МНА СССР, № 25, с. 43.

Илурат

(раскопки 1954—1960 гг.)

В 1954 г. были продолжены раскопки Илурата.¹ Они велись на двух участках — I и III, причем основные работы производились на участке III. В 1956 г. начаты раскопки и на участке IV в юго-западной части Илурата.

Характеристика стратиграфии илуратского городища, установленная в течение шести предыдущих раскопочных сезонов, остается без изменений. Илурат — однослойный памятник. Время жизни поселения — от середины I в. до н. э. до III в. н. э. включительно. Культурный слой достигает наибольшей глубины в районе юго-восточной оборонительной стены — до 3 м. На остальной территории он имеет глубину в среднем 1.20—1.60 м, местами глубина его составляет всего лишь 0.50—0.70 м. Структурно он весьма однороден. Основная масса слоя состоит из сплошных, смешанных с землей каменных завалов, образовавшихся в результате разрушения построек. Этот завал, состоящий преимущественно из бутового камня, лишь частично из штучных тесаных плит, заполняет развалины жилых и хозяйственных помещений, дворы, улицы и переулки. Под завалом — на полах помещений, на вымостках дворов и т. д. — лежит пласт культурных остатков, непосредственно связанных с протекавшей внутри поселения жизнью. Этот в узком смысле «культурный

слой» обычно невелик — 0.20—0.30 м. Часто этот слой носит ярко выраженный характер пожарища. Очевидно, многие дома Илурата погибли от огня. Но и в тех случаях, когда нет следов пожара, в жилых помещениях культурный слой, залегающий под завалами, как правило, насыщен зольными включениями. Вещевой материал, содержащийся в культурном слое, перекрываемом завалами, почти всегда отличается определенным соотношением отдельных групп культурных остатков. Количественно преобладают обломки крупных остроногих амфор боспорского производства. Далее следует лепная керамика — самая распространенная, доминирующая в Илурате. В меньшем числе представлена гончарная простая посуда, еще меньше краснолаковой керамики и совсем мало стекла. Металлические изделия обнаруживаются лишь sporadически. Монеты чрезвычайно редки, что весьма показательно, ибо (Илурат не принадлежал к числу торгово-промысловых поселений Боспора). В жилищах систематически обнаруживаются остатки хлебного зерна (пшеница, ячмень), мукомольные орудия — жернова, ступы. Встречались железные серпы, коса. Кости домашних животных обильны. Хлебопашество и животноводство, несомненно, составляли основу хозяйства населения илуратской крепости. После приведенной краткой, основанной на длительных наблюдениях характеристики культурных напластований Илурата обратимся к результатам раскопок 1954—1960 гг.

¹ См.: Гайдукевич В. Ф. Илурат. Итоги археологических исследований 1948—1953 гг. — В кн.: Боспорские города, II. М.—Л., 1958, с. 9—148 (МИА СССР, № 85).

Участок I

Здесь раскопки велись в 1954 г. (рис. 1);² предстояло расширить раскоп в юго-западном

² Раскопки 1954 г. показаны на генеральном плане участка I, опубликованном в отчете о раскопках Илурата за 1948—1953 гг. (МИА СССР, № 85, рис. 13), поэтому здесь план не воспроизводится. — *Ред.*

направлении вдоль юго-восточной оборонительной стены, начиная от 1-го Поперечного переулка. Раскопаны два смежных помещения — 46 и 47, следующие одно за другим вдоль переулка по юго-западной его стороне. Помещение 46 примыкает к оборонительной стене, ис-

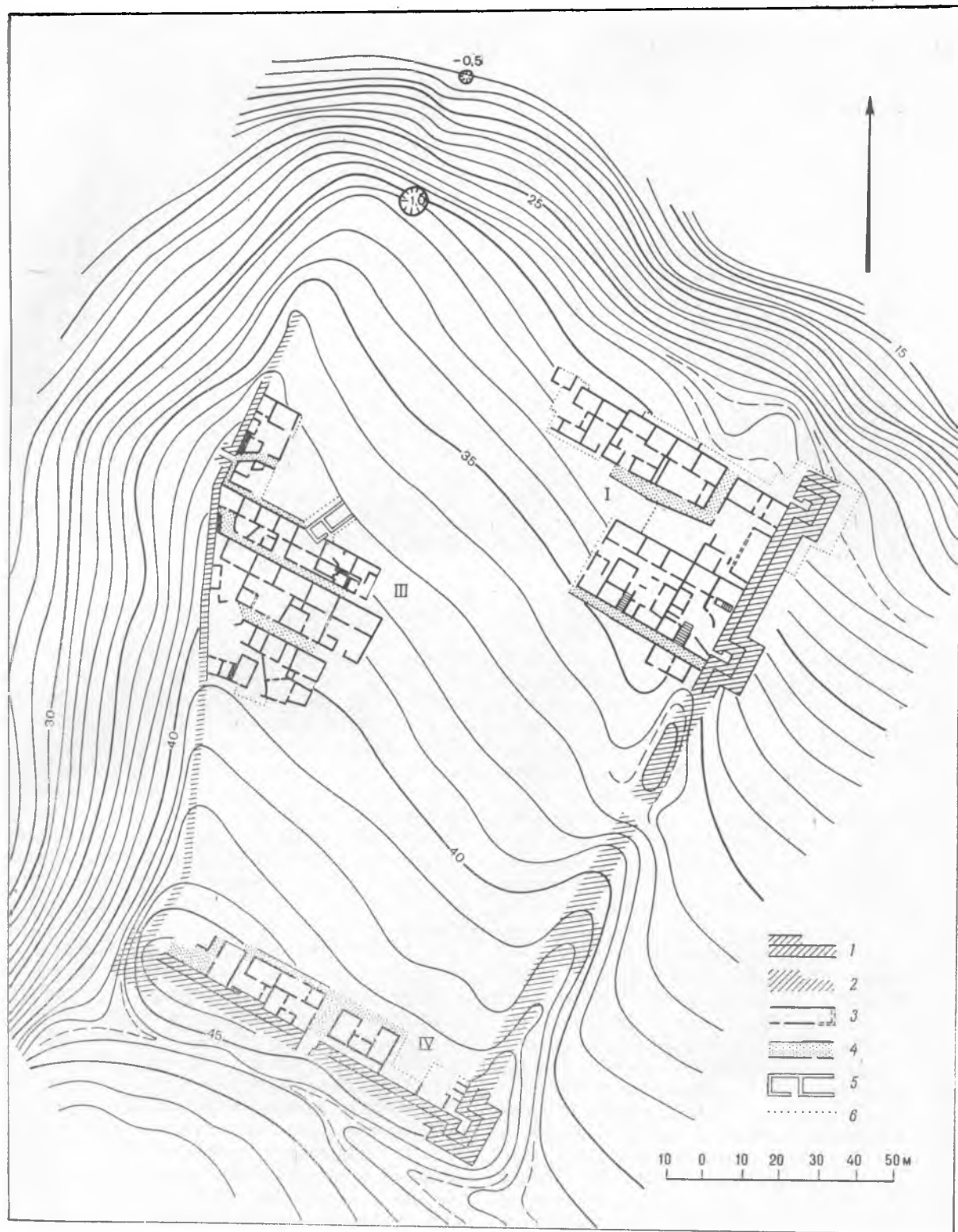

Рис. 1. Илурат. Общий план городища.

1 — раскопанная часть оборонительных стен; 2 — нераскопанная часть оборонительных стен; 3 — стены зданий жилых кварталов I—III вв. н. э.; 4 — улицы и переулки; 5 — стены здания VIII—IX вв. н. э.; 6 — границы раскопанных участков: I, III, IV — участки раскопок.

Рис. 2. Участок I. Третий пояс оборонительной стены.

следование которой дало совершенно неожиданные результаты. На участке I в результате многолетних раскопок на большом протяжении раскрыты юго-восточная оборонительная стена и две башни. Было установлено, что стена построена в два приема. Первоначально возникла стена *А*, возведенная в I в. до н. э. Толщина ее 2.40 м. К ней изнутри поселения пристроены дома, расположенные вдоль крепостной стены. Позднее, по-видимому во II в. н. э., к первой оборонительной стене пристроили новый пояс стены (*В*) толщиной 4 м. Этим значительно усиливалась мощь юго-восточной линии оборонительных стен.

Раскопка выявила третий пояс стены (*В*), прилегающий к главной стене *А* со стороны поселения. Стена *В* начинается от 1-го Поперечного переулка, на который она и выходит своей северо-восточной торцевой частью (рис. 2). Стена *В*, построенная впритык к стене *А*, открыта пока всего лишь на протяжении 8 м, ширина стены 2.10 м. Сложена она из крупных камней и плит, промежутки между которыми заложены мелким бутлом. Высота стены *В* от уровня вымостки помещения 46 достигает 1.40 м, ниже вымостки стена углублена на 0.80 м. Основанием стены служит материковая скала. Возможно, утолщение *В* было сделано в наиболее опасной, уязвимой части крепостной стены с тем, чтобы максимально обезопасить данный участок от действия сте-

нобитных орудий. Не исключено и другое. Может быть, это аппарат, т. е. остатки спуска, служившего для поднятия на стены камнеметных и стрелометных орудий. Как бы то ни было, обнаруженный в отчетном году пояс стены *В* в высшей степени интересен. Наличие его показывает, насколько основательно был укреплен юго-восточный фронт крепости. Отсутствие с этой стороны естественных препятствий на подступах к крепости, очевидно, заставило обратить особое внимание на оборонноспособность юго-восточной линии крепостного обвода.

Что касается помещений 46 и 47, то они представляют собой часть дома, еще не полностью раскрытого. Поэтому мы ограничимся лишь кратким описанием помещений.

Помещение 46 (4.90—5.05×4.90—5.30 м; сохранившаяся высота стен 0.83—1.74 м) (рис. 3, 1). Пол выложен плитами. Вдоль юго-западной и северо-восточной стен плитового настила нет, здесь оставлены полосы шириной 0.72 м, с земляным полом. В помещении было найдено много обломков простых амфор, а также фрагменты пифоса, лепных и краснолаковых сосудов, костяные проколки и иглы с зарубкой у верхнего конца, много костей животных, в том числе череп лошади. В северо-западной стене имеется дверной проем шириной 1 м, ведущий в соседнее помещение 47.

Рис. 3. Участок I.

1 — помещение 46 (вид с северо-запада); 2 — помещение 47 (вид с юго-востока).

Рис. 4. Участок I. Сосуды из помещения 47.

Помещение 47 (5.54—5.60×5.60—6 м, сохранившаяся высота стен 0.80—1.44 м) (рис. 3, 2). В средней части юго-западной стены была дверь, сохранилась плита порога и часть одного косяка.

В юго-восточной части пол выстлан небольшими плитами, в другой половине пол глиняный. У северо-восточной стены, близ северного угла, сохранилась ступенчатая кладка, может быть, остатки нижней части лестницы. Такие каменные лестницы довольно часто встречаются в илуратских домах. Рядом с остатками лестницы в полу помещения обнаружена вырубленная в скале яма. Диаметр ее 0.80—0.90 м, глубина 1.15 м. Яма, по-видимому, предназначалась для свалки домашнего мусора. В ней найдены разбитые сосуды (два из них восстановлены — И/54—168, 169 — рис. 4), кости домашних животных, рыбы кости.

Культурный слой в помещении 47 содержал многочисленные обломки амфор III в. н. э., лепной посуды, кости животных, в небольшом количестве — фрагменты краснолаковых сосу-

дов, несколько кусков черепиц, глиняное пряслице, пирамидальные подвески, одна из них — с вырезанным крестообразным знаком (И/54—529).

Говоря об итогах раскопок на участке I в 1954 г., следует отметить существенное значение, которое имеет открытие здесь третьего пояса юго-восточной оборонительной стены. Если и раньше поражала мощь этих стен, то теперь с открытием третьего пояса не остается никаких сомнений в том, что крепость Илурат была рассчитана на возможность вторжения очень опасного противника, умевшего преодолевать каменные крепости с помощью развитой осадной техники. Таким противником Боспора в Крыму в первые века нашей эры были в первую очередь скифы, точнее, Скифское царство. Очевидно, исходя из учета реальной силы скифского государства, Боспор проявлял исключительную заботу относительно обороноспособности своих военных опорных пунктов, к числу которых принадлежал Илурат.

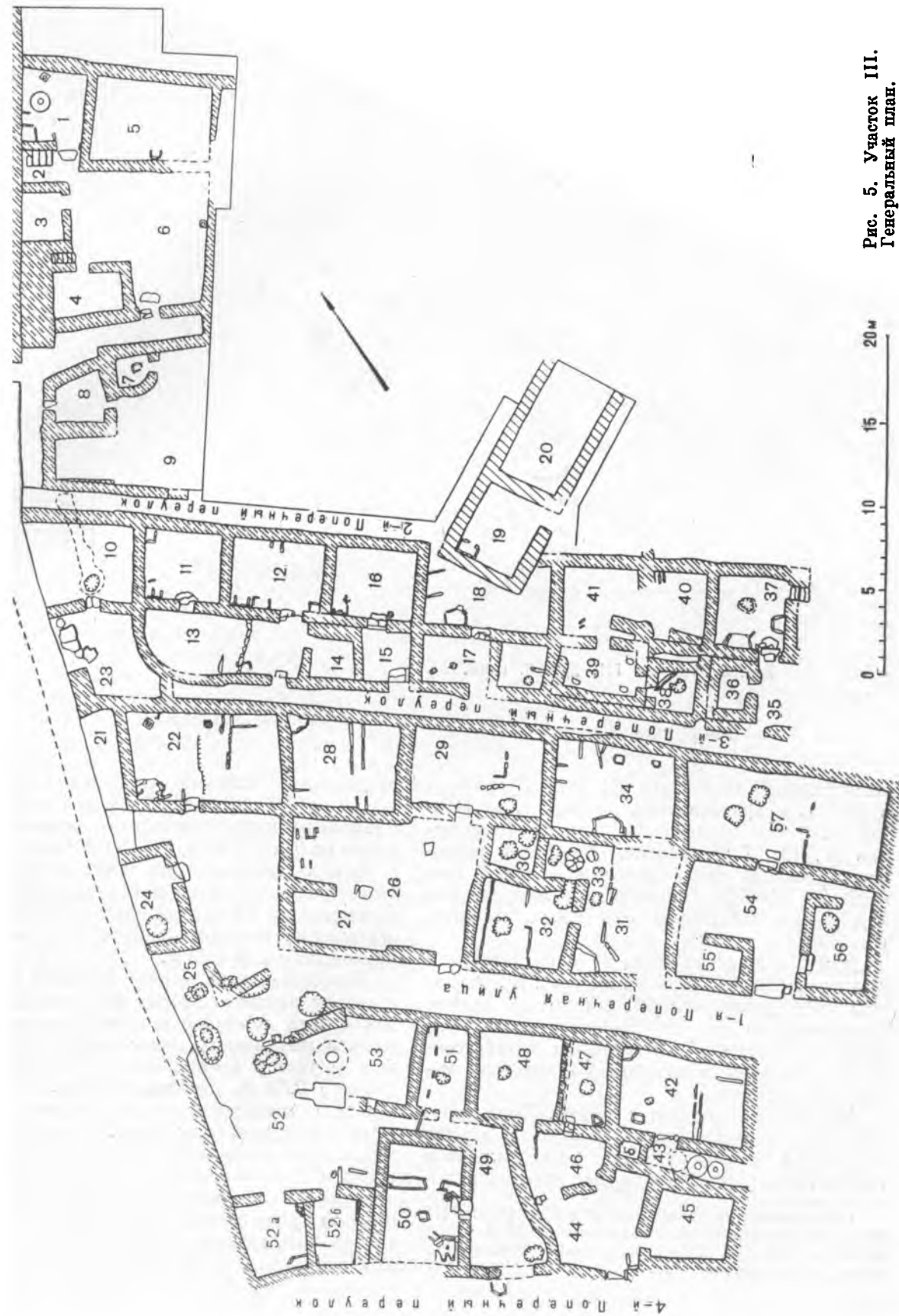

Рис. 5. Участок III.
Генеральный план.

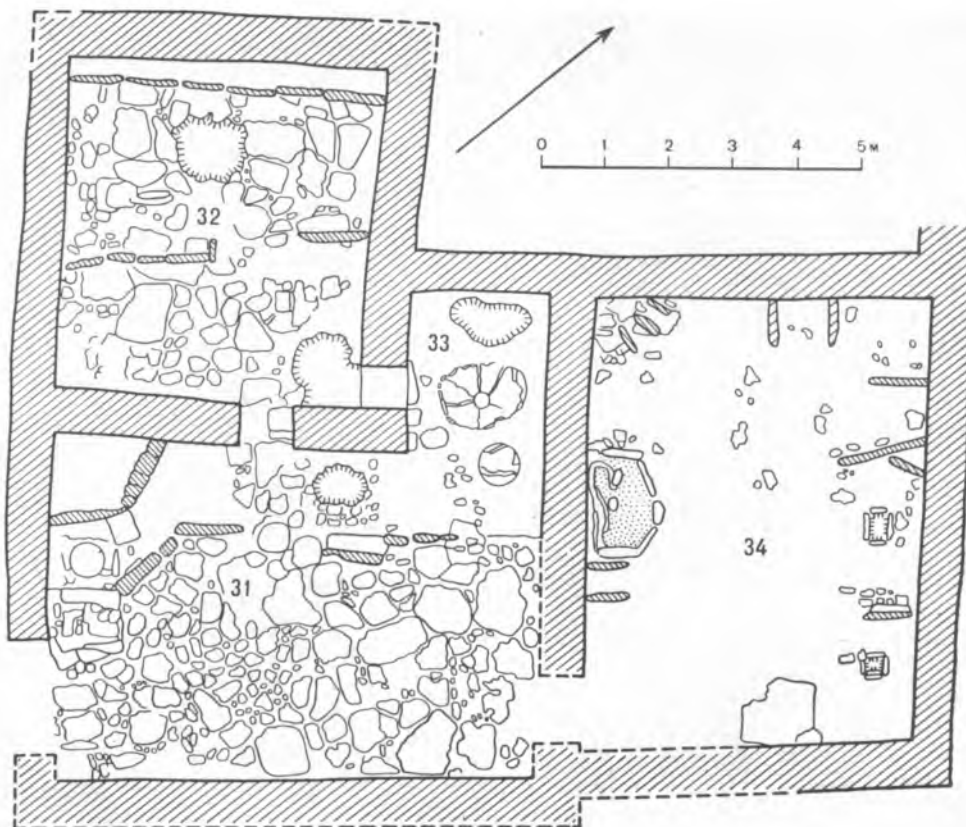

Рис. 6. Участок III. Дом 8, план.

Участок III

Исследования на участке III (рис. 5) начаты в 1948 г. и продолжались по 1957 г. включительно. Были доследованы дома 5 (помещения 17, 18), 7 (помещения 26—30) и раскопан полностью новый комплекс — дом 8 (помещения 31—34). Одновременно был продолжен раскоп 1-й Поперечной улицы, на которую выходят дома 6, 7, 8 и 9.³

Дом 8 состоит из двора 31 и прилегающих к нему помещений 32, 33 и 34 (рис. 6). Основным было помещение 34, несомненно жилое. Примыкающие к северо-западной стороне двора помещения 32 и 33 были хозяйственными, при этом помещение 33 являлось маленькой кладовой.

Во двор 31 входили с улицы. Хотя входной проем довольно сильно разрушен, все же его следы вполне отчетливо заметны. Двор (5.10×7.20 м) хорошо вымощен тщательно по-

догнанными плитами размерами от 0.34×0.50 до 0.90×1.08 м. В средней части двора применены плиты несколько меньших размеров — от 0.26×0.30 до 0.35×0.47 м.

Северо-западная часть двора отгорожена поставленными на ребро плитами. Против входа в помещение 32 в указанном выше плитовом ограждении оставлен свободный промежуток проход шириной 1.10 м.

Вымостка двора в виде дорожки подходит к порогу дверного проема помещения 32. Рядом с этой дорожкой с северо-восточной стороны в материковой скале вырублена небольшая округлой формы ямка (ее наибольший диаметр 0.80 м, глубина 0.40 м). Очень интересное хозяйственное сооружение обнаружено в западном углу двора. К крайней плите ограждения северо-западной части двора примыкают три поставленные на ребро плиты, огораживающие полукругом пространство западного угла двора. Эти плиты последовательно повышаются. Крайняя северная плита имеет высоту 0.54 м, вторая плита — 0.88 м,

³ Результаты раскопок домов 5 и 7 на участке III уже опубликованы В. Ф. Гайдукевичем (МИА СССР, № 85, с. 118—121, 130—134), поэтому описание их здесь не приводится. — *Ред.*

Рис. 7. Участок III.

1 — помещение 31 (яма в юго-западной загородке двора); 2 — помещение 32 (яма-погреб).

третья плита, примыкающая под прямым углом к стене двора, — 0.89 м.

В пределах огражденного плитами пространства устроены две ямы, расположенные рядом. Обе они вырублены в скале. Юго-восточная яма имеет конусовидную форму и тщательно оформленную горловину (рис. 7, 1). Глубина ямы 3 м, наибольшая ширина близ дна 2.70 м, на уровне дна — 2.50 м.

Сверху на яму положена квадратная плита, в которой вырублено округлое отверстие — горловина ямы, — закрытое круглой плитой-крышкой (диаметр 0.57 м, толщина 0.04 м). Несколько отступя от края отверстия ямы сделано обрамление из четырех поставленных на ребро плиток высотой 0.31—0.40 м. С северной стороны у ямы положена четырехугольная плита (0.37×0.42 м, толщина 0.13 м). На ней, очевидно, стояли, когда приходилось наполнять яму или, наоборот, брать из нее то, что там хранилось. Яма была пустой. Лишь на дне, в слое осыпавшегося со стен ямы порошкообразного известняка (толщина слоя 0.20 м), оказалось некоторое количество обломков керамики — стенок амфор, лепных сосудов, а также обломков костей домашних животных и несколько рыбьих костей. По-видимому, яма использовалась в качестве зернохранилища или служила погребом.

Рядом, с северо-западной стороны, находится другая яма, но иного устройства, хотя она тоже вырублена в скале в самом углу. Эта яма открытая, в плане она имеет неправильную четырехугольную форму. Юго-восточная

сторона ямы облицована большой плитой (высота 0.86 м, ширина 1.0 м, толщина 0.14 м). Основание плиты покоится на двух небольших плитках, лежащих на скале, которая и образует дно. Глубина ямы от верха большой плиты 1.68 м. Северо-восточная стенка ямы также облицована громадной плитой (высота 1.25 м, ширина 1.15 м, толщина 0.13 м), причем основание плиты находится на 0.40 м выше дна ямы, а верх выступает над горловиной ее. В верхней части плиты, на расстоянии 0.20 м от ее северо-западного края, сделан прямоугольный вырез шириной 0.20 м, глубиной 0.15 м. Этот вырез составляет нижнюю часть «окна», верхняя часть которого образована из штучных плит. Кладка из тесаных плит, примыкающих к «окну», выполнена весьма тщательно. Размеры окна 0.35×0.37 м. Северо-западная и юго-восточная стенки ямы ничем не облицованы — это просто поверхность скалы, такое же и дно ямы.

Для того чтобы выявить яму, пришлось удалить огромное количество камней, которыми она была завалена. Камни эти в большей части представляли собой отесанные, правильной формы плиты, но самых различных размеров. Поверх этого завала горизонтально лежала огромная плита.

Нужно сказать, что за все годы раскопок в Илурате подобное сооружение встречено впервые. Хозяйственные ямы, вырубленные в материковой скале, не редкость в жилых комплексах Илурата. Но в данном случае яма открытая, внутри две стороны ее обложены

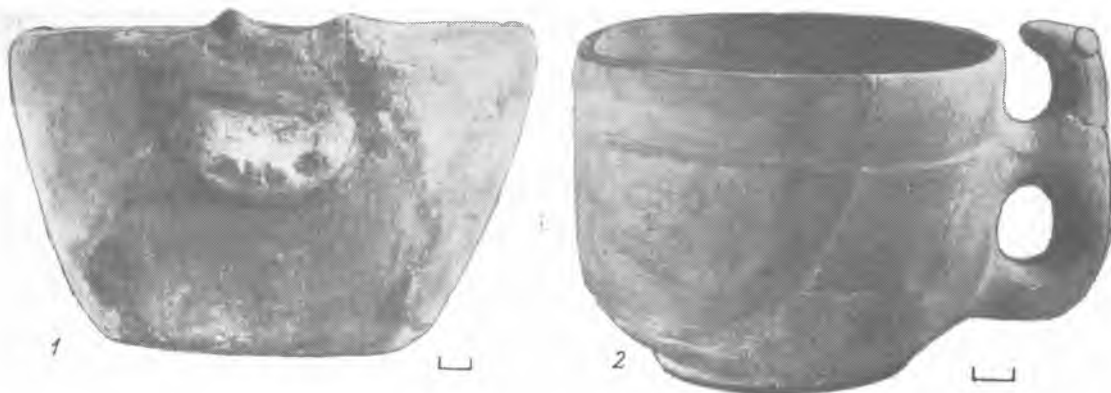

Рис. 8. Участок III. Керамика из дома 8.

1 — лепная миска из помещения 32; 2 — красноглиняный кубок с зооморфной ручкой из помещения 34 (И/54—250).

большими плитами, а со стороны двора имеется еще особая каменная пристройка с «окном». Объяснить с уверенностью назначение этого крайне своеобразного устройства ямы пока не представляется возможным.

С юго-восточной стороны к плитовому ограждению, обрамляющему первую (округлую) яму, пристроена каменная лестница, она начинается сразу же у входа во двор. Своей юго-западной стороной кладка лестницы прилегает к стене, ограждающей двор вдоль улицы.

Ширина лестницы 1 м, общая высота 0.71 м. Сохранились, правда в сильно поврежденном виде, четыре ступени. По-видимому, продолжением служила деревянная лестница, ведущая на второй этаж или, что вероятнее, на чердак, находившийся над помещением 32.

Особо отметим находку обломка мраморной плиты с частью греческой надписи конца I или начала II в. н. э. От надписи сохранилось очень мало, но по уцелевшим буквам (...ΒΕΡΙΟΥ) ⁴ видно, что надпись начиналась с упоминания имени одного из царей боспорской династии Тибериев Юлиев. Вероятнее всего, это были или Савромат I, или Римиталк. Можно предполагать, что надпись принадлежала к числу почетных, в ней, вероятно, отмечались какие-нибудь «благоденствия» царя, связанные с Илурагом.

Помещение 32 (4.80—4.95×5.30×5.48 м). Вход (шириной 0.90 м) устроен в юго-восточной стене, сохранившейся в высоту до 1.52 м. Так как пол в помещении лежит ниже уровня вымостки двора на 0.45 м, перед входом со стороны помещения положена плита (длина 0.62 м, ширина 0.52 м, высота 0.27 м), образующая ступеньку.

Пол в помещении выстлан плитами, лежащими, как и во дворе, на поверхности материковой скалы. Вдоль северо-западной стены устроены закрома. На расстоянии около 0.50 м от стены, параллельно ей, поставлено шесть плит высотой 1 м. Они прилегают друг к другу боковыми ребрами. Зазоры между плитами были закрыты мелкими камнями и промазаны глиной. В двух плитах (второй и третьей, считая с северо-востока) сделаны небольшие круглые сквозные отверстия диаметром 5 см. Внутри этого огражденного пространства, очевидно, хранились припасы. При раскопках там обнаружен череп лошади.

В средней части помещения устроена еще и другая загородка из плит, примыкающая к юго-западной стене и выступающая от нее к середине помещения. Она была образована двумя рядами плит, стоявшими на расстоянии 1.16 м. С северо-восточной стороны были поперечные плиты, замыкавшие загородку. Полностью сохранилась только юго-восточная сторона. Здесь все четыре плиты (высота 0.66 м) стоят на месте. Лишь одна плита уцелела от ограждения северо-западной стороны и одна от северо-восточной стороны.

К северо-восточной стороне помещения примыкает плита (высота 0.80 м, ширина 1.00 м, толщина 0.13 м), вероятно, от третьей загородки. Кроме описанных закров, в помещении 32 имеется яма глубиной 1.70 м, служившая, очевидно, погребом. Она находится против средней части первой загородки. Яма вырублена в скале, имеет неправильную форму, приближающуюся к кругу, стенки очень неровные; горловину ямы образуют плиты пола, нависающие над ямой (рис. 7, 2). Яма была заполнена камнями, большим количеством золы, обломками керамики; в засыпи встречались и кости животных. Из найденных в яме

⁴ Надпись опубликована: КБН, № 966, с. 547.

обломков удалось восстановить лепную миску с ручками в виде выступающих налепов и с «рожками» на венчике (рис. 8, 1).

Помещение 32 имеет одну особенность в устройстве, не встречающуюся ни разу ни в хозяйственных, ни в жилых помещениях илуратских домов. В восточном углу помещения, рядом с входом со двора 31, в полу высечено углубление полукруглой формы, своего рода яма. На дне ее (на 0.65 м ниже вымостки пола), на линии северо-восточной стены, сделана ступенька, за которой уровень выемки понижен еще на 0.14 м. Таким образом, получается как бы спуск к проему, который образован юго-восточной торцевой частью одной стены и боковой плоскостью другой. Проем имеет в верхней части ширину 0.54 м, внизу 0.50 м. По наружному фасаду, со стороны помещения 33, проем заложен плитой (высота 1.47 м, ширина 0.40—0.55 м, толщина 0.11 м) (рис. 9), выше которой проем оставлен открытым. Плита вставлена в кладку стены, стало быть, это не позднейший заклад, а деталь устройства, возникшая одновременно с возведением стен помещения. Когда помещение было разрушено, на каком-то уровне от пола проем был, очевидно, перекрыт. Следовательно, проем в стене, вероятно, имел вид высокой ниши с отверстием, обращенным в сторону кладовой 33. Пол в этой кладовой на 0.60 м выше пола ямы в пролете между стенами в восточном углу помещения 32.

Для чего понадобилось такое необычное сооружение? Думается, что оно связывало помещение 32 с соседней кладовой. Оттуда через пролет в стене легко можно было, например, ссыпать зерно, которое заполняло обширную яму.

Помещение 32 погибло в результате пожара. Слой горелого дерева, обуглившиеся куски деревянных плах, громадное количество пепла покрывали мощный пол. В этом слое пожарища и завала камней от обвалившихся верхних частей стен содержались обломки керамики, преимущественно фрагменты крупных боспорских амфор, пифосов. Найдены также две костяные иглы, глиняная пирамидальная подвеска для ткацкого станка, бронзовый браслет (И/54—214), светильник (И/54—212), кусок красной штукатурки, железный гвоздь и медная монета Римиталка (131—153 гг.) (И/54—202).

Помещение 33 служило кладовой. Оно небольших размеров (2.20×2.50 м), занимает промежуток между помещениями 32 и 34. По видимому, продолжением кладовой являлась и примыкающая к ней часть двора 31, огороженная плитами. Помещение 33 со стороны двора стены не имело и, следовательно, было от-

Рис. 9. Участок III. Помещение 32 (выруб в восточном углу, заложённый плитой).

крытым.⁵ У входа в кладовую 33 вырублена яма, в которой стояла большая амфора: сохранились ее нижняя часть и отбитое горло. Непосредственно в кладовой сохранилась нижняя часть громадного глиняного пифоса, врытого в пол; внутри пифоса найдены куски его горла. Диаметр его туловища достигает 1.15 м, сохранившаяся высота 1.30 м. Позади пифоса сооружена еще одна яма, вероятно, для установки в нее больших амфор. При разборке завала камней в кладовой 33 обнаружена медная монета Иннифимея (234—239 гг.) (И/54—203).

Как отмечалось, помещение 34 (5.10×7.0 м) было главным, именно оно использовалось под жилье (рис. 10). В него вел ход

⁵ Точно так же устроена кладовая 30 в соседнем доме 7.

Рис. 10. Участок III. Помещение 34 (жилое), вид с запада.

со двора 31. Ввиду сильной разрушенности стен в том месте, где был вход, пролет дверного проема восстанавливается лишь предположительно. Пол глинобитный — скала, покрытая слоем глины. К юго-западной стене примыкает печь обычного типа, 1.05×1.55 м, высотой 0.82 м. Стенки печи состоят из поставленных на ребро плит. Устье печи имеет ширину 0.46 м. Внутри топки стены покрыты слоем глины с саманом. Плоскую глиняную плиту печки, обломки которой сохранились в топке, поддерживало несколько (вероятно, четыре) вертикальных каменных столбиков. Близ западного угла печки к боковой стенке примыкает столбик *in situ*. Остальные столбики найдены в разбитом виде и сдвинуты с места. В западном углу печи имелось дымовытяжное отверстие. Рядом с печью, между нею и входом, у стены стоят две плиты (высота 0.50 м), разделенные расстоянием 0.50 м — остатки каменного столика.

Второй подобный столик был у северо-западной стены. От него тоже сохранились поставленные на ребро плиты (высота 0.46 м), служившие подставками; они отстоят одна от другой на 0.70 м.

В западном углу из камней сооружен помост высотой 0.20 м, на который установлены три радиально расходящиеся плитки высотой 0.22 м. Вероятнее всего, это тоже подставки под деревянное или каменное покрытие.

К северо-восточной стене приставлено несколько плит, образующих огражденные с бо-

ков пространства, использовавшиеся, вероятно, для складывания различного домашнего имущества — хозяйственного инвентаря и пр.

Одна плита (высота 1.05 м, ширина 0.95 м, толщина 0.10 м), приставленная к стене против входа, имеет у переднего края три сквозных отверстия; четвертое, большего диаметра, находится ближе к противоположному краю, примыкающему к стене (рис. 10).

Интересны сделанные в полу у северо-восточной стены четырехугольные углубления, обложенные каменными плитками. Одно из них имеет размеры 0.37×0.37 м, глубина 0.28 м; другое 0.32×0.43 м, глубина 0.28 м. Не исключено, что в эти выемки были вставлены нижние концы столбиков, поддерживавших потолочные перекрытия. Культурный слой, скапливавшийся, как всегда, под каменным завалом, заключал в себе много битой керамики. Найдено свыше тысячи обломков амфор, простой гончарной и лепной посуды. В меньшем количестве обнаружены обломки краснолаковых сосудов, встречено несколько фрагментов стеклянных сосудов. В числе находок имеются глиняная пирамидальная ткацкая подвеска, железные гвозди, точильный камень-оселок с дыркой для подвешивания, обломок железного ножа.

Заслуживает внимания интересный красноглиняный кубок с зооморфной ручкой (И/54—250) (рис. 8, 2). Два подобных сарматского типа кубка были найдены в 1951 г. Но у тех кубков ручки в виде кабанов, у кубка из по-

мещения 34 ручка изображает, по-видимому, овцу. На полу лежали зерна пшеницы, а также многочисленные кости животных — отбросы пищи.

К числу ранее не встречавшихся в Илурате предметов относится каменная плита, у которой имеются небольшое углубление в центре и каналчик, идущий от углубления к краю (И/54—300). По-видимому, это приспособления для выжимания сока. Видеть в данном предмете виноградную давилку-тарапан невозможно из-за миниатюрных размеров плитки.

В верхних горизонтах завала над помещением 34 найдено некоторое количество обломков сероглиняных горшков VIII—IX вв., некоторые с горизонтальным рифлением или гребенчатой волной. Присутствие этой керамики здесь объясняется близостью раннесредневекового здания, остатки которого были раскопаны еще в 1950 г. (помещения 19—20).⁶ В завалах помещения 34 обнаружена медная монета, деградированный «статер» Фофorsa, 596 г. боспорской эры, т. е. 299 г. н. э. (И/54—203).

*Дом 9⁷ следует той же системе планировки, что и соседний дом 8. Дом 9 состоит из большого двора 54, двух помещений — 55 и 56 — хозяйственного назначения, большого жилого помещения 57 в северо-восточной части. Все помещения имеют выход во двор, который широким проходом (2,70 м) сообщается с 1-й Поперечной улицей. В проеме выхода на улицу лежит большая плита (1,55×0,70 м). Со стороны улицы выход выделен плитами, лежащими на мостовой в виде ступени (высота 0,15 м, длина 1,85 м), выступающей за линию домов улицы на 0,75 м. Прямоугольный двор (6,50×7,10 м) вымощен крупными, хорошо подогнанными плитами (0,53×0,70 до 1,50×0,72 м). Особенно большая плита лежит перед входом в главное помещение дома — 57-е, чем подчеркивается значение этой постройки. Северо-западная стена, небрежно сложенная, отгораживает двор от двора соседнего дома. В западном углу дома находится небольшое помещение 55. Западный угол его и части прилегающих стен разрушены. Кладки северо-восточной и юго-восточной стен, обращенные во двор, сложены правильными рядами (высота 0,87 и 0,70 м). Вход в помещение устроен в северо-восточной стене. От косяков дверного

проема (ширина 1,25 м) уцелели нижние камни с каждой стороны (0,55×0,44 и 0,40×0,52 м). Пол вымощен среднего размера плитами, уровень его ниже вымостки двора. По слабым, маловыразительным находкам в завале и в слое над вымосткой точное назначение этого помещения установить нельзя.

Помещение 56 (6,0×3,20 м) примыкает ко двору своей длинной северо-западной стеной. Юго-западная короткая стена граничит с улицей, северо-восточная — с помещением 57. Вход со двора устроен в северо-западной стене, в 0,90 м от западного угла помещения. В дверном проеме (ширина 1 м) лежит плита порога (0,95×0,46×0,18 м). Так как пол в помещении на 0,37 м ниже уровня вымостки двора, к порогу изнутри пристроена ступень (длиной 1,25 м, шириной 0,35 м, высотой 0,11 м). Следует отметить, что дверной проем прикрыт со стороны двора стоящими плитами (общая длина 1,17 м, высота 0,25 м), защищавшими, вероятно, помещение от доступа дождевой воды, стекавшей сюда с вымостки двора. Возможно, проем был закрыт наглухо. В таком случае проход в помещение мог находиться в северо-восточном конце той же стены, где она прервана. Лежащая поперек стены в этом месте плита (0,90×0,46 м), приложенная к ней несколько ниже другая треугольная плита и камень на полу составляют гряды, уступами спускающуюся внутрь помещения. Неизвестно, был ли здесь дверной проем или стена разобрана для того, чтобы проходить в помещение по этому своеобразному спуску. Глинобитный пол, довольно ровный, лежит на прослойке глинистого грунта (толщина 0,20 м), ниже — выровненная скала.

Помещение имело, очевидно, хозяйственное назначение, так как в северо-восточной части обнаружено вырезанное в скале углубление (диаметр 1 м, глубина 0,65 м) для установки пифоса или большой амфоры. В слое над полом найдены целый лепной сосудик (И/57—207), фрагментированные лепные чашка и горшок (И/57—208, 209); в завале — три обломка пифоса, днище большой боспорской амфоры, небольшое количество обломков таких же амфор, лепной посуды и костей животных.

Основное помещение 57 отличается от других построек дома большими размерами (12,20×5,30 м). Короткими сторонами оно граничит с помещениями соседних домов, северо-восточной длинной стеной отделено от 3-го Поперечного переулка. Стены местами сохранились плохо; разобраны внешний западный угол и юго-восточная часть стены у переулка. Стена, выходящая на двор к северо-западу от входа, уцелела на 0,30 м от уровня вымостки двора. Эта же стена с другой стороны входа,

⁶ См.: МИА СССР, № 85, с. 134—136.

⁷ Дом 9 (помещения 54—57) раскопан в 1957 г. Тогда же были исследованы юго-западная часть двора 49 (см. с. 98—99) и два помещения рядом с двором 52 (помещения 52а и 52б) (см. с. 104 сл.). Однако соответствующий текст отчета В. Ф. Гайдукевича о раскопках этих помещений утрачен. Нижеследующее описание их составлено Л. Ф. Силантьевой, которая в 1957 г. вела раскопки на Илурате. Текст этот выделен звездочками. — *Ред.*

укрепленная заложенными в кладку плитами,⁸ сохранилась на 1 м от уровня пола. Вымостка двора 54 на 0.45 м выше уровня пола помещения, поэтому вход имеет спуск из трех ступеней (общая ширина 1.30 м, высота 0.70 м; от верхней ступени осталось два камня, лежащие на 0.05 м ниже плит вымостки двора; две другие ступени сложены из больших плит с дополнениями из мелких камней).

Помещение разделено перегородкой из вертикально поставленных плит на две части: северо-западную (длина 7.10 м) с глинобитным полом и юго-восточную (длина 4.90 м) с вымосткой из плит. От перегородки уцелели три плиты, поставленные по одной оси. Две плиты стоят рядом, одна из них боковым краем прикреплена к юго-западной стенке (высота 0.67 м, другая сломана — высота 0.22 м). Третья плита находится в 1.9 м от первых двух (высота 0.70 м). У второй плиты на глинобитном полу лежал камень (0.45×0.53 м), с двух сторон обрамленный плитками; это, очевидно, подставка для столба, поддерживавшего кровлю.⁹

Вымостка, сложенная из крупных плит (0.55×0.80, 0.60×1.15 м), имеет наклон к юго-восточной стене. В полуметре от нее оказалась впадина диаметром 0.90—1.20 м, промазанная глиной и прикрытая плитой (0.50××0.90 м) с вырезом на краю; впадина, по-видимому, служила для стока и сбора дождевой воды, стекавшей с вымостки. К вырезу в плите обращена расщелина между плитами вымостки. Помещение над вымосткой было, вероятно, открытым.

В северо-западной части помещения с глинобитным полом имеются две ямы, вырубленные в скале. Яма, находящаяся ближе к северо-восточной стене, отличается правильной формой и тщательной отделкой. Очевидно, она была устроена одновременно с глинобитным полом. К ее краю ведет дорожка из плитового настила с наклоном к яме. Горловина оказалась разрушенной. С глубины 0.50 м от пола яма вырублена в скале. Стенки ровные. Трещины подмазаны глиной. Ширина устья на уровне пола 1.15×1.05 м, наибольшая ширина в нижней части 1.60×1.55 м. Дно на глубине 2.0 м плоское (диаметр 1.40×1.42 м); в нем вырезана приступка, занимающая половину дна ямы. Первоначально она, по-видимому, служила погребом, но когда горловина обрушилась и яма уже не годилась для этих це-

лей, она была использована для свалки мусора. Последовательность слоев засыпи дает некоторые представления о жизни в этом помещении. С глубины 1.20 м до самого дна яма заполнена золой вместе с кусками саманной плиты и заслона печки.¹⁰ Найденные в большом количестве куски самана (83 куска) могли принадлежать также и очагам. Следовательно, помещение первое время обогревалось печкой или очагом, хотя они и не выявлены раскопками. Очевидно, по мере разрушения их части сбрасывали в яму вместе с золой и поломанными предметами быта, среди которых главное место занимала керамика. В засыпи ямы в обломках представлены все виды посуды, употреблявшиеся в Илурате: большие боспорские амфоры — реберчатые и гладкие, кувшины светло-розовой глины с обмазкой зеленоватого тона, простая гончарная посуда, различные образцы лепной посуды (И/57—173—181) и светильников (И/57—182, 183), несколько краснолаковых чашек и стеклянных сосудов (И/57—200), разбитая буса. Там же найдены костяные булавки для вязания сетей (И/57—197—199), каменные точильные оселки и растиралки (И/57—192—195), железное острие и гвоздь (И/57—188, 190, 191). Туда же попали терракотовая статуэтка местного типа с подвесными ногами (И/57—204) и фрагмент терракотового ящика-лара.

После очистки помещения яму, по-видимому, решили окончательно засыпать. С глубины 1.20 м от пола и до верха яма заполнена однородным темным грунтом с костями животных и рыб. Сверху яма закидана камнями и выровнена с полом.

У второй ямы, устье которой находится в 0.50 м к западу от первой, горловина также разрушена. С глубины 0.60 м яма вырублена в скале. Верхний слой последней очень хрупкий, поэтому устье и верх стенок ямы до глубины 0.90 м утратили свою форму. Ниже благодаря более твердой породе яма до глубины 1.60 м сохранила отвесные стенки (диаметр 1.28××1.35 м). Далее стенки расширяются неравномерно, так как с одной стороны в яме оставлен выступ скалы и яма приобрела до самого дна (глубина 2.20 м) неправильную форму. Яма заполнена темным комковатым грунтом с единичными обломками амфор и лепной керамики. Среди находок следует отметить конусовидное лепное пряслице.

Окончательная засыпка ям происходила, по-видимому, в одно время; над горловинами обеих ям в полу обнаружена впадина с горелым слоем земли. Разбросанные в ней камни

⁸ Включение плит в буттовую кладку, чтобы усилить ее прочность, наблюдается в северо-восточной стене помещения 42 (см. далее).

⁹ Аналогичное четырехугольное углубление, обложенное каменными плитками, было открыто в помещении 34 (см. выше).

¹⁰ Подобные саманные плиты, обрушенные в топку, обнаружены в помещении 34 дома 8 (см. с. 86), в помещениях 50 (см. с. 99) и 38 (см. с. 109).

были сильно обожжены. Возможно, здесь находился примитивный очаг, заменявший в последний период существования жилища печку более раннего времени. Очаг впоследствии был разрушен, как нарушен и весь культурный слой над полом помещения, где ни одной вещи не осталось на месте. Наличием очага объясняется большое количество золы, лежавшей под завалом над полом всего помещения.¹¹ Этот зольный слой заключал в себе громадное количество разрозненных обломков амфор и другой керамики, аналогичной найденной в яме. Основная масса керамики была сосредоточена у северо-восточной стены над вымосткой.

Некоторые из находок этого слоя — обломки пифосов, краснолаковой керамики (И/57—164—166), пирамидальные ткацкие подвески (И/57—157), костяная пластинка с резьбой (И/57—169), железный крючок (И/57—171) — дополняют материал из ямы. Отметим обнаруженное над вымосткой каменное ядро (И/57—168). Вещественный материал из завала камней значительно уступает по количеству, но носит тот же характер. Исключение составляют найденные в завале пять обломков керамид, не встречавшихся в культурном слое над полом. В других помещениях находок почти нет.

Богаче находками оказался культурный слой двора. Там найдено около 300 обломков амфор, много гончарной посуды, часть краснолакового блюда (И/57—144), обломки пифоса и довольно много костей животных. Обращает внимание найденный в завале камней прохода двора резной сердолик — вставка от перстня с изображением Гермеса с кошельком и кадучеом (И/57—152) *.

В результате исследований, проводившихся в 1953—1957 гг. на участке III, была открыта часть квартала, выходящая своей северо-восточной стороной на 3-й Поперечный переулок (рис. 11), а юго-западной — на 1-ю Поперечную улицу, которая тянется от оборонительной стены в глубь поселения в направлении северо-запад—юго-восток. В пределах раскопанной части этого квартала выявлены остатки четырех, следующих один за другим домов. В них оказалось немало таких деталей внутреннего устройства, которые раньше не обнаруживались. В этом отношении особенно интересны хозяйственные хранилища в доме 8. Массовый материал наряду с уже известными по раскопкам предыдущих лет группами материала снова дал значительную серию находок, расширяющих представление о культуре Боспора в первые века нашей эры.

¹¹ Явных признаков пожара — обугленного дерева — ни в одном из помещений этого дома не обнаружено.

Рис. 11. Участок III. 3-й Поперечный переулок.

В 1955 г. были раскопаны жилые комплексы, входившие в квартал, занимающий другую сторону улицы, параллельно кварталу, ранее уже частично раскопанному (рис. 5).

В противоположность домам, расположенным вдоль северо-восточной стороны 1-й Поперечной улицы и имеющим входы с этой улицы, дома, раскопанные по другую ее сторону (рис. 12), таких входов с улицы не имеют. Здесь тянулась глухая стена, за которой находятся помещения домов, с 1-й Поперечной улицей не сообщавшихся. Очевидно, эти дома имели входы со стороны переулков или улицы, шедшей параллельно 1-й Поперечной улице или южнее. Перейдем к характеристике раскопанных помещений в том порядке, в каком они идут с юго-востока на северо-запад.

Прежде всего отметим помещения 42 и 43, тесно связанные одно с другим и вместе с тем не имеющие связи с другими смежными помещениями. Из этого следует заключить, что оба помещения — 42 и 43 — являются, вероятно, частью дома, который продолжался

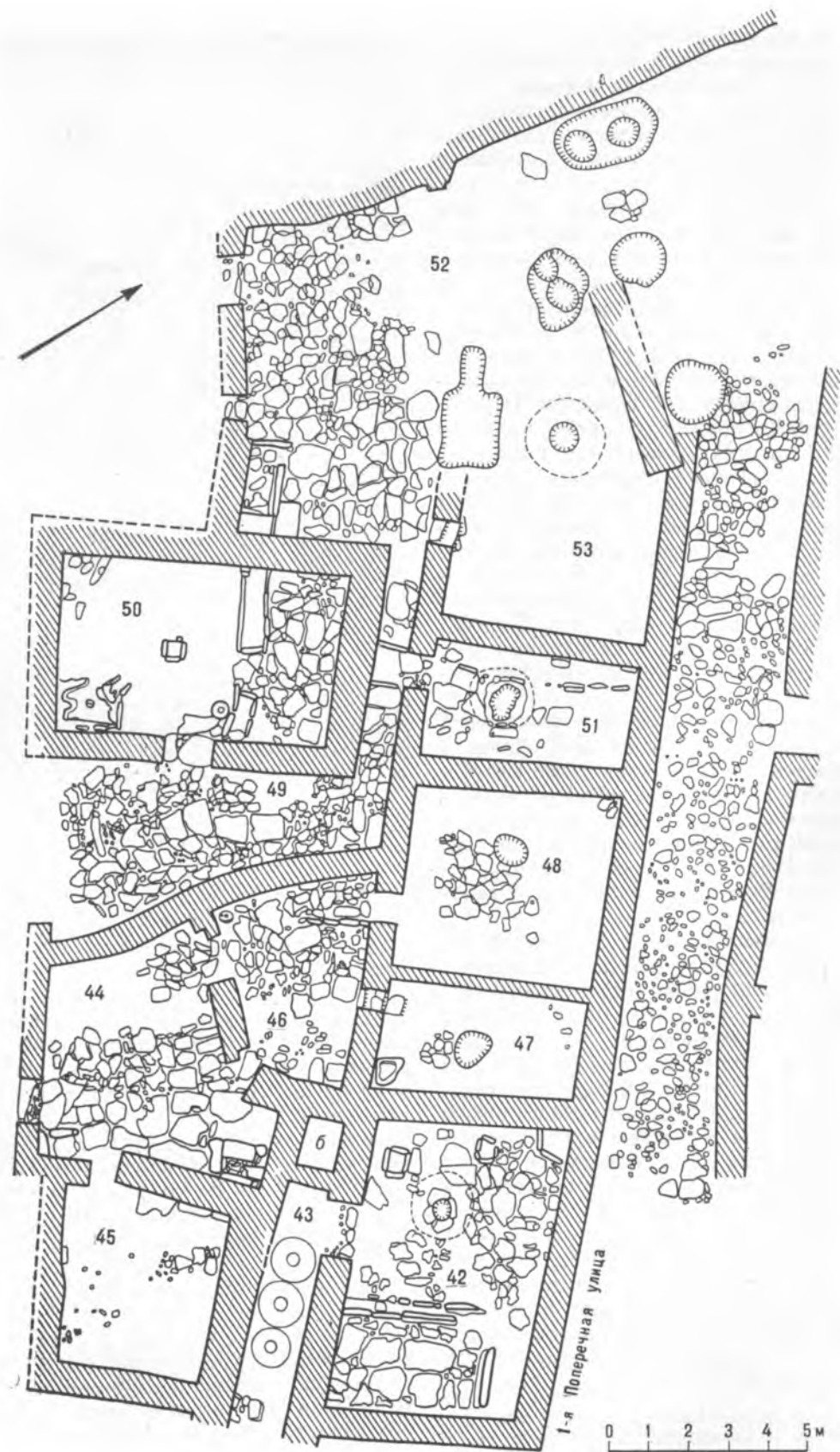

Рис. 12. Участок III. Дома, расположенные к югу от 1-й Поперечной улицы (помещения 42—53). План.

Рис. 13. Участок III. Помещение 42.

1 — вид с северо-востока; 2 — западная часть помещения с ямой и каменным корытем.

к юго-востоку от этих помещений, но целиком еще не открыт.

Помещение 42 (4.90—4.95×7.40 м; сохранившаяся высота стен до 1.40 м) (рис. 13, 1). Кладка стен обычная для илуратских домов; она состоит из бутового камня, сложенного на глине. В северо-восточной стене, в сохранившейся ее части, в бутовую кладку включены две вертикально поставленные плиты. Одна из них находится на расстоянии 3.15 м от северного угла помещения, другая отстоит от первой на 1.45 м. С первого взгляда можно подумать, что здесь мы имеем дело с заложеным проемом. В действительности это не так, что подтверждают наблюдения над кладками стен других илуратских построек. Уже не раз приходилось сталкиваться с аналогичным явлением, причем совершенно очевидно, что это один из приемов кладки, применявшихся при возведении илуратских жилых зданий. Включение вертикальных плит в бутовую кладку, по-видимому, имело целью придать ей большую прочность.

Вход в помещение 42 четко определяется сохранившимся в юго-западной стене дверным проемом шириной 1.35 м. Боковые плоскости его образованы хорошо отесанными плитами. Интересно, что порог дверного проема находится на высоте 0.45 м над полом помещения. Вероятно, были ступени, облегчавшие вход, но они не сохранились.

Пол в помещении вымощен плитами. Особенно тщательно выполнена вымостка в юго-восточной части помещения. Плиты тут хорошо подогнаны одна к другой, при этом преобладают крупные плиты; самая большая из них 0.75×1.20 м. В противоположной части помещения близ северо-западной стены в полу сделаны два углубления, своего рода корытца, обрамленные вертикальными плитами. Одно из них находится близ входа, оно почти правильной четырехугольной формы (0.55×0.67 м, глубина 0.35 м). Другое корытце (0.61×0.75 м, глубина 0.30 м), в плане трапециевидное, расположено недалеко от северного угла помещения (рис. 13, 2).

В нескольких местах помещения устроены ограждения из плит. Два параллельных ряда вертикальных плит образуют длинную загородку, которая одним концом примыкает к юго-западной стене. Эта загородка сохранилась не вся; от одного ряда уцелели на месте три плиты высотой 0.67—0.95 м, общей протяженностью 2.87 м; крайняя плита прилегает к стене. От другого ряда плит уцелела полностью только одна плита — крайняя северо-восточная, выдвинутая несколько дальше, чем плиты первого ряда. От других плит второго ряда сохранились только самые нижние их части.

Очевидно, в целом загородка имела обычный для илуратских домов вид плитового закрома, достигавшего в длину 3.50 м; внутренняя ширина закрома 0.45 м. Плитой, приставленной одним концом к юго-восточной стене, ограждено пространство восточного угла помещения. Размеры плиты: длина 1.60 м, высота 0.58 м, толщина 0.17 м. Двумя плитами, примыкающими к стенам, огражден северный угол помещения, где пол углублен. В этом отгороженном плитами пространстве, несомненно, что-то хранилось, складывалось или ссыпалось, т. е. это был тоже закром, но небольшой, его глубина 0.77 м.

В помещении, точнее, в его подполье, имеется яма-погреб, вырубленная в материковой скале. Горловина-устье ямы (0.42×0.45 м), обрамленное четырьмя плитами, находится на уровне пола и закрыто было каменной крышкой в виде диска диаметром 0.60 м, толщиной 0.08 м. Яма круглая, колоколовидная, сильно расширяется книзу. Дно плоское, диаметр ямы на уровне дна 2.55 м. До глубины 2.30 м яма оказалась пустой. Ниже ее наполняла мягкая земля, в которой оказалась масса зерен проса и просяной шелухи, т. е. пленчатых оболочек проса. Просо залегало в яме компактным слоем в 0.10 м. Его подстилал слой глинистых отложений, в которых местами также обнаруживалась примесь проса. Совершенно ясно, что яма использовалась для хранения проса. В засыпи ямы оказалось небольшое количество обломков стенок амфор, три обломка лепных сосудов и с десятков костей домашних животных.

При раскрытии пола помещения было найдено около 100 обломков амфор, главным образом боспорских III в. н. э., несколько обломков лепных сосудов, кусок отшлифованной облицовочной плитки камня. На полу большого закрома лежали обломки ножки эллинистической амфоры, а также несколько мелких обломков ранних краснолаковых сосудов.

Как указывалось, помещение 42 сообщалось с помещением 43. Последнее имеет коридорообразный вид и служило кладовой, что подтверждается находившимися здесь тремя пифосами (рис. 14). Помещение открыто в длину на 6.30 м, ширина его 1.10—1.30 м. Куда выходило своим юго-восточным концом помещение 43, пока неизвестно.

Пифосы были впущены нижней частью в пол. Над его уровнем выступали только плечи и горла пифосов. Пифосы раздавлены на множество мелких кусков, что объясняется падением на пифосы массы камней при разрушении стен помещения.

По своим размерам пифосы неодинаковы. Самый крайний из них, находящийся рядом с входом в помещение 42, был наиболее вме-

Рис. 14. Участок III. Помещение 43 с пифосами. Вид с северо-запада.

Рис. 15. Участок III. Помещения 44 и 46 (двор). Вид с запада.

Рис. 16. Участок III. Помещение 44 (южный угол помещения с ямой, огражденной плитами).
1 — общий вид; 2 — деталь.

стителен. На это указывает диаметр его туловища — 1.10 м. Средний пифос почти такой же, как и первый. Диаметр туловища третьего 0.80 м.

При расчистке пифосов в слое завала, перекрывавшем их, найдено много (около четырехсот) обломков простых красноглиняных амфор, преимущественно боспорских, характерных для III в. н. э., а также обломков лепных сосудов; здесь же встречены и три обломка черепиц (керамид).

Третий, наименьший, пифос (вернее, груда его обломков) был покрыт слоем зольных отложений, включавших значительное количество обломков различных простых сосудов (амфоры, лепная посуда). Тут оказались лепной кувшин с утраченной ручкой (И/55—131), фрагменты краснолаковой тарелки (И/55—133) и медная боспорская монета (И/55—134).

Совершенно очевидно, что два описанных помещения (42 и 43), как говорилось, являются лишь частью какого-то более обширного комплекса, в состав которого входил, вероятно, двор, жилые помещения и т. д. Оба раскопанных помещения носят вполне определенный хозяйственный характер.

Следующий комплекс, выявленный раскопками, состоит из двора, который поперечной внутренней стенкой разделен на два дворика — 44 и 46, а также помещений 45, 47 и 48 (рис. 12). В более ранний период двор, по-видимому, был один и объединял прилежащие к нему три помещения. Позднее была возведена ограда с двумя проходами, в результате чего двор оказался расчлененным на две половины, из коих каждая представляла собой отдельный дворик (рис. 15).

Возможно, что еще раньше все пространство между помещениями 45 и 50 составляло один двор. В пользу такого предположения говорит характер стены, отделяющей двор 49 от двориков 44 и 46: она построена в косом направлении, впритык к стенам, ограждающим дворы с северо-востока и юго-запада. Таким образом, помещения 45, 47, 48 и 50, 51, вероятно, были объединены одним общим обширным двором. Этот двор и перечисленные выше пять помещений, надо думать, принадлежали одному дому. Впоследствии произошло разукрупнение домовладения на два отдельных самостоятельных комплекса. В связи с этим большой двор перерезала стена, по одну сторону которой образовался двор 49, а по другую — двор, обслуживавший помещения 45, 47 и 48. В дальнейшем была построена и поперечная стенка, в результате чего этот последний двор превратился в два дворика, которые, однако, принадлежали одному домовладению (помещения 44—48). Маловероятно, чтобы

дворик 44 и помещение 45 могли служить отдельным жилищем, тем более что помещение 45, судя по его устройству и характеру вещевых находок, даже не похоже на жилое помещение.

Переходим к более подробному рассмотрению комплекса помещений 44—48. В стене, ограничивающей с юго-запада дворик 44, сохранился входной проем шириной 1.14 м. Косынки проема уцелели в высоту на 0.50—0.55 м. Порогом в проходе служила узкая плита, расстрескавшаяся на три части (длина 1 м, ширина 0.32 м). Порог возвышается на 0.12 м над прилегающей со стороны двора плитой, которая образует ступенчатый (высотой 0.10 м) переход к вымостке двора (рис. 16, 1). Последняя имеет ясно выраженный наклон к востоку, где в материковой скале есть глубокая, естественного происхождения, засыпанная рыхлой землей расщелина, поглощавшая дождевую воду. С одной стороны здесь выступает отрезок стены, являющийся частью ограды, отделяющей дворик 44 от дворика 46. С другой — в углу возвышается небольшая прямоугольная площадка (0.90×1.05 м, высота 0.28 м), сложенная из одного ряда плит, промежутки между которыми заложены мелкими камнями. Эта площадка пристроена к стене, ограничивающей кладовую 43 и четырехугольную камеру 6, которая сообщалась только с двориком 46. Камера представляет собой вырубленную в скале и огражденную стенами яму (1.05×1.17—1.30 м, глубина 1.40 м), в дне которой сделано еще углубление на 0.40 м. Назначение камеры 6 неясно, возможно, это было отхожее место.

При удалении завала камней, лежавшего в камере 6 и заключавшего в себе некоторое количество обычных обломков керамики (главным образом от амфор и лепных сосудов), в разбитом виде и без нижней части найден очень интересный лепной сосуд в виде миски с четырьмя петлеобразными ручками и с большими круглыми отверстиями в стенках (И/55—151).

В южном углу двора, непосредственно у входа, в скале вырублена яма глубиной 2.10 м, служившая, по-видимому, погребом. Горловина ямы ограждена с двух сторон поставленными на ребро плитами (высотой 0.35 и 0.44 м), примыкающими одна к другой под прямым углом (рис. 16, 2). Горловина ямы вырезана в плитах вымостки, диаметр отверстия 0.40×0.54 м. Оно было закрыто круглой каменной крышкой (диаметр 0.53—0.58 м, толщина 0.10 м). Книзу яма расширяется. Так как верхний слой скалы здесь был рыхлым, его срубили, а стенки ямы вверху подложили несколькими рядами каменных плит. Там, где яму обрамляют

Рис. 17. Участок III. Помещение 45. Вид с запада.

Рис. 18. Участок III. Помещение 47. Вид с северо-запада (на переднем плане часть помещения 48).

плиты, она имеет шестиугольную форму; ниже, где яма вырублена в скале, она круглая. До глубины 1.05 м яма была пустой, далее ее заполняла земля, проникая в результате того, что крышка закрывала горловину неплотно.

Возле ямы-погребца находится вход (шириной 0.70 м) в *помещение 45* (3.80—4.30 × 4.30 м; сохранившаяся высота стен 0.45—1.10 м) (рис. 17). Пол глинобитный, лишь местами поверх слоя глины положены мелкие плитки.

Вещевых находок в *помещении 45* оказалось очень мало. В завале, заполнявшем *помещение* плотной массой, обнаружены обломки амфор и лепных сосудов, кости животных, там же был найден точильный камень с вырезанными на нем линиями (И/55—159). Непосредственно на полу почти ничего не встречено.

Дворик 46, как и соседний с ним *дворик 44*, вымощен плитами. Вымостка имеет наклон к юго-западу. С этой стороны *дворик* ограждает каменная стена, в ней сделано два прохода, соединяющих оба *дворика*. У западного прохода на вымостке (в углу) лежал круглый известняковый жернов-верхняк с круглым воронкообразным отверстием в центре (диаметр жернова 0.38 м, толщина 0.09 м). Для укрепления рукоятки жернов имеет боковой выступ с небольшим отверстием.

Из *дворика 46* один вход ведет в *помещение 47*, другой — в *помещение 48*; оба эти *помещения* расположены рядом. В *помещении 47* (5.20 × 2.45—2.80 м; сохранившаяся высота стен до 1.15 м) стена, отделяющая его от смежного *помещения 48*, сохранила свой первоначальный облик только со стороны *помещения 48* (рис. 18). Здесь мы видим тщательно выполненную правильными рядами кладку, с ровной лицевой поверхностью. Камни, из которых была образована кладка со стороны *помещения 47*, обрушились, поэтому стена здесь теперь очень неровная, а толщина ее (0.47 м) не соответствует первоначальной.

В *помещение* ведет вход шириной 0.57 м, с лестницей в три ступени; каждая ступень состоит из одной плиты. Вымостка *дворика* находится на 0.48 м выше глинобитного пола *помещения*. При входе в *помещение* справа, т. е. в южном углу, мы видим каменное корыто подтреугольной формы, с округлыми углами (высота 0.40 м, длина 0.80 м, ширина 0.67 м, глубина 0.25 м). В полу, посередине *помещения*, имеется яма (диаметр сверху 0.80—1.0 м, на уровне дна — 0.67—0.75 м, глубина 0.40 м). Возле ямы часть пола покрыта плитами. Одна из плит округло-удлиненной формы сильно обгорела; возможно, на ней был очаг. Рядом стоит перевернутая вверх дном

нижняя часть каменной ступы. Яма была засыпана землей, в которой оказалось несколько обломков амфор; в верхней части засыпи обнаружены куски древесного угля; на глубине 0.20 м в яме найдено миниатюрное глиняное грузильце в виде пирамидки из черной глины с лощеной поверхностью (И/55—109).

Раскопкой выявлены следы пожара: на полу залежали слой пепла и куски обгорелого дерева — остатки сгоревших перекрытий. В этом слое пожарища оказалось значительное количество керамических находок. Основное место среди них занимали обломки нескольких (по-видимому, шести) крупных боспорских амфор. Некоторые из них с гладкими стенками и ручками, другие с желобчатыми стенками и ребристыми ручками. Типы этих амфор очень хорошо известны в Илурате, они относятся здесь к числу самых многочисленных находок.

Кроме обломков амфор, в *помещении 47* найдены обломки красноглиняного кувшинчика с резными поясками на горле (И/55—180), горло красноглиняного кувшина (И/55—181), обломки кувшина-ойнохой (И/55—182), краснолаковой тарелки (И/55—183), краснолакового блюда (И/55—184), лепной светильник с вытянутым рожком (И/55—185), каменный пестик (И/55—186), глиняная пробка (?) (И/55—187).

Помещение 48 (4.72—5.0 × 5.20 м) (рис. 19) имеет вход только со двора. Сохранился дверной проем шириной 0.75 м. Со стороны двора *46* к нему пристроено ограждение из четырех каменных плит, поставленных на ребро. Общая длина этой оградки 1.60 м, высота 0.52—0.70 м, толщина 0.08—0.15 м. Сохранность стен *помещения* (в высоту) различна, наибольшая 1.17 м. Сильно пострадал западный угол, кладка тут выбрана, уцелел только один ее ряд. Пол покрыт слоем утрамбованной глины, смешанной с известняковой крошкой; в средней части *помещения* сделан плитовой настил; в материковой скале сооружена яма, служившая, как и другие подобные ямы, для хозяйственных целей — в качестве зернохранилища или маленького погреба. Диаметр ямы 0.74—0.80 м, глубина 0.55 м. При раскопке в яме найден лишь обломок горлышка стеклянного бальзамария (И/55—118). Столь же бедно находками оказалось и все *помещение*. Здесь найдены каменное корытце, оселок, десятка два обломков стенок амфор и несколько обломков лепных сосудов. *Помещение* было явно не жилым. В комплексе *помещений 44—48*, по-видимому, только *помещение 47* служило для жилья, остальные *помещения (45 и 48)* имели хозяйственное назначение.

Следующий комплекс состоит из двора *49* и *помещений 50 и 51*. Стена, отделяющая двор

Рис. 19. Участок III. Помещение 48. Вид с запада.

49 от соседних двориков (44 и 46), в настоящем своем виде довольно сильно деформирована: в средней ее части кладка стены несколько подалась в западную сторону, а южный конец вследствие осадки накренился в сторону двора 44. Двор 49 резко сужается к северо-востоку и далее переходит в коридорообразный проход шириной 0.90 м, ведущий к входу в помещение 51. При расчистке вымостки двора 49 найдены обломки сосуда, горло и плечи которого украшены выемчатым орнаментом и вдавливами (И/55—202).

*Доследование юго-западной части двора 49 (в 1957 г.) установило, что вымостка двора продолжается на 1.40 м к юго-западу, за линию намечавшихся юго-западных стен соседнего дома и помещения 50 и заканчивается другой параллельной стеной. Стена эта, открытая на протяжении 6 м, обоими концами уходит в борта раскопа. Не имея поперечных стенок, она, очевидно, ограждала вновь открытый здесь переулок IV. Судя по планировке кварталов города, на этот переулок выходили и другие дома, расположенные к юго-западу от 1-й Поперечной улицы, обращенные к ней глухими стенами. Переулок возвышается небольшой террасой (высотой 0.40 м) соответственно естественному подъему рельефа местности.

Двор 49 выходит в переулок всей своей юго-западной стороной. Вымостка двора в средней

части, постепенно поднимаясь, сливается с вымосткой переулка. С юго-восточной стороны переходом служит гряда мелких плит, а с северо-западной — две большие плиты (0.75×1.25 и 0.45×1.40 м).

Посередине раскопанной части переулка обнаружена хорошо сохранившаяся яма, конструкции близкая яме во дворе 31 (в доме 8, см. с. 83), но меньше по размерам (диаметр 1.60—1.70 м, глубина 1.95 м). Яма имеет правильную форму, расширяется конусом ко дну; горловина ее, тщательно обработанная, состоит из устья (0.45×0.45 м), вырезанного в лежащих горизонтально плитах, и шестигранного обрамления в виде поставленных ребром четырех плиток (высота 0.35 м), верх которых плотно подогнан к плитам вымостки; щели промазаны глиной. Ограждение горловины, открытое в сторону двора 49, заканчивается лежащей плитой.¹² Отверстие было закрыто плитой, а яма оказалась пустой.¹³ Назначение ямы в качестве зернохранилища очевидно. Обращенный в сторону двора подход к яме указывает, что она имела прямое отношение к жилому помещению 50, выходящему на

¹² Подобная плита была положена во дворе 31 (см. с. 83). На этой плите, вероятно, стояли, когда наполняли яму зерном.

¹³ Лишь случайно в яму попали несколько обломков амфор и кости маленького животного.

тот же двор, где на полу обнаружен слой зерен пшеницы. Там же находилась ступа для переработки зерна (см. ниже).

Другая яма оказалась в южном углу того же двора, около входа во дворик 44. Стенки ее, вырубленные в мягкой скале, были укреплены плитами. Горловина была разрушена еще, вероятно, в древности, поэтому яму использовали для свалки домашнего мусора. Сверху яма была закидана камнями. На дне ее обнаружено прикрытое плитой отверстие — естественная расщелина в скале глубиной до 3.80 м, считая от дна ямы. Яма содержала массу битой посуды, других предметов быта и большое количество костей животных. Здесь встречены разрозненные обломки боспорских амфор с гладкими стенками и гладкими же ручками, с желобчатыми стенками и реберчатыми ручками; амфор с зеленоватым светлым ангобом и малоазийских амфор с узким горлом. Отметим открытый лепной светильник (И/57—247), часть лепной миски с наклонными стенками (И/57—249), обломок гончарного кухонного котелка (И/57—252), обломки краснолаковых мисок и конусовидных чашек II—III вв. н. э. (И/57—253—258). В яме найдено несколько обломков стеклянных сосудов (И/57—259, 260), каменный кружок с отверстием (И/57—261) и кремневый осколок (И/57—262)*.

Основным жилищем в данном комплексе было помещение 50 (6.20—6.40×4.70—4.80 м, высота стен до 1.45 м) (рис. 20, 1). Оно соприкасалось с двором 49, о чем свидетельствуют следы дверного проема в юго-восточной стене помещения 50. Местами кладка стен сохранилась плохо, восточный и северный углы разобраны почти до основания; совсем разрушена юго-западная притолока входа. В большей части помещения пол глинобитный, в северо-восточной половине он вымощен плитами. Южный угол занимает печь (длина 1.65 м, ширина 1.45 м, высота 0.55 м) (рис. 20, 2). Конструкция печи обычная. В центре топки стоит глиняный столбик, возле боковых стенок топки, с одной и другой стороны от центра, также возвышаются каменные столбики; хорошо сохранился юго-западный столбик, его высота 0.45 м. Эти три столбика служили опорами для глиняно-саманной плоской крышки печи, найденной в разрушенном состоянии (в виде многочисленных обломков, лежавших в топке).

Корпус печи построен из плиток известняка, поставленных на ребро и обмазанных с внутренней стороны печи, т. е. в топке, толстым слоем глины. В южном углу топки эта обмазка сохранила признаки перехода в круглое дымоходное отверстие. Устье печи — с северо-западной стороны. Рядом с ним к стенке печи снаружи пристроен очажок, со-

стоящий из двух параллельно расположенных вертикальных плиток (длина одной 0.30 м, другой — 0.37 м, высота их 0.23 м), промежуток между ними 0.20 м. Такое сочетание печи с приделанным к ней сбоку очажком — распространенное явление в илуратских домах. И печь, и внутренняя полость очажка были заполнены золой, уцелевшей здесь после последней топки.

В средней части помещения сохранилось сооружение в виде четырехугольного, несколько возвышающегося над полом ограждения (длина 0.59 м, ширина 0.54 м), составленного из врытых в пол известняковых плиток высотой 0.22—0.26 м. Три из них сохранились полностью, четвертая (с северо-западной стороны) — частично. Возможно, загородка служила подставкой, на которую была положена плита, и тогда все это сооружение выполняло функции столика. Такого рода столики встречались в некоторых, уже раскопанных раньше домах Илурата.

Поперек помещения построены два каменных закрома-ларя (рис. 20, 3). Один из них примыкает к юго-восточной стене, а другой — к северо-западной. Между ларями оставлен свободный проход. Начиная от ларей и дальше — вплоть до северо-восточной стены — пол покрыт плитами. Лари имеют не совсем обычную форму: отличительная их особенность, не встречавшаяся еще ни разу, заключается в том, что у обоих ларей одна продольная северо-восточная стенка имеет значительно меньшую высоту, нежели другая (юго-западная).

Рассмотрим обстоятельнее оба ларя. Начнем с юго-восточного. Длина его 1.25 м, ширина 0.50 м. Высота юго-западной стенки, состоящей из двух плит, достигает 1 м — такова высота плиты, примыкающей к стене помещения; высота соседней, второй плиты 0.87 м. Переднюю сторону образуют тоже две плиты, каждая высотой 0.70 м. Поперечная плита, замыкающая ларь сбоку (с северо-западной стороны), имеет высоту 0.67 м, ширину 0.57 м. Толщина плит, из которых сооружен ларь, 0.07—0.09 м.

Второй — северо-западный — ларь имеет следующие размеры: длина 2.05 м, ширина 0.65 м. Юго-западная его сторона состоит из одной большой плиты высотой 1.10 м, длиной 1.90 м, толщиной 0.10 м. Так как плита не совсем доходит до стены помещения, то промежуток этот заполнен мелкими камнями. Передняя (северо-восточная) стенка ларя составлена из четырех плит высотой 0.65 м (крайняя северо-западная плита в своей верхней части несколько сбита, повреждена). Поперечная боковая (юго-восточная) плита высотой 0.65 м,

[Рис. 20. Участок III. Помещение 50.

1 — вид с востока; 2 — печь в южном углу помещения; 3 — закрома-лари, вид с северо-востока.

шириной 0.40 м, толщиной 0.10 м. Пол в закромах состоит из материковой скалы, смазанной слоем глины.

К юго-восточному ларю, к его тыльной стороне, примыкает каменная ступа (ширина в верхней части 0.45 м, внизу — 0.34 м; глубина полости 0.34 м, диаметр 0.24 м); ступа прикасается к плите.

Помещение 50 погибло, несомненно, от пожара, весь пол был покрыт слоем пожарища,¹⁴ в котором оказалось много разнообразных бытовых вещей, главным образом керамики. Весьма показательна находка полного скелета козы, лежавшего в промежутке между четырехугольной маленькой загородкой, врытой в пол, и северо-западной стенкой. Это не первый случай, когда в илуратском доме, уничтоженном пожаром, обнаруживаются скелеты погибших домашних животных. Так, в 1953 г. был найден целый скелет собаки, оказавшийся также в слое пожарища одного из сгоревших помещений. Пожар, поглотивший многие здания в Илурате, очевидно, носил характер катастрофического и неожиданно обрушившегося бедствия, во время которого население лишено

было возможности спасти свой скarb, скот и пр.

Жилой характер помещения 50 подтверждается присутствием здесь печи и очага. Тут готовили пищу, здесь же производилась переработка хлебного зерна, на что указывает ступа. О хранившихся в помещении запасах хлеба свидетельствует громадное количество обуглившихся зерен пшеницы, лежавших в виде целого слоя на полу. Возможно, северо-восточная часть помещений использовалась для содержания в зимнее время скота, прежде всего молодняка. Характерно, что пол здесь вымощен. Если такое предположение правильно, то плитовые лари можно было бы толковать как ясли, куда засыпали корм для скота.

В помещении найден ряд разбитых крупного размера амфор, в том числе верхняя часть амфоры (ручка утрачена) не встречавшегося еще в Илурате типа (И/55—209; найдена возле северо-западного ларя, с задней его стороны). По характеру глины можно предполагать, что амфора эта не боспорского происхождения. Поблизости от нее лежали небольшая узкогорлая малоазийская амфора из светлой глины (И/55—208), а также разбитый кувшин с красным черепком и с желобчатой ручкой; снаружи покрыт светлой обмазкой

¹⁴ Местами прослеживались большие куски обуглившегося дерева от сгоревших перекрытий (для определения взяты образцы — И/55—159).

Рис. 21. Участок III. Помещение 52 (загородка в южном углу).

(И/55—212). Найдены и лепные сосуды — миски, горшки. Особенно много лепной посуды обнаружено в западном углу помещения. Венчики лепных мисок украшались зашипами (И/55—216). Другая миска с гладким плоским венчиком снабжена носиком-сливом (И/55—199). Отметим также лепной светильник с выступающим рожком (И/55—198), обломки краснолакового блюда (И/55—162), глиняное пряслице (И/55—168), две глиняные ткацкие подвески в виде пирамидок (И/55—224, 225), обломок белого мрамора, несколько железных гвоздей, обломок венчика стеклянного сосуда.

Кровельные черепицы, как всегда в Илурате, относятся к разряду редких находок. В помещении 50 найден только один обломок керамики.

К северо-востоку от помещения 50, по другую сторону узкого прохода, находится помещение 51, которое, вероятно, принадлежало тому же домовладению, ибо оба помещения эти объединены одним двором 49. Правда, может возникнуть вопрос: не был ли данный жилой комплекс обширнее, не включал ли он в себя и помещение 53, двор 52 и т. д.?

Такое предположение вполне закономерно, если учесть, что проход, ведущий из двора 49 к входу в помещение 51, сообщается и с двором 52. В этой связи надлежит отметить следующую деталь. У входа в помещение 51,

в проходе, отделяющем это помещение от помещения 50, врыта большая вертикальная плита, которая вряд ли могла бы тут появиться, если бы проход действительно соединял два двора (49 и 52). Эта плита отграничивает часть прохода, принадлежащего комплексу помещений 49—51, от территории смежного домовладения, в состав которого входили двор 52, помещение 53, а также, вероятно, и другие помещения, расположенные к юго-западу от двора 52 и еще не раскопанные.

Рассмотрим теперь помещение 51 (5.10—5.20×2.20—3.20 м; высота стен до 0.85 м). Наиболее разрушена юго-западная стена, в которой был вход;¹⁵ от этой стены уцелел только один, самый нижний ряд кладки. Пол в помещении обычный: поверхность скалы (материк) покрыта слоем глины. Поверх глинобитного слоя местами лежат плиты. По-видимому, сплошной вымостки здесь не было. Вдоль северо-западной стены устроена загородка: вертикальными плитами, расположенными параллельно стене, отгорожено пространство, использовавшееся, очевидно, в качестве хранилища. От загородки сохранилось только 9 плит; в настоящее время они уже не образуют непрерывного ограждения по всей

¹⁵ Место, где был дверной проем, определяется сохранившейся плитой порога.

линии загородки, так как часть плит отсутствует. На основании хорошо сохранившихся плит можно установить, что высота загородки достигала примерно 0.60 м.

В средней части помещения имеется яма, выдолбленная в материке (скала). Горловина ямы разрушилась, поэтому она имеет теперь неровные рваные очертания, а диаметрустья (1.20 м), конечно, не соответствует изначальному размеру. Яма расширяется книзу, и на глубине 1.80 м ее диаметр достигает 2.50 м. Ниже яма суживается, на уровне дна (на глубине 2.36 м) диаметр равняется 1.80 м. Дно плоское, в боковой его части сделано небольшое углубление.

При разборке и удалении каменного завала, толща которого в помещении 51 достигала 1.35 м, было найдено довольно много керамики: обломки амфор, пифосов, краснолаковых (И/55—42, 48) и лепных (И/55—31, 43) сосудов, обломки светильников (И/55—24, 32, 33), обнаружены также глиняная пирамидальная подвеска (И/55—34), костяная игла (И/55—48). На полу помещения находок почти не было, но зато немало их оказалось в яме. Здесь встречено много обломков амфор и лепных сосудов, в том числе почти полностью сохранившаяся миска с венчиком, орнаментированным вдавленными (И/55—75), лепной светильник (И/55—76), обломки краснолаковых сосудов (И/55—71—73), бусина из зеленого стекла (И/55—77), несколько обломков стеклянных сосудов, железный гвоздь. В засыпи были также кости животных, а на дне ямы — рыба чешуя и кости (И/55—241).

Нам остается рассмотреть в пределах раскопа у 1-й Поперечной улицы расследованную часть комплекса, в который входят двор 52 и сильно разрушенное помещение 53. Ограничимся лишь описанием открытых здесь объектов, так как осмыслить этот участок раскопа сейчас еще совершенно невозможно. Только при дальнейшем раскрытии прилегающей площади городища мы окажемся в состоянии надлежащим образом восстановить характер застройки части квартала, примыкающего к оборонительной стене.

В южном углу двора 52 имеется загородка (0.80×1.70 м), образованная двумя поставленными на ребро плитами (рис. 21). Одна из плит (длина 1.05 м, высота 0.47 м, толщина 0.17 м) приставлена к притолоке дверного проема и выдвинута на северо-восток. Другая (длина 1.13 м, высота 0.42 м, толщина 0.16 м) примыкает к двум каменным блокам, лежащим у стены помещения 50, и выдвинута на северо-запад. Но плиты одна к другой прилегают не вплотную, между ними остается небольшой свободный промежуток, являющийся

своего рода входом в огороженное плитами помещение. Найденные внутри загородки вещи — обломки амфор, лепных сосудов (И/55—177), ножка лепного светильника (И/55—178) и другие керамические фрагменты — ничего не дают для разъяснения функций сооружения. Возможно, это было специально выделенное место для дворовой собаки. Характерно, что загородка построена рядом с входом во двор.

На вымостке двора 52 при его расчистке найдено свыше 800 обломков амфор (на трех обломках имеются граффити — И/55—173—175), обломки красноглиняного горшка (И/55—176) и различных лепных сосудов. В завале камней, залегавшем на вымостке, обнаружены медная монета (И/55—171), костяная игла (И/55—170) и фрагмент ножки терракотовой статуэтки.

Со двора 52 имеется вход в помещение 53, которое, как отмечалось, очень сильно разрушено. Совершенно отсутствуют следы северо-западной стены, вследствие чего нельзя определить размеры помещения в направлении с северо-запада на юго-восток. Северо-восточная стена, выходящая на улицу (сохранилась в высоту 0.12—0.30 м), тянется на 5 м, дальше она обрывается ямой. Конец стены, вернее, нижнего ряда ее кладки, перекрыт более поздней кладкой, появившейся уже после разрушения помещения 53. Юго-западная стена, в которой уцелели следы дверного проема (шириной 0.60 м), также в значительной своей части уничтожена. На месте разрушенного продолжения этой стены в самый поздний период было устроено для каких-то целей четырехугольное углубление в скале с выступом с северо-западной стороны (см. рис. 12). Глубина этой выемки 0.25—0.60 м. Ее заполняла земля, перемешанная с золой и мелким древесным углем. В засыпи найдено некоторое количество незначительных обломков керамики, в том числе часть лепного горлышка (И/55—140), десятка полтора костей животных, в частности кости лошадиного черепа. В пределах северо-западной части помещения 53 имеется яма-погреб.

При расчистке сильно разрушенного глинобитного пола в помещении 53 найдены обломки амфор, лепных сосудов (И/55—55), дно краснолакового блюда (И/55—80). Любопытна находка пантикапейской монеты III в. до н. э. с перечеканкой (И/55—113). В этой связи напомним, что за восемь раскопочных кампаний в Илурате в различных комплексах этого поселения найдено приблизительно с десятком фрагментов керамики эллинистического времени, в том числе два обломка черепиц с клеймами. Они обнаруживаются в виде единичных включений в культурном слое, насы-

щенном массовым материалом II и III вв. н. э. Тщательный учет такого рода находок, относящихся к эллинистическому периоду, конечно, необходим. Однако количество их еще столь незначительно, что делать на их основании какие-либо далеко идущие выводы преждевременно.

* Двор 52 с юго-западной стороны ограничен стеной, имеющей два проема. Один из них, юго-восточный, шириной 1.05 м, заложен с внутренней стороны плитой (высота 0.55 м). Другим проемом, шириной 1.31 м, пользовались до конца существования данного комплекса. Работами 1957 г. выяснено, что проемы относятся к двум смежным помещениям, пристроенным к оборонительной стене города. Эти помещения имеют общими северо-восточную и юго-западную стены и разделены перегородкой. Юго-западная стена этих помещений (длина 6.20 м) значительно короче северо-восточной стены (длина 7.60 м внутри помещений и 8.80 м снаружи). Такое расхождение, необычное для построек Илурата, объясняется направлением оборонительной стены, сильно отклоняющейся в этом месте к юго-востоку, вследствие чего западный угол помещения 526 получился тупым, а северный — острым. Стены помещения сохранились довольно хорошо: юго-западная стена у перегородки уцелела на высоту до 1.85 м, у оборонительной стены и к соседнему помещению она понижается. Северо-восточная стена наибольшую высоту (1.40 м) имеет у соседнего помещения 52а, понижаясь к оборонительной стене до 0.95 м. Обе стены по сравнению с другими постройками того же квартала отличаются прочностью кладки из крупных камней и плит. Особенно выделяется северо-восточная стена со стороны двора с правильно выдержанными рядами ровной кладки. Так же хорошо выложены упомянутые входные проемы этой стены. Боковые плоскости северо-западного проема образованы кладкой из хорошо отесанных плит и блоков; в нижнем ряду — из плиты, положенной вдоль проема (длина 0.70—0.80 м, высота 0.40—0.50 м), во втором ряду — из двух блоков, поставленных вдоль стен (высота 0.35—0.45). От косяков второго проема уцелели с каждой стороны по одной вертикально стоящей плите (высота 0.85—0.90 м, ширина 0.60—0.65 м, толщина 0.17—0.30 м). Стена перегородки, разделяющей помещения, очень тонкая (толщина 0.40—0.45 м), небрежно сложена из мелких камней; она сохранилась у юго-западной стены на высоту 1.85 м, но в северо-восточную сторону понижается до 0.85 м.

Помещение 52а (2.40—2.90×3.70—3.85 м) с юго-восточной стороны имеет необычную

двойную стену: основную, являвшуюся стеной соседнего дома, и пристроенную к ней изнутри помещения 52а вторую стену, ни с чем не связанную. Сторона ее, обращенная во внутрь помещения, выложена правильными рядами из ровных тесаных плит; со стороны соседнего помещения она сложена небрежно из мелкого бута. Вследствие этой небрежности стена, вероятно еще в древности, утратила устойчивость и сильно накренилась во внутрь помещения, угрожая рухнуть. Это, надо полагать, заставило покинуть помещение и заложить дверной проем; из помещения вынесли все вещи. Возможно, что тогда же была разрушена печь, от которой в восточном углу уцелели две плиты (общей длиной 1.40 м, высотой 0.40 м), прислоненные к юго-восточной стене. От устроенной в западном углу загородки (длиной 1.45 м, шириной 1.23 м) сохранились две плиты, стоящие под прямым углом друг к другу (высота 0.55 м, длина 0.60 и 0.65 м).

Пол в юго-западной стороне помещения, куда он слегка спадает, вымощен плитами, местами выступает выровненная скала, вся остальная часть плотно промазана глиной. На полу никаких вещей не найдено. При удалении завала камней найдено около 40 обломков амфор, днище синопского лутерия, венчик лепного сосуда и два краснолаковых доньшка.

Помещение 52б пристроено к оборонительной стене, уцелевшей в северном углу помещения на 0.80 м, в западном углу — до 1.10 м. Как и в смежном помещении, пол сильно спадает в юго-западную сторону, имеет глиняный настил и местами вымощен плитками. В северном углу имеется большая впадина-выемка в скале. Два угла заняты загородками. Восточная загородка, предназначенная для установки амфор, состоит из двух плит, глубоко врытых в пол, где находится небольшая яма. Южная загородка (высота 0.45 м) длинной стороной (0.90 м) пристроена к юго-западной стенке, короткой (0.45 м) — к стене перегородки. Помещение погибло в пожаре.

Следует отметить, что пожарище это осталось нетронутым до наших дней, что дало возможность установить некоторые подробности устройства жилищ в Илурате. Толстый слой горелой глины, золы и крупных обуглившихся кусков дерева от стропил перекрытия залегал над полом; над этим слоем, почти по всей площади, лежал слой камки, спрессованной с глиной. Отдельные прослойки камки встречались и в других домах, но только здесь можно было отчетливо видеть, что она вместе с глиной служила основным настилом кровли поверх деревянного каркаса. Сохранившаяся в обломках посуда дает представление о разнообразии ке-

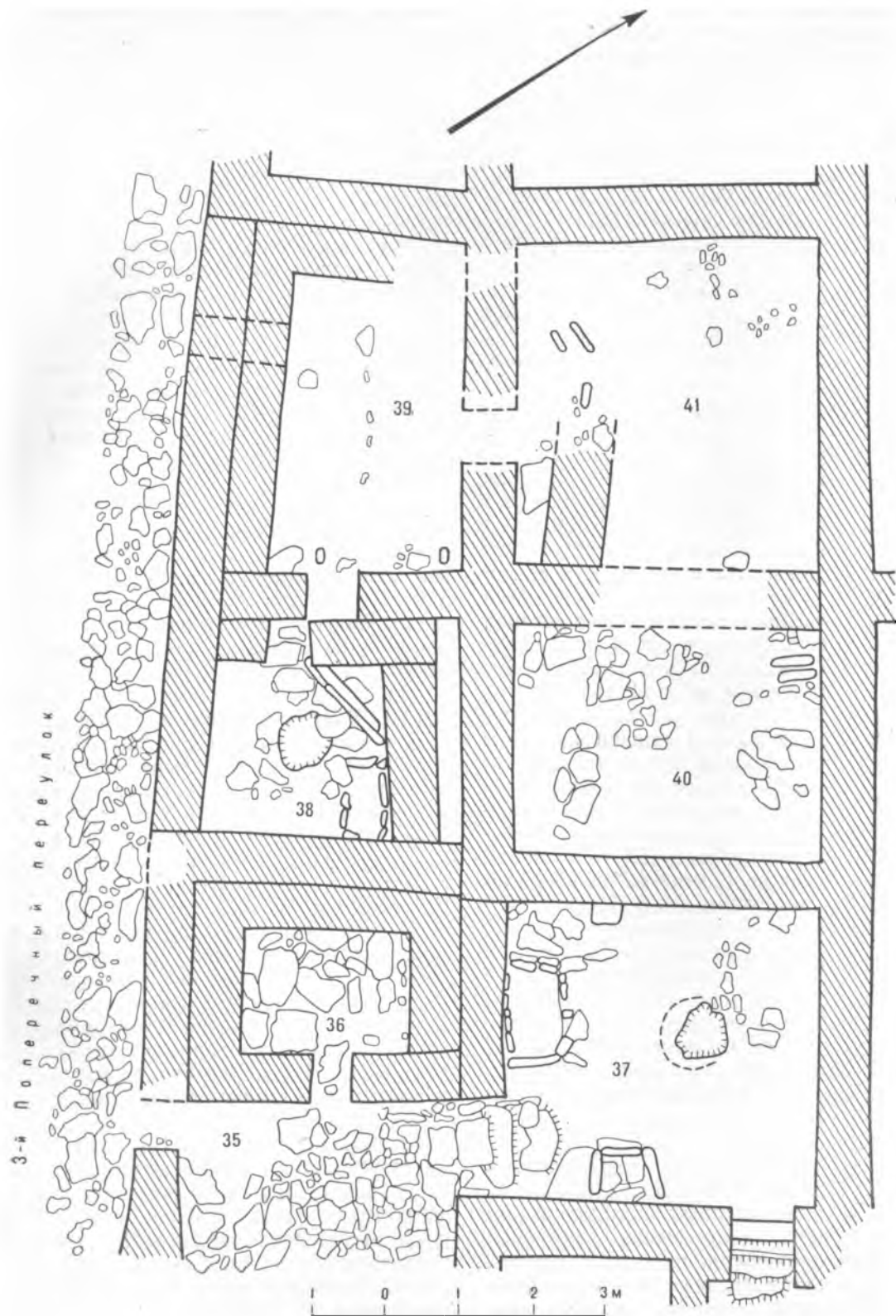

Рис. 22. Участок III. Комплекс помещений 35—41. План.

рамики, бытовавшей в домах Илурата. На полу в небольшом помещении найдены в обломках четыре большие амфоры и одна меньшего размера, два кувшина. Из них две самые большие амфоры находились в северном углу в вырубленном для них углублении. Обломки третьей амфоры лежали в загородке восточного угла (И/57—276). Меньшая амфора и два кувшина найдены у оборонительной стены (И/57—273, 274). У южной загородки под плитой лежала разбитая краснолаковая чашечка (И/57—264). В западном углу — обломки лепного сосуда. Центральное место занимала одна из больших амфор, там же находился лепной кувшин (И/57—263) и костяные булавки для вязания сетей (И/57—266—271). Кроме того, в помещении при расчистке и после удаления больших сосудов найдены красноглиняный горшочек (И/57—265), шиферная доска (И/57—272), железное колечко (И/57—275). Таким образом, намечается определенный порядок размещения вещей: большие амфоры стояли в загородках или в устроенных для них углублениях, более мелкая посуда была расставлена у стены.

В помещении 526 обращает внимание одна деталь, наблюдавшаяся и в жилом помещении 57 (дом 9, см. с. 88): там, где не было печей или они в последний период существования этих домов не функционировали, в средней части помещений лежали сильно перегоревшие камни на обожженном в этом месте полу. В помещении же 526, где все вещи найдены *in situ*, около этих камней лежали предметы (лепной кувшин, костяные булавки для вязания сетей и большая амфора в обломках), которые, как видно, находились и использовались неподалеку от очага, с которым их размещение и было, вероятно, связано.*

В 1955 г. были проведены небольшие раскопки квартала между 2-м и 3-м Поперечными переулками, рядом со средневековым домом, остатки которого были открыты в 1950 г. Для того чтобы выровнить юго-восточную границу раскопа, была сделана прирезка, исследование которой привело к открытию части квартала, заключающей в себе помещения 35—41 (рис. 22). Этот небольшой по площади участок раскопок неожиданно оказался довольно сложным ввиду выявившихся здесь неоднократных перестроек.

Со стороны 3-го Поперечного переулка имеется вход во дворик 35, раскопанный еще не полностью. Этот вымощенный плитами дворик принадлежал дому, состоявшему, очевидно, из нескольких помещений, из коих в настоящее время выявлены только два — помещения 36 и 37. Но следует оговорить, что маленькое помещение 36 (1.70—1.80×2.35 м) (рис. 23) возникло в результате поздней перестройки,

когда к уже существовавшим ранее стенам были пристроены новые; тогда образовалась небольшая комнатка (36) с узким (ширина 0.65 м) входом с юго-восточной стороны. Похоже на то, что первоначальное место, занимаемое помещением 36, было частью двора 35, площадь которого потом, когда построили помещение 36, значительно сократилась. Что касается соседнего помещения 37, то оно не носит признаков каких-либо существенных перестроек.

В помещении 36 пол вымощен плитами, являющимися продолжением вымостки двора 35. По характеру кладки стены помещения (второго строительного периода; сохранились на высоту до 1.10 м) ничем не отличаются от обычной кладки стен илуратских домов.

Вещевой материал в помещении рядовой: он состоял из обычных для жилищ Илурата обломков простых амфор и лепных сосудов. Хронологически он не выходит за пределы III в. н. э.

На полу, на глубине 1 м от дневной поверхности городища, у северо-западной стены найдены останки человека. Под завалом каменной лежал череп, рядом с ним нижняя челюсть, а также кости одной руки, включая кисть. Ребра и позвонки оказались перемещенными, в подобном же состоянии оказались и кости ног.

Произведенное в Институте этнографии АН СССР антропологическое исследование скелета показало, что он принадлежит женщине лет 30, с вполне четко выраженными чертами монголоидности. Поскольку нет оснований, как указывалось, датировать помещение 36 (второго строительного периода) более поздним временем, чем III в. н. э., находка скелета с яркими монголоидными расовыми признаками вызывает большой интерес у антропологов.

Такого рода скелет не вызвал бы удивления, если бы его можно было отнести к концу IV—V в., т. е. ко времени пребывания в Крыму гуннов. Между тем все объективные показания условий находки скелета заставляют предполагать более раннюю дату — последние десятилетия III в. Конечно, не исключена возможность, что скелет попал в помещение уже много времени спустя после того, как жизнь в Илурате прекратилась. Но тогда это носило бы скорее характер захоронения, признаков которого в данном случае безусловно нет. Трудно допустить, чтобы, скажем, столетие спустя после прекращения жизни в Илурате прямо на полу помещения были брошены человеческие кости. Вероятнее всего, скелет, найденный в помещении 36, принадлежит человеку, погибшему во время катастрофического пожара Илурата во второй половине III в.

Рис. 23. Участок III. Помещение 36 (вид с северо-запада).

Рис. 24. Участок III. Помещение 37 (вид с северо-востока).

Из двора 35 широкий проход (1.20 м) с тремя каменными ступенями ведет в *помещение 37* (4.20×4.55 м), все элементы которого характерны для жилых илуратских помещений (рис. 24). Здесь имеются печь, загородка-ларь, яма-погреб. Сохранившаяся высота стен до 0.75 м. Пол глиняный, местами вымощен каменными плитками. Не совсем ясно назначение сквозного проема шириной 0.80 м в юго-восточной стене помещения, у восточного его угла, направленного в сторону соседнего, не раскопанного еще помещения. Со стороны помещения 37 проем заложен плитой (0.87×0.44×0.16 м), к которой пристроены с тыльной стороны три каменные ступени, образующие небольшую лестницу. Назначение этого сооружения еще не ясно.

У юго-западной стены, рядом с входом, хорошо сохранилась печь (длина 1.40 м, ширина 0.70—0.80 м, высота 0.42 м, ширина устья 0.45 м). Верхняя глиняная плита печи (толщина 7 см) осела.¹⁶ Возле устья печи справа, т. е. с северо-западной стороны, в полу имеется круглая выемка (диаметр 0.60 м, глубина 0.12 м) для ссыпки золы, выгребавшейся из печи. Рядом с устьем печи был очажок, сложенный из трех плиток в виде буквы П,¹⁷ правая плитка не сохранилась, но в полу заметно углубление в том месте, где эта плита стояла. Очажок отступает от печи на 0.27 м, внутренняя ширина очажка 0.15 м.

К северо-западной стороне печи приставлено несколько плит, из которых две выступают за пределы печи в глубь помещения. Против крайней плиты к северо-западной стене помещения также приложена плита (0.60×0.40 м, толщина 0.13 м), поставленная на ребро. Получается как бы вход в огороженный плитами закоулочек, использовавшийся, может быть, для топлива.

Другая загородка-закром (0.66×0.80 м, глубина 0.45—0.55 м) находится у юго-восточной стены. Ее образуют три плиты, из которых две стоят перпендикулярно к стене, третья — параллельно (рис. 24). Дно закрома вымощено плитами. В средней части помещения есть яма (диаметр 0.75—0.80 м, глубина 0.75 м), вырубленная в скале. Устье ямы имеет неровные края. Яма была заполнена землей и небольшим количеством мелких камней. В засыпке ямы найдены обломки амфор, небольшое количество обломков лепной посуды и кости животных.

¹⁶ В целях лучшей консервации печи она не была расчищена. Устройство печей данного типа в Илурате уже исчерпывающе изучено.

¹⁷ Точно такой же очажок был открыт в 1955 г. в помещении 50, где он тоже пристроен к печи (ср. описание помещения 50).

Пол помещения 37 покрывал толстый (0.30—0.40 м) слой глинистой земли с примесью каменной и многочисленных обломков керамики, преимущественно амфор и лепных сосудов. Здесь найдены также обломок краснолаковой чашечки (И/55—83), часть светильника на высокой ножке (И/55—84), четыре пирамидальные ткацкие подвески, обломок мраморной плиты, точильные камни-оселки, обломок керамики, в завале камня — четырехугольный жернов от ручной мельницы.

Следующая (к северо-западу) группа помещений (38—41) оказалась сильно разрушенной, особенно пострадали помещения 39, 40 и 41. По всей вероятности, стены этих помещений были разобраны при добыче строительного материала в VIII—IX вв., когда рядом возводился дом с помещениями 19, 20.¹⁸

Сильное разрушение стен помещений (местами стены разобраны полностью или почти до основания) затрудняет выяснение плана здания, особенно в поздний период, когда здесь были произведены значительные перестройки. Первоначально рассматриваемое здание, по-видимому, состояло из двора 39, к которому примыкали три помещения — 38, 40 и 41. Вход во двор 39 был со стороны 3-го Поперечного переулка: в стене, выходящей к переулку, заметны следы бывшего проема шириной 0.62 м. Очевидно, двор соединялся проходами с помещениями 38 и 41,¹⁹ а из помещения 41 был проход в помещение 40.

В результате позднейшей перестройки внутри помещения 40—41 появились стены. После перестройки вход во двор, вероятно, остался на прежнем месте. Сложнее обстоит дело с помещением 38 после его перестройки (стены второго стойтельного периода на плане обозначены буквой О). После перестройки образовалась маленькая комнатка (длина 2.54—2.63 м, ширина 2.47—2.52 м, стены сохранились в высоту от 0.65 до 1.15 м). В северо-западной стене имеется дверной проем шириной 0.67—0.80 м. Интересно, что при перестройке помещения с северо-восточной стороны новая стена была возведена немного отступая от прежней стены, разделявшей помещение 38 и 40. В результате между стенами образовался промежуток в 0.35—0.40 м. Пол в помещении 38 частично вымощен плитами, посередине устроена яма (диаметр ее устья 0.75 м, глубина 1.05 м). Северный угол помещения отгорожен двумя рядами поставленных на ребро плит, и здесь образовался четырехугольной формы закроем глубиной 0.38 м.

¹⁸ См.: МИА СССР, № 85, с. 134—136.

¹⁹ В кладке стены, отделяющей двор 39 от помещения 41, несмотря на очень незначительные остатки, удалось заметить следы некогда существовавшего дверного проема.

Рис. 25. Участок III. Помещение 38 (вид с северо-запада).

В восточном углу находится четырехугольная печь (1.09×0.52 м), заглубленная в пол (рис. 25). Стенки печи сложены из каменных плиток. Под печи — скала. Печь была заполнена золой, кусками глиняно-саманной плиты; обнаружен также (*in situ*) каменный столбик. Как видно на плане, дверной проем помещения 38 закрыт стенкой; проем этот после появления стены *О—О*, перегородившей его, стал ненужным. Можно предполагать, что помещение 38 после перестройки (т. е. после возведения стен *О—О*) уже не сообщалось с двором 39 и было заброшено. Во время перестройки двора 39 сначала, вероятно, предполагалось связать его с помещением 38, поэтому был сделан новый проем, при этом новая стена закрыла прежний проем в стене *О—О*. Но в дальнейшем соединение двора 39 с помещением 38 осуществлено не было, вследствие чего сделанный в юго-восточной стене двора 39 проем бездействовал, так как его закрывала стена *О*.

Помещения 39 и 41 настолько разрушены (вероятно, в раннесредневековый период), что исчезли все детали их внутреннего устройства. Только в помещении 40 уцелела часть вымостки пола и две поставленные на ребро плиты у северо-восточной стены — по-видимому, остатки каменного столика.

Выборка строительного материала в раннесредневековое время и близость дома, в котором жили вновь обосновавшиеся на городище (в VIII—IX вв.) поселенцы, привели к

нарушению обычной для Илурата стратиграфии. При раскопке помещений 39, 40 и 41 в завалах встречался обычный для данного городища массовый керамический материал II—III вв., но с включениями отдельных фрагментов раннесредневековой керамики (горшки с мелким рифлением). Непосредственно на полу помещения 41 найдены четыре глиняные ткацкие подвески и большой кусок оленьего рога с разветвлениями (И/55—244).

Обильный керамический материал обнаружен на полу помещения 40. Преобладали обломки поздних боспорских амфор, много лепной посуды, в меньшем количестве — обломки простых красноглиняных сосудов. Найдены один обломок керамики, одна глиняная пирамидальная подвеска (грузило) (И/55—21). Особо следует отметить интересную черную посуду (И/55—22).

На полу в помещении 38 (на глубине 1.10 м от поверхности городища) найдены обломки лепной чашки (И/55—17), ножка лепного светильника (И/55—18), пирамидальная подвеска с граффити в виде буквы X (И/55—19), кусок кремня.

В засыпи, заполнявшей яму, наряду с некоторым количеством маловыразительных обломков керамики найдены каменное колечко (И/59—27) и куски древесного угля. Внутри загородки, устроенной в северном углу, оказалась железная поделка в виде колесика (И/59—28).

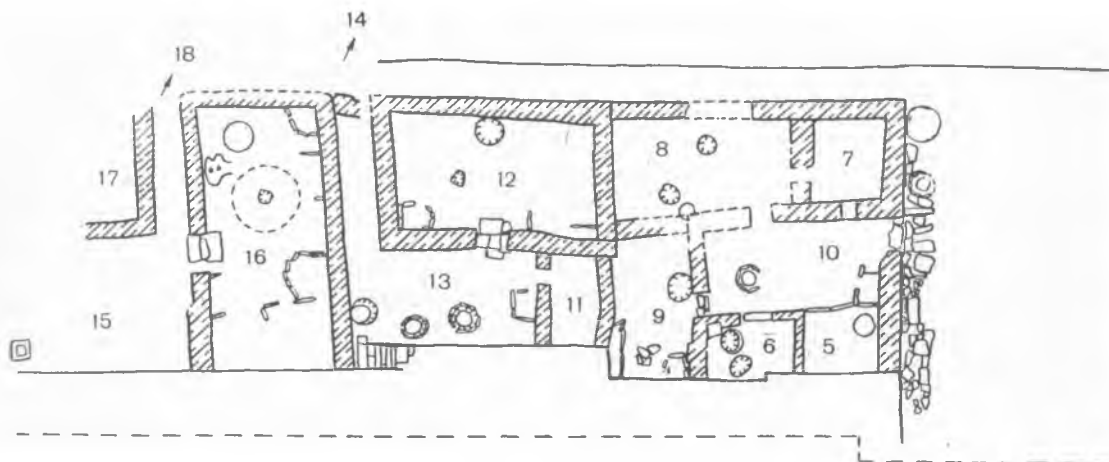

Рис. 26. Участок IV. Общий план.

Участок IV

Раскопки на участке IV начаты в 1956 г. с исследования южного стыка двух оборонительных стен (юго-восточной и юго-западной) и расположенной на этом стыке угловой башни (IV), самой мощной в фортификационной системе Илурата, защищавшей обе эти линии обороны (рис. 26).

В результате раскопок была открыта часть юго-восточной оборонительной стены на протяжении 9,60 м и часть юго-западной стены на протяжении 11,20 м, а также прилегающие к этим стенам сооружения на территории поселения. Кроме того, открыты вход в башню IV и внутренняя камера самой башни.

В высшей степени интересен вход в башню, устроенный в юго-восточной оборонительной стене, в том месте, где она соединяется под прямым углом с юго-западной стеной (рис. 27). Вход в виде короткого коридора сделан так, что с одной стороны его ограничивает торцовая часть юго-восточной оборонительной стены, а с другой — лицевая сторона юго-западной стены. Размеры прохода: длина 2,30 м, ширина 1,08—1,12 м. Сохранились две плиты перекрытия прохода: одна — со стороны прилегающего к оборонительной стене двора, другая — со стороны камеры башни.

Обе плиты, поставленные на ребро, закреплены своими концами на уступах (шириной 0,40 м), сделанных в кладке оборонительных стен, на высоте 1,60 (со стороны двора) и 1,72 м (со стороны камеры). Размеры первой плиты: длина 1,37 м, высота 0,70 м, толщина 0,30 м; в кладку стен она вшита одним концом на 0,30 м, другим — на 0,35 м. Размеры второй плиты (со стороны камеры): длина вни-

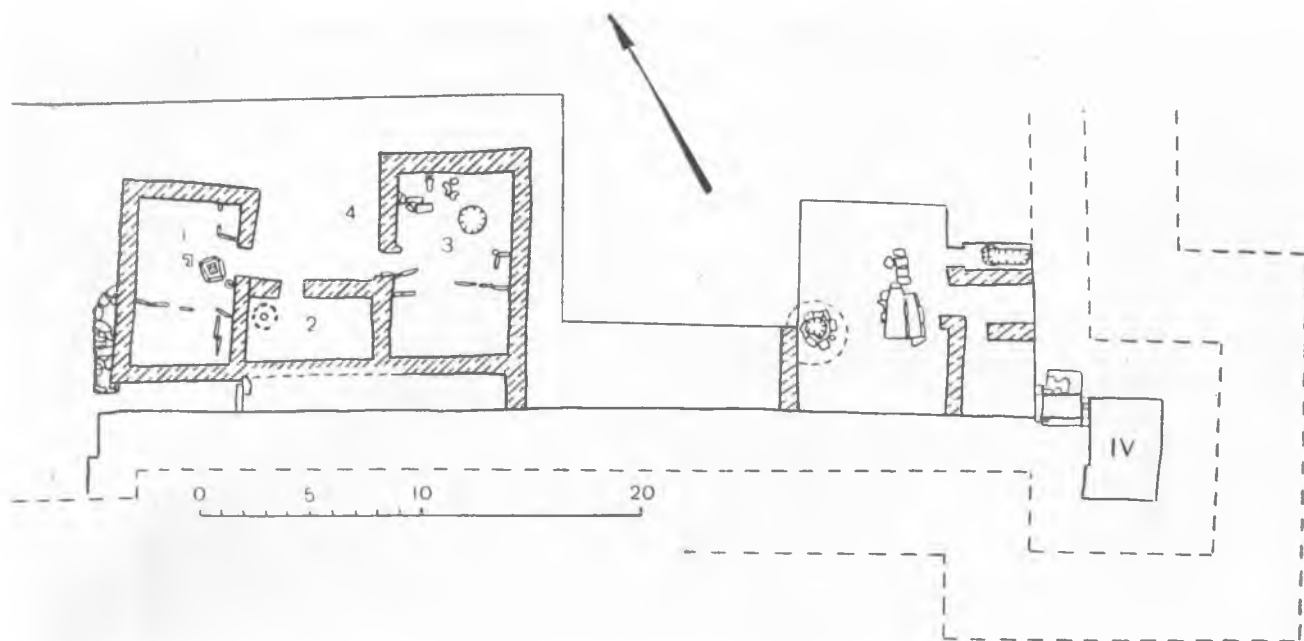
зу 1,65 м, сверху 1,30 м, высота 0,41 м, толщина 0,30 м; своими обоими концами она также лежит на уступах, заходя на них на 0,25 м с каждой стороны. Уступы, на которых лежат перекрывающие проход плиты, продолжают в проходе на всем его протяжении — от одной плиты до другой. Но на этих уступах внутри прохода лежали не плиты, а балки (бревна), что было вполне отчетливо установлено при раскопках: на уступах были выявлены обуглившиеся концы сгоревшего деревянного наката. Внутренняя камера башни четырехугольная (3,30×4,50 м), сохранившаяся высота стен башни 2,60—3 м. Пол в камере глинобитный.

Камера была сплошь завалена камнями от обрушившихся верхних частей башни, а внизу камни были перемешаны с огромным количеством дерева.²⁰ Деревянными были перекрытия и лестницы, и это дало обильную пищу огню. Совершенно очевидно, что башня погибла в результате пожара. Насколько был интенсивен огонь, можно судить по состоянию каменных стен башни: кладка их не только растрескалась, но местами превратилась в рыхлую массу.

Интересно, что в слое пожарища оказалось огромное количество обгорелой соломы и травы (бурьяна). Возможно, что они служили тем горючим материалом, который был набросан в камеру, чтобы ее поджечь.

Любопытной особенностью кладки стен башни является присутствие в ней плит, напоминающих антропоморфные надгробия. Одна

²⁰ Лабораторное исследование показало, что это была сосна.

из таких плит заложена в кладку, образующую уступ в проходе башни; эту плиту удалось раскрыть. Происхождение этих плит не совсем ясно. Очевидно, первоначально они предназначались для какой-то иной цели.

Юго-западная стена рядом с проходом в башню носит явные следы ремонта. Отчетливо прослеживается участок стены, где вместо массивных плит, характерных для ее кладки, наблюдается грубая, бессистемная кладка из мелких камней, носящая характер своеобразной заплаты в стене (рис. 28). Очень похоже на то, что здесь имела место пробоина в стене, образованная неприятельским стенобитным оружием и спешно ликвидированная защитниками крепости.

Исключительно важное боевое значение угловой башни (IV) требовало надлежащей ее охраны. С этой целью подход к башне со стороны города был огражден стенами. Одна из них пристроена к юго-западной оборонительной стене, другая — к юго-восточной. Этими стенами перед входом в башню отгорожено пространство 3.20×3.40 м. Вход в этот предбашенный дворик имеет ширину 1.10 м. К северо-востоку от предбашенного дворика возведена еще одна стена, которой отгорожено пространство шириной 1.40 м. По другую сторону от этой стены, в узком проходе, находится вырубленная в скале яма (ее длина 1.90 м, ширина 1.0 м, глубина 1.30 м); возможно, здесь была уборная. При раскопке этого помещения найдена глиняная статуэтка лошади (рис. 29,

1). Далее следуют стены оставшегося нераскопанным здания, пристроенного к юго-восточной оборонительной стене.

В средней части раскопа, близ башни IV, находится сооружение в виде двух смежных ящиков. В скале сделано углубление, стенки его обложены плитами. Выемка внутри разделена тесаными плитами на два отсека. Все сооружение имеет (вместе с внешней каменной обкладкой) длину 2.65 м, ширину 2.30 м.

Ширина юго-восточного ящика 0.60 м, юго-западного ящика — 0.70—1 м, глубина каждого — 0.40 м. С северо-восточной стороны к ящикам примыкает небольшая вымостка. Эти ящики, несомненно, служили для хранения чего-то, но никаких признаков, по которым можно было бы определить, что именно складывалось сюда, не обнаружено. Оба ящика были заполнены землей и камнями.

Отметим находящуюся к западу от ящиков круглую, вернее, грушевидную яму, высеченную в скале. Ее диаметр сверху 1.20—1.50 м, наибольший диаметр внизу 3 м, у дна — 2.85 м, глубина 4.27 м. Верхняя часть ямы частично облицована плитами, а снаружи края горловины ямы имеют каменную обкладку. Яма была засыпана землей, камнями, битой керамикой, обычной для Илурата. В числе керамических находок из ямы интересна полностью восстановленная из обломков краснолаковая чашка (И/56—21) (рис. 29, 2).

В целом на данном участке раскопа были представлены хорошо уже известные в Илурата

Рис. 27. Участок IV. Вход в угловую башню IV.

Рис. 28. Участок IV. Юго-западный участок оборонительной стены (рядом с угловой башней IV). Кладка.

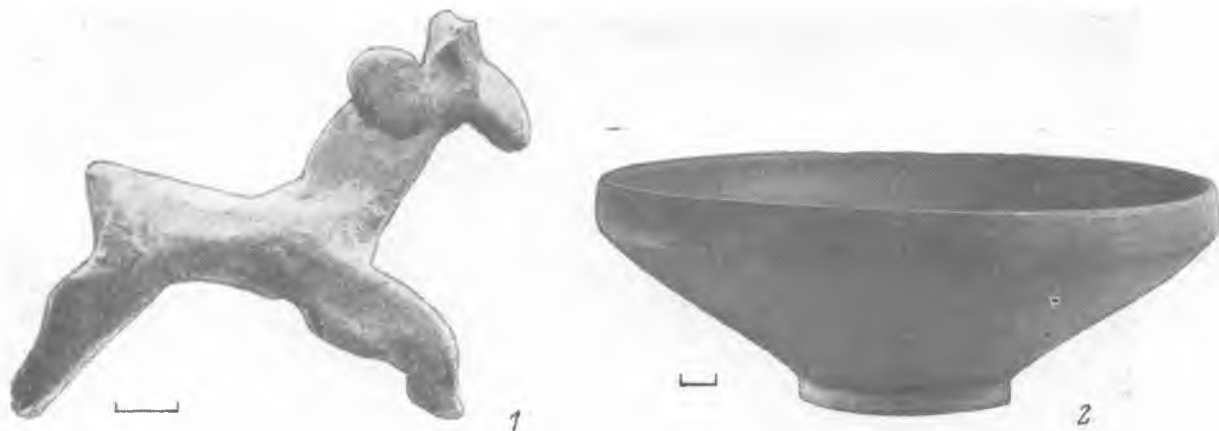

Рис. 29. Участок IV. Керамика из раскопок дворика перед башней IV.

1 — статуэтка лошади; 2 — краснолаковая чаша.

те группы вещевого материала с характерным преобладанием лепной керамики.

В дальнейшем (в 1957—1958 гг.) раскопки были перенесены на участок юго-западной оборонительной стены, где имелись основания предполагать ворота. Предположение подтвердилось. В оборонительной стене был выявлен проем шириной 3.75 м, открывающий въезд на центральную улицу внутреннего поселения. Хотя кладка оборонительных стен в пределах ворот оказалась сильно разрушенной, все же удалось выявить одну в высшей степени важную деталь устройства ворот. В юго-восточной стене ворот на высоте 1.40 м обнаружен четырехугольный желоб (высота 0.32 м, ширина 0.28 м), предназначенный для бревна, служившего засовом. Когда нужно было открывать ворота, засов вдвигался в желоб.²¹ При запираании ворот засов необходимо было выдвинуть из желоба, причем наружная, головная часть засова, очевидно, вставлялась в соответствующее отверстие, имевшееся в кладке стены противоположной, северо-западной стороны ворот. К сожалению, в этом месте стена сильно пострадала, и та часть кладки, где должно было находиться гнездо для засова, уничтожена.

Как бы то ни было, впервые в античных крепостных сооружениях Северного Причерноморья установлено существование такого приема закрывания ворот в оборонительных стенах. До сих пор аналогичного устройства запоры ворот и калиток были известны в ранне-средневековых крепостях Закавказья (сообщение И. К. Цицишвили).

²¹ Длина желоба 5.30 м, но уцелела только его часть длиной 1.75 м.

Одновременно с раскрытием ворот в юго-западной стене Илурата было установлено, что вдоль этой стены со стороны поселения существовали жилые дома (см. далее). Раскопками была открыта часть улицы, соединяющейся с воротами. Наряду с этим была исследована широкая полоса вдоль юго-западной оборонительной стены. Работы велись по обе стороны от ворот, т. е. и на юго-восток, и на северо-запад.

К юго-востоку от ворот раскопками исследована площадь шириной 14 м, тянущаяся вдоль оборонительной стены и занятая прилегающими к стене строениями. Таким образом, удалось соединить раскоп, идущий от ворот в юго-восточном направлении, с раскопом у южной башни IV (рис. 26).

Длина куртины оборонительной стены от входа в южную башню IV до проема ворот 42.5 м. Поскольку ворота находились посредине стены, следует полагать, что вся юго-западная стена с внутренней стороны имела в длину около 90 м.

Таким образом, исследования на участке IV привели к открытию части юго-западной оборонительной стены от ворот до южной башни. По другую сторону от ворот раскопки продвинулись вдоль оборонительной стены к западному углу крепости.

Рассмотрим сначала строительные остатки, обнаруженные у оборонительной стены от южной башни IV до проема ворот. Здесь открыт комплекс помещений 1, 2, 3 и двор 4. Очевидно, комплекс этот принадлежал одному дому, занимавшему достаточно обширную площадь. Крайнее помещение 1 было обращено своим северо-западным фасадом на улицу, ведущую к крепостным воротам. По другую сторону улицы был расположен дом с помеще-

Рис. 30. Участок IV. Помещение 1 дома у юго-западной куртины оборонительной стены.
1 — вид с востока; 2 — вид с севера; 3 — печь в восточном углу помещения.

ниями 5, 6, 7, 8, 9 и двор 10. Ширина улицы в этом месте, т. е. между двумя указанными домами, 5,25 м. При раскопке улицы были найдены медные монеты: одна — Котиса III, другая — Ининфимея. Непосредственно у ворот пролет улицы сужен пристроенными к фасадам домов кладками. Одна такая кладка (длина 4,90 м, ширина 1,05 м) примыкает к нижней части стены помещения 1, другая (ее длина 4,95 м, ширина 1,38 м) возведена на противоположной стороне улицы — у стены помещения 5.

Интересной особенностью комплекса, которому принадлежат помещения 1, 2, 3 и объединяющий их двор 4, является то, что эти помещения не пристроены впритык к оборонительной стене, как обычно это делалось в Илурате (таковы все открытые до сих пор комплексы, расположенные у оборонительной стены). Показательно, что расположенный по другую сторону улицы дом с помещениями 5, 6, 7, 8, 9 пристроен своими стенами прямо к оборонительной стене и, таким образом, не составляет исключения из общего правила. Помещения 1, 2, 3 возведены так, что между ними и оборонительной стеной образован промежуток шириной 1,30—1,70 м. В этом сравнительно узком проходе, загороженном стеной, пол находился на 1,10 м выше пола помещений 2 и 3. Очевидно, при возведении этих помещений между ними и оборонительной стеной была произведена засыпка (из земли и бута) с тем, чтобы вдоль стены проходил коридор с более

высоким уровнем. Поскольку кладка юго-западных стен помещений 2 и 3 до уровня 1,10 м примыкала к засыпке, не было необходимости подвергать подтеске ту сторону камней, которая была скрыта засыпкой. И действительно, фасад стен помещений 2 и 3 до высоты 1,10 м со стороны коридора представляет собой крайне грубую кладку без обработки лицевых поверхностей камней. Коридор с поднятым на 1,10 м земляным полом тянется вдоль стены до помещения 1. Вероятно, здесь, за этим помещением, в свое время имелась лестница — спуск к воротам. Коридор между оборонительной стеной и помещениями 1, 2, 3 был, очевидно, устроен для каких-то целей, связанных с боевыми функциями стены. Возможно, из коридора ход вел на оборонительную стену. Дом с помещениями 1, 2, 3 построен таким образом, что оба крайних помещения (1 и 3) значительно выдвинуты на северо-восток. Это придает плану дома П-образную форму. Посредине расположен вымощенный двор 4. Прямым продолжением двора является вымостка, которая прилегает к помещениям 3 и 1 (с северо-восточной стороны) и выходит к центральной улице, ведущей к воротам. Возле улицы эта вымостка несколько приподнята и образует как бы ступени.

Помещение 1 (4,50—4,65×7,10—7,30 м). Сохранившаяся высота стен 0,75—2 м (рис. 30, 1). Углы помещения сложены из хорошо отесанных блоков, что характерно для илуратских построек. Основной строительный материал —

Рис. 31. Участок IV. Дом с помещениями 3 (слева), 2 (в середине) и 1 (справа) у юго-западной куртины оборонительной стены; вид с северо-востока.

бут. В кладку местами включены поставленные на ребро плиты, что, очевидно, придавало большую прочность кладке стен.

Вход в помещение шириной 1.20 м устроен в юго-восточной стене. Внутри помещения имеются две печи, яма-зернохранилище, сложенные из плит загородки-закрома. Кроме того, там же оказались две каменные ступы, глиняные сковороды-жаровни. Все это придает помещению вполне определенный хозяйственный облик. В северо-восточной половине помещения пол представляет собой скалу-материк, покрытую слоем глины. Юго-западная часть помещения вымощена плитами.

Одна печь находится рядом с входом в восточном углу, где она пристроена к юго-восточной и северо-восточной стенам помещения (рис. 30, 3). Печь обычного типа (длина 1.56 м, ширина 0.90—1 м, высота 0.43—0.50 м). Наружный корпус печи образован из поставленных на ребро плиток. Между ними с северо-западной стороны есть промежуток шириной 0.47 м, являющийся топочным устьем. Через него в печь поступало топливо (судя по золе, топливом служила в основном солома), выгребалась зола и т. д. Сверху печь имела плоское покрытие в виде плиты из глины с примесью самана. Обвалившиеся куски покрытия найдены в топке печи, которая была наполнена золой. Куски крышки были найдены также на полу возле печи. Покрытие печи, в котором, несомненно, было отверстие для выхода дыма, поддерживалось тремя столбиками, установленными внутри топки. Один столбик представляет собой плитку известняка (вы-

сота 0.35 м, ширина 0.25 м, толщина 0.09 м), которая прислонена к северо-восточной стенке печи. Второй каменный столбик находится посередине у юго-восточной стенки (высота 0.43 м, ширина 0.20 м, толщина 0.09 м). Третий столбик (также плитка известняка), стоявший, очевидно, у юго-западной стенки, оказался сдвинутым со своего места. К внешнему корпусу печи примыкает небольшой очажок (высота 0.21 м, ширина 0.28 м, длина 0.22 м), предназначенный, вероятно, для мелкой стряпни. Он состоит из двух поставленных на ребро плиток (расстояние между ними 0.20 м), поверх которых положена плашмя третья плитка. Такие очажки уже много раз встречались в раскопанных илуратских домах. Но в данном случае ему присуща особенность, которая отсутствовала во всех ранее открытых очажках. Очажок в помещении 1 соединен отверстием с топкой печи.

Поперек помещения, на расстоянии 2.20 м от юго-западной его стены, имеется плитовая перегородка, отделяющая юго-западную часть помещения от северо-восточной. Она состоит из четырех плит (рис. 30, 2). Между первой и второй плитами (считая от юго-восточной стены помещения) имеется промежуток шириной 0.90 м; промежуток (шириной 0.65 м) есть также между второй и третьей плитами. Высота плит 0.56—0.87 м. Нижними частями они врыты в пол. Первая плита, примыкающая к юго-восточной стене, имеет у одного из верхних углов сквозное отверстие, что часто наблюдается в плитах илуратских загоронок. Эта первая плита описанной перегородки ограж-

дает заком, образованный из двух плит, поставленных параллельно юго-восточной стене. Длина закома 1.96, высота 0.75 м.

К северо-западной стене и к плитовой перегородке пристроена вторая печь, сложенная из каменных плит (рис. 30, 2). Высота печи 0.45 м, длина по юго-западному краю 1.20 м, по северо-западному — 1.45 м. Спереди — четырехугольное отверстие устья (высота его 0.33 м, ширина 0.30 м). Интересно, что в завале, покрывавшем печь, были найдены обломки большой круглой глиняной сковороды-жаровни с выступающим на 3—4 см бортиком по внешнему краю. Жаровня имела в поперечнике не менее 0.60 м. Глина с примесью самана прокалена до ярко-красного цвета. Обломки таких жаровен обнаружены и в других местах помещения среди заполнявших его завалов. Очевидно, на этих жаровнях, предварительно раскаленных, выпекались в горячей золе хлебные лепешки. Возможно, что печь, находящаяся у северо-восточной стены, предназначалась для подогрева жаровен во время выпечки лепешек.

Для переработки хлебного зерна служили каменные ступы. Одна из них найдена на первоначальном месте — у юго-восточной стены, рядом с входом в помещение. Размеры ступы: высота 0.55 м, диаметр 0.45 м, диаметр полости 0.22 м, глубина 0.40 м. Другая ступа лежала против дверного проема в опрокинутом положении. Возле ступы у юго-восточной стены сохранился каменный столик высотой 0.51 м. На двух подставках лежала крышка столика в виде плиты — 0.65×0.80 м, толщина 0.05 м. На этой плите были параллельно поставлены две плитки — на расстоянии 0.30 м одна от другой. Их размеры: высота 0.20 м, длина 0.58 м, толщина 0.08 м. Возможно, эти плитки служили подпорками для крышки второго столика, который был устроен на нижнем столике, оказавшемся слишком низким.

Надо, наконец, отметить вырубленную в скале круглую яму глубиной 2 м, служившую, вероятно, для хранения запасов зерна. Яма книзу расширяется; верхняя часть тщательно выложена плитами; четырехугольная горловина ямы (0.37×0.39 м) была закрыта круглой каменной крышкой диаметром 0.55 м. Горловина с четырех сторон обрамлена шестью поставленными на ребро плитами (высотой до 0.60 м).

Раскопками установлено, что помещение 1 погибло в пожаре. Пол был покрыт толстым слоем золы, перемешанной с обгорелыми камнями, древесными углями и кусками пережженной глины. В этом слое пожараща найдено много вещей и прежде всего битой керамики. Преобладали обломки круглых боспорских амфор III в. н. э. Обильно представлены обломки лепной посуды. Поразительно много — около 70

штук — оказалось пирамидальных глиняных грузил — подвесок для ткацкого станка. На одной из подвесок имеется клеймо — оттиск ключа (И/58—48), на другом — клеймо в виде круга и двух расходящихся от него снизу линий (И/58—47). Необходимо отметить находку глиняной муфтообразной подставки для обжига керамических изделий в гончарной печи (И/58—33). Такие подставки систематически встречаются в жилищах илуратцев.

Возле печи, которая находится в восточном углу помещения, лежала каменная растиралка, а внутри другой печи, расположенной у северо-западной стены, найдены костяной предмет, сделанный из ребра животного и, очевидно, служивший в качестве какого-то домашнего орудия (И/58—28).

Из керамических находок нужно упомянуть фрагмент терракотовой статуэтки — руку, держащую предмет вроде палицы (И/58—74), обломок сосуда с зооморфной ручкой (схематическая фигурка кабана) (И/58—68), лепной светильник в виде конической чашечки на ножке (И/58—7), обломки большой краснолаковой чашки (И/58—1).

Помещение 2 ($2.25-2.65 \times 5.20-5.90$ м) (рис. 31, среднее помещение). Вход со двора. Уцелела нижняя часть дверного проема шириной 1—1.10 м. Сохранившаяся высота стен 0.75—1.95 м. Юго-западная стена отличается от других стен тем, что своей тыльной стороной на высоту до 1.10 м примыкает к засыпи вдоль оборонительной стены, о чем уже шла речь. Таким образом, юго-западная стена помещения 2 подпирала засыпь коридора. Поэтому кладка стены выполнена преимущественно из крупных массивных блоков, обработанных, однако, только по фасаду, обращенному на северо-восток. Противоположная сторона кладки (до высоты 1.10 м) оставлена без всякой обработки: камни здесь имеют рваную, совершенно необработанную поверхность. При возведении этой стены в качестве ее основания были частично использованы выступы скалы, обрубленные заподлицо с фасадом стены со стороны помещения. Но скала эта рыхлая, поэтому она сильно разрушилась, рассыпалась под давлением кладки стены, в результате чего остатки стены дошли до нас в деформированном состоянии: кладка наклонилась в сторону помещения, ряд камней сместился.

Пол в помещении вымощен плитами, местами же он представляет собой выровненную подтепской скалу, покрытую слоями глины. В западном углу в полу выдолблено круглое углубление (диаметр 0.85 м, глубина 0.50 м), предназначенное, вероятно, для установки пифоса. В северном углу в подобном же углублении, сделанном в полу, сохранились остатки пифоса,

поставленного горлом вниз. В пифосе найдены зерна пшеницы. Под его горло подложена квадратная плитка (0.20×0.25 м), щели между венчиком пифоса и плиткой замазаны глиной. Очевидно, у этого пифоса была отбита нижняя часть, поэтому его использовали в перевернутом виде. Аналогичный случай был отмечен при раскопках помещения 1 на участке III. Там был обнаружен впущенный в яму пифос, служивший для хранения пшеницы, причем он тоже стоял горлом книзу и под венчиком горла имел подложенную каменную плиту.²²

Помещение 2 служило амбаром, где хранились продовольственные припасы, поэтому в нем отсутствовали вещи, которые обычно встречаются в жилых помещениях. Были найдены лишь точильный камень, восемь обломков плоских черепиц (керамид) и куски разбитых пифосов. Кроме того, на полу лежали три каменных отщепы.

Следует отметить, что исследование пола помещения показало наличие двух периодов в существовании данного помещения. Под плитовым настилом и под верхним слоем глиняной обмазки пола обнаружена прослойка, состоящая из золы, морской травы (камки), кусочков обгорелого дерева. Весьма возможно, что помещение пережило пожар, после чего было восстановлено.

Помещение 3 ($5.10-5.30 \times 8.15$ м) (рис. 31). Вход устроен в северо-западной стене, ширина дверного проема 0.93 м. Сохранившаяся высота стен 0.30—1.90 м. Как это часто бывает в илуратских домах, юго-западная часть помещения 3 вымощена плитами, пол северо-восточной части — глинобитный: тонким слоем глины покрыта материковая скала, которая предварительно снивелирована.

В помещении имеется несколько обычных загоронок, сложенных из плит. Одна из них находится у входа. Ее образуют два ряда плит, разделенных расстоянием 0.50 м; в каждом ряду по две плиты, с одной стороны более высокие (0.60, 0.80 м), с другой — более низкие (0.40, 0.45 м). В одной из плит сверху имеются два сквозных отверстия.

От противоположной, юго-восточной стены выступает ряд плит, образующих ограждение длиной 2.50 м. Большая плита (высотой 0.75 м) находится возле стены, следующие плиты значительно меньшего размера. У юго-восточной стены сохранилось еще одно сооружение из плит длиной 1.15 м, шириной 0.65 м, высотой 0.37 м. По-видимому, это остатки разрушенной печи. На месте уцелело несколько плиток, из которых были сложены стенки печи.

В северном углу помещения плитами отгорожено пространство (0.80×1 м), служившее, вероятно, для складывания каких-то вещей или материалов.

В помещении открыта большая хозяйственная яма, позднее использованная для свалки мусора. Будучи вырубленной в мягкой рыхлой скале (до глубины 1.80 м), она оказалась непрочной, вследствие этого стенки ямы систематически осыпались. Диаметр горловины ямы 1.20 м, глубина 3 м. Яма оказалась заполненной камнями, золой, пищевыми отбросами (кости животных) и битой керамикой, среди которой преобладали обломки амфор и лепных сосудов. Из найденных в яме вещей должны быть отмечены два светильника III в. н. э. (И/58—62, 63) (рис. 32, 1, 2) и краснолаковая чашка, по-видимому, изделие боспорских керамических мастерских (рис. 33, 1) (И/58—52). На полу в помещении было найдено много обломков амфор, лепных сосудов, костей животных. Встречено также несколько обломков краснолаковой посуды (И/58—41, 46), в том числе ручка-втулка от какого-то сосуда неизвестной формы (И/58—45) (рис. 33, 2), несколько железных гвоздей (И/58—38, 48), костяная пластинка с двумя круглыми отверстиями (И/58—47), глиняная проныз с желобком посередине (И/58—39), обломки лепного сосуда с резным орнаментом на плечиках (И/58—50).

Раскоп к юго-востоку от помещения 3 (в виде полосы шириной в среднем 3.60 м, направленной в сторону башни IV) дал довольно много керамического материала — обломки черепиц, пифосов, амфор. Интересен светильник с тремя рожками (И/58—65) (рис. 32, 3). Такого типа светильник обнаружен в Илурате впервые. Следует также упомянуть зерновидную бусину-пронизь из желтого стекла (И/58—67).

Другой комплекс помещений — 5, 6, 7, 8, 9, сгруппированных вокруг двора 10, — расположен возле оборонительной стены рядом с воротами, с северо-восточной их стороны; комплекс раскопан в 1957—1958 гг.

Названные помещения и двор составляют один дом, обращенный юго-восточным фасадом на улицу, ведущую к воротам. С улицы вход ведет во двор 10. Северо-восточным фасадом дом выходит в переулок, который, начиная от улицы, тянется в глубь квартала — с юго-востока на северо-запад. Переулок шириной 1.40 м вымощен плитами. По другую сторону переулочка открыты фасады стен построек, сохранившихся здесь на незначительную высоту. Характерной особенностью данной части городища, примыкающей к юго-западной оборонительной стене, является резкое понижение поверхности городища на северо-восток. Непосредственно

²² МИА СССР, № 85, с. 108.

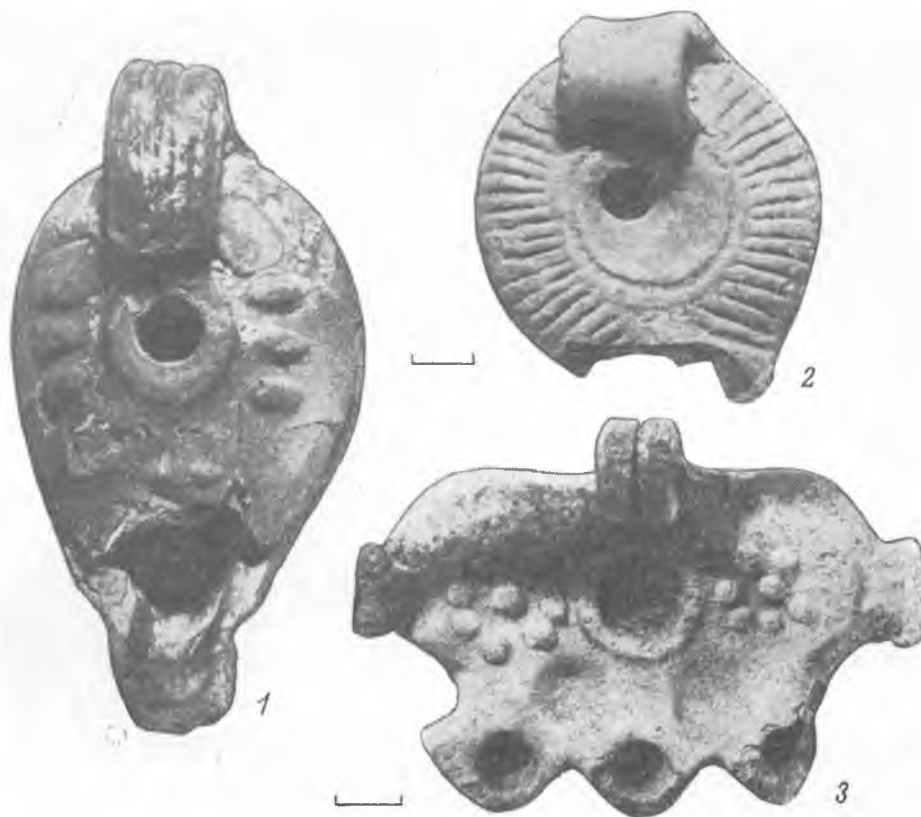

Рис. 32. Участок IV. Святильники из помещения 3 дома у юго-западной куртины оборонительной стены.

1, 2 — из ямы в помещении 3 (И/58—62—63); 3 — найден на площади перед помещением 3 (И/58—65).

Рис. 33. Участок IV. Керамика из ямы в помещениях 3 (1—2) и 10 (3).

1 — краснолаковая чашка (И/58—52); 2 — ручка-штулка (И/58—45); 3 — горло ойнохойи (И/58—94).

Рис. 34. Участок IV. Помещение 10 (двор).

1 — вид с севера; на заднем плане слева — помещение 5; 2 — загородка и начало лестницы в помещении 10, вид с северо-запада.

Рис. 35. Участок IV. Керамика из помещения 5.

1 — кувшин (И/58—76); 2, — горло амфоры (И/58—77); 3 — лепной светильник (И/58—84).

возле стены сохранность прилегавших к ней построек хорошая, но по мере удаления от оборонительной стены их сохранность резко ухудшается. На расстоянии 10 м от крепостной ограды стены построек уцелели лишь на высоту самых нижних рядов кладки. Объясняется это тем, что огромные завалы камня, образовавшиеся при разрушении крепостной ограды в непосредственной близости от нее, надежно прикрыли собой развалины примыкавших к стене зданий. Где этих завалов уже не было, там стены зданий без особенных затруднений можно было разбирать, использовать камень на строительный материал.

Что касается помещений 5, 6, 7, 8, 9, то надо сказать, что еще до раскопок здесь была хорошо видна обширная впадина-яма, которая заставляла предполагать весьма интенсивную добычу камня, когда-то здесь производившуюся. Последующие раскопки это подтвердили. Помещение 8 и прилегающая к нему часть двора 10 оказались сильно разрушенными в результате энергичного извлечения камня.

Вход в дом, как упоминалось, ведет с улицы. Через дверной проем шириной 1.10 м попадаем во двор 10. Интересно, что перед входом со стороны улицы устроен помост из нескольких поставленных на ребро плит, поверх которых

был сделан настил из горизонтальных плит. Сейчас от этого настила на месте сохранились только две плиты,

Двор 10 (3.85×7.75 м) (рис. 34, 1) очень аккуратно вымощен, но вымостка эта сохранилась не вся, местами она уничтожена в результате выборки камня. Непосредственно у входа, возле юго-восточной стены, сохранилось сооружение, состоящее из каменных ступеней лестницы и прилегающей к ним с юго-запада загородки (рис. 34, 2). Две каменные ступени — это нижняя часть лестницы, ведущей на второй этаж. Подобные остатки лестниц открыты во многих илуратских домах. Очевидно, самые ступени делались из камня. Высота ступеней 0.10—0.14 м, длина первой ступени (она сильно изношена) 0.77 м, второй — 0.82 м. Плиты ступеней примыкают к вертикально стоящей плите, которая является юго-восточной стенкой загородки (0.85×1.30 м), сооруженной из хорошо отесанных плит. Юго-восточной стороной является стена дома. С северо-запада в загородке имеется проем шириной 0.46 м, с порогом в виде небольшой тонкой (0.03 м) плитки, выступающей на 0.09 м над уровнем вымостки двора. Пол внутри загородки — материковая скала, которая здесь вырублена специально для

Рис. 36. Участок IV. Костяные иглы из помещения 5 (И/58—87, 91).

того, чтобы несколько углубить обрамленное плитами «помещение», высота которого внутри 1 м. Такого рода ящики, построенные из плит под лестницами, были уже обнаружены раньше в некоторых илуратских домах. Иногда они оказывались заполненными домашним мусором, главным образом золой. Но в данном случае едва ли загородка являлась мусорным ящиком. Обращает на себя внимание наличие проема, который является как бы входом в загородку. Может быть, это было помещение для сторожевой собаки? Недаром оно устроено при входе во двор.

Во дворе, против помещения 6, имеется вырубленная в материковой скале яма, закрытая сверху каменной круглой крышкой диаметром 0.65 м. Вокруг горловины ямы сделано ограждение из вертикально стоящих плит, выступающих над вымосткой двора — с внешней стороны на 0.03—0.04 м, а со стороны горловины — 0.36—0.38 м. Диаметр горловины 0.50—0.60 м, глубина ямы 3.50 м, диаметр дна 2.74 м. Яма оказалась совершенно пустой, на дне лежали только кости мелких грызунов. Возможно, в свое время здесь хранилось зерно, которое и завлекло грызунов в яму.

На дворе 10 было найдено много обломков амфор, преимущественно боспорских, характерных для III в. Изредка встречались обломки светлоглиняных узкогорлых малоазийских ам-

фор. Из красноглиняной гончарной посуды надо отметить обломок верхней части кувшина, украшенного орнаментом в виде косых насечек (И/58—104). Такого рода кувшин, который удалось восстановить из обломков, обнаружен в помещении 5 (рис. 35, 1). Краснолаковая керамика представлена единичными обломками (И/58—92). Кроме того, были найдены два доннышка стеклянных сосудов (И/58—99), горло глиняной ойнохойи (И/58—94), обломки лепных сосудов (И/58—115), в том числе стенки горшка, ornamentированного врезанными зигзагами (И/58—116), обломок сосуда с ручкой, расширяющейся кверху (И/58—114), ручка с выступом (И/58—118, 119), обломок ноги от терракотовой статуэтки (И/58—101), костяные иглы (И/58—93), медная монета (И/58—124), халцедоновая бусина (И/58—97).

На вымостке двора лежали разбитая каменная ступа и кусок круглого жернова от ручной мельницы.

Помещение 5 (2.40—2.90×3.30—3.35 м) от соседнего помещения отделено тонкой стенкой (толщина 0.33—0.35 м), сложенной из небольших штучных камней и плиток (рис. 34, 1). С юго-западной стороны помещение 5, как и следующее за ним помещение 6, ограничено оборонительной стеной, непосредственно к которой и был пристроен дом, тогда как дом по другую сторону улицы (с помещениями 1, 2, 3) был, как уже указывалось, отделен от крепостной ограды особым коридором.

Интересной особенностью помещения 5 является отсутствие у него стены со стороны двора. Отсюда оно было открытым. От двора помещение 5 отделено лишь двумя тонкими плитами высотой 0.23—0.32 м, из которых образован своего рода порог. В эту же линию ограждения северо-восточной стороны помещения 5 входят и боковые плиты описанной загородки.

Пол помещения — материковая скала, которая была покрыта слоем зеленоватой глины. Покрытие это переходит и на стены помещения, из чего следует, что они были оштукатурены глиняной обмазкой. В восточном углу помещения в полу (т. е. в скале) вырублена яма (диаметр 0.93—1 м, глубина 0.48 м).

На полу лежал толстый слой сгоревших и обвалившихся в помещение перекрытий — обугленные куски дерева, куски жженой глины, сгоревшая солома, камка. В южном углу помещения найдена одна целая черепица (керамида). Кровля дома, очевидно, была черепичной.

Хотя помещение 5, несомненно, предназначалось для хозяйственных целей и не было жилым, в слое пожарища здесь найдено много бытовых вещей. Весьма вероятно, что значительная их часть попала сюда в результате по-

Рис. 37. Участок IV. Помещение 6. Деформация оборонительной стены, к которой примыкает помещение.

жара и последовавшего при этом обвала второго этажа. В помещении 5 хранились, очевидно, продовольственные запасы, содержащиеся в амфорах, поэтому-то их здесь (в разбитом виде) оказалось очень много, главным образом боспорских. В одной из амфор сохранились в большом количестве рыбы кости. Вероятно, в сосуде была соленая рыба. На горле амфоры имеется граффити (И/58—74). Интересны горло амфоры (III в. н. э.), венчик которой имеет горизонтальные желобки (И/58—77) (рис. 35, 2), и красноглиняный кувшин, украшенный четырьмя поясами насечек (И/58—76) (рис. 35, 1).

Найдено довольно много обломков лепных сосудов (И/58—78—83). Обнаружены два светильника: один лепной, открытого типа (И/58—84) (рис. 35, 3), другой с рельефной орнаментацией щитка, изготовлен с помощью формы (И/58—85).

В помещении 5 было еще найдено 16 костяных игл (И/58—87, 91) (рис. 36), железные гвозди (И/58—88), ткацкая подвеска с клеймом (оттиск ключа) (И/58—86), обломки стеклянного сосуда.

Помещение 6 (2.10—2.20×4.10 м) примыкает к оборонительной стене, которая в этом месте сильно пострадала. Ввиду того что у основания стены в помещении были вырублены в полу ямы для пифосов (рис. 37), кладка облицовки сползла в эти ямы и значительная часть стены обвалилась. Помещение служило кладовой. В нем стояли три больших пифоса, остатки которых обнаружены в ямах. Обломки пифосов были разбросаны по всему помещению.

От двора 10 помещение было отделено сте-

ной, сложенной очень тщательно из штучного камня (рис. 34, 1). Толщина стены 0.40—0.43 м, наибольшая сохранившаяся высота 0.70 м. Ширина дверного проема 1.50 м. Из двух тонких (0.06 м) плит в нем устроен порог высотой 0.16 м, к которому примыкает каменная ступень. Полom служит скала, которая была выравнена и смазана глиной.

В помещении наряду с обломками амфор найдены обломки лепных сосудов, в том числе с красным и бурым лощением (И/58—108, 109), светильник (И/58—111) (рис. 38, 1), глиняное колесико (может быть, от игрушечной терракотовой повозки) (И/58—113) (рис. 38, 2), 8 железных гвоздей, зооморфная ручка глиняного сарматского сосуда (И/58—100) (рис. 38, 3).

По другую, северо-восточную сторону двора расположены помещения 7 и 8, из которых второе настолько разрушено, что план его восстановить невозможно.

Помещение 7 (3.10—3.25×3.60 м). Вход со стороны двора через дверной проем шириной 0.75 м (рис. 39). Наибольшая сохранившаяся высота стен 0.58 м. Пол вымощен плитами. По видимому, помещение 7 сообщалось с соседним помещением 8. В разделявшей их стене, очевидно, был проем, но точно восстановить его невозможно из-за разрушенности этой стены. Никаких вещевых находок помещение не дало.

Возле помещения 7 на улице выявлены две ямы. Одна из них (юго-западная) имеет тщательно оформленную горловину, обрамленную круглой оградой из вертикально поставленных плиток. Возможно, что обе эти ямы принадлежали дому, рядом с которым они находятся.

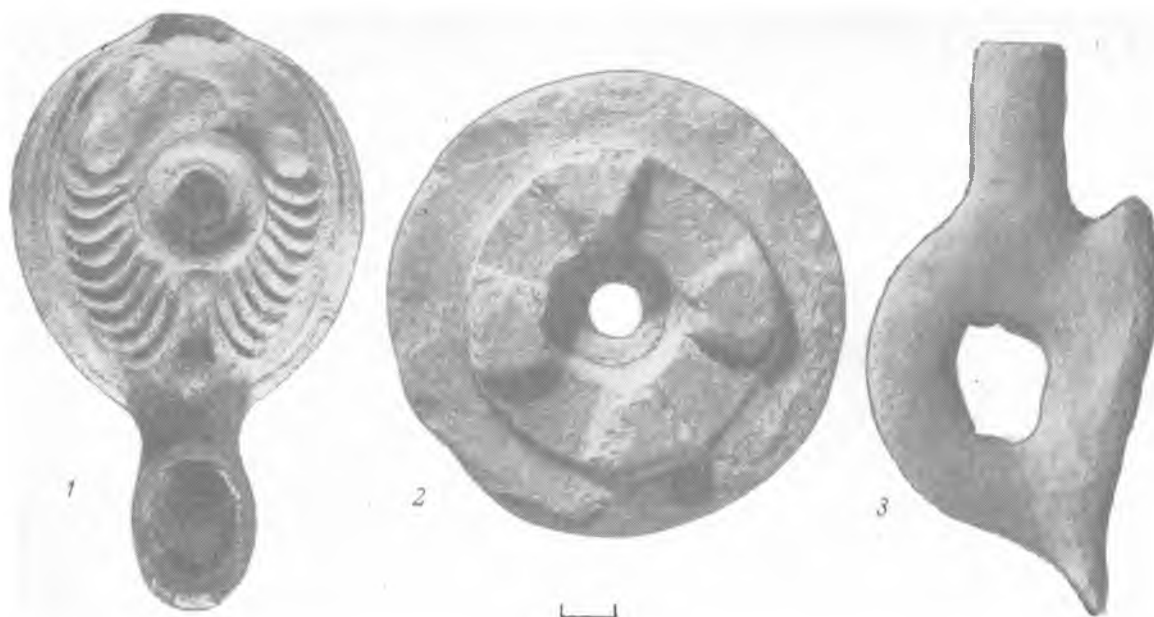

Рис. 38. Участок IV. Керамика, найденная в помещении 6.

1 — светильник (И/58—111); 2 — глиняное колесо (от игрушечной повозки?) (И/58—113); 3 — зооморфная ручка сарматского сосуда (И/58—100).

Рис. 39. Участок IV. Помещение 7. Вид с северо-востока.

Помещение 8 (3.60—4.40×8—8.10 м) очень сильно разрушено. Северо-восточная стена (со стороны переулка) местами разобрана до основания. Почти совершенно уничтожена юго-западная стена. Однако уцелевший ее фрагмент на стыке со стеной, отделяющей помещение 8 от помещения 12, позволяет вполне уверенно определить границы помещения 8, как это и показано на плане. Помещение 8 имело, несомненно, хозяйственное назначение, что подтверждается наличием трех ям, вырубленных в материковой скале, служившей полом. Возможно, пол был вымощен, но от вымостки никаких следов не сохранилось. При хищнической выборке камня (вероятно, в сравнительно недавнее время) пол подвергся разрушению, при этом был даже сбит верхний слой скалы. Уцелели только ямы. Одна из них глубиной 0.60 м, другая — 0.68 м; третья яма, самая большая, была уничтожена вместе с полом. Глубина этой ямы 1.97 м, диаметр вверх 0.87 м, у дна — 1.55 м. Как была оформлена ее горловина, неизвестно. Дно подтесано, ровное. В засыпи ямы найдено много керамики, больше всего обломков крупных боспорских амфор III в. н. э. (И/59—17) и лепной посуды (И/59—26, 27). Встречены также обломки стеклянных (И/59—28) и глиняных краснолаковых (И/59—19, 23, 29) сосудов (рис. 40, 1), глиняная ткацкая пирамидальная подвеска, на одной стороне которой имеется знак X, исполненный вдавленными точками (И/59—30) (рис. 40, 2). Вместе с обломками керамики найдено каменное колесико неизвестного назначения (И/59—129).

Помещение 9 (3.30—3.75×5.80—6.25 м) примыкает к оборонительной стене. Это самое большое помещение дома (рис. 41). Вход в него со двора. Дверной проем (ширина 1.0 м), сохранившийся только в самой нижней своей части, тщательно облицован плитами. Сообщалось ли помещение 9 с помещением 8, сказать трудно, так как разделявшая их стена в большей своей части погибла. Стена, отделявшая помещение 9 от двора 10, сохранилась плохо. Возле дверного проема на протяжении 1 м она уцелела в высоту до 0.75 м, дальше (на протяжении еще 1 м) сохранился лишь нижний ряд кладки, а затем стена совсем исчезает, так как камни здесь полностью выбраны. Значительно лучше сохранилась стена, отделяющая помещение 9 от помещения 6. Правда, она несколько деформировалась (выпята своей средней частью в сторону помещения 9), но высота ее возле оборонительной стены достигает 2.30 м. К северо-востоку она понижается до 0.73 м. В кладке стены наряду с буютом использованы отдельные, хорошо обработанные блоки.

Юго-западной стороной помещения является оборонительная стена. Основание ее образует

Рис. 40. Участок IV. Керамика из помещения 8.

1 — краснолаковый сосуд (И/59—23);
2 — ткацкая подвеска (И/59—30).

скала, подтесанная с лицевой стороны. Высота этого скального основания 0.45 м. В пределах помещения от облицовки оборонительной стены уцелело до четырех рядов кладки, состоящей преимущественно из грубых глыб мшанкового известняка. Наружные стороны их обколоты довольно небрежно, промежутки между крупными камнями заполнены буютом. Сохранившаяся высота оборонительной стены (с облицовочной кладкой) 1.50—1.85 м.

Северо-западная сторона помещения состоит из трех частей. Непосредственно возле оборонительной стены в помещение выходит своим юго-восточным торцом стена лестницы, ведущей на оборонительную стену (рис. 42). Стена эта, по которой с северо-запада шла лестница, пристроена впритык к оборонительной стене и является как бы ее утолщением шириной 1.20 м. Кладка лестничной стены состоит из очень тщательно отесанных блоков. В помещении 9 торцовая часть стены имеет высоту 1.80 м. Заподлицо с торцом лестничной стены пристроена стена (ее длина 4 м), отделяющая помещение 9 от соседнего помещения 11, принадлежавшего другому дому. Сохранившаяся высота стены от 1.20 до 2.07 м. Своим северо-восточным концом эта стена (в ней устроена ниша) смыкается с южным углом юго-восточной стены помещения 12, сложенной из крупных блоков известняка (сохранились два ряда кладки) и несколько выступающим (на 0.20 м) внутрь помещения. Стена с нишей сложена из бута на глине, но в той части, где она примыкает к лестничной стене, в кладку включены хорошо обработанные блоки. Упомянутая ниша находится на высоте 0.43 м от пола и обрам-

Рис. 41. Участок IV. Помещение 9. Вид с северо-востока.

Рис. 42. Участок IV. Лестница на оборонительную стену. Вид с юго-востока, из помещения 9.

Рис. 43. Участок IV. Помещение 9 (загородка в западном углу).

лена тесаными камнями. Оригинальной особенностью ниши является наличие в ней полки, придающей нише характер своеобразного шкафчика с двумя отделениями — верхним и нижним. Полочка сделана из каменной плитки толщиной 0.05 м. Она оказалась разбитой, но отломанные куски находились в нише.

Пол в помещении 9 — глинобитный слой глины — лежит на материковой скале. Только в юго-западной части помещения пол выложен отдельными плитами. Южный угол помещения занимает сильно разрушенная печь обычного для илуратских домов типа. На расстоянии 0.75 м от печи к юго-восточной стене примыкает четырехугольное маленькое сооружение — загородка (0.45×0.47 м, высота 0.25—0.35 м), образованная четырьмя каменными плитками, поставленными на ребро и впущенными нижними своими концами в пол. Возможно, это был очажок, так как над ним стена сильно обожжена.

В противоположной стороне помещения находится длинный узкий заком (1.94×0.50 м, глубина 0.30 м), внешние стороны которого сложены из плит (рис. 41, 43). Каждая из плит, ограждающих заком с юго-восточной стороны, имеет у верхнего края по одному сквозному отверстию диаметром 0.05—0.10 м. Северо-восточный конец закома замыкал гранитный четырехугольный жернов (0.37×0.47 м, высота 0.12 м). По-видимому, он был использован в качестве строительного материала после того, как износился и стал непригодным для дальнейшего употребления. Интересно, что жернов сохранил следы ремонта: пробойна, образовавшаяся в дне контейнера, куда насыпали зерно, была замазана белым раствором. Тут же в закреме лежала разбитая на два куска нижняя гранитная плита мельницы с рифленой верхней поверхностью. Недалеко от описанной загородки возле стены лежала другая нижняя плита от такой же ручной рычажной мельницы.

Надо отметить вырубленную в материковой скале яму; она обнаружена при исследовании пола у самого входа в помещение. Несомненно, яма сооружена до постройки данного помещения, так как стена, заканчивающаяся притолокой входного проема, возведена над ямой, которая при постройке стены была, конечно, засыпана. Яма имела, очевидно, хозяйственное назначение. Она круглая, ее диаметр сверху 1.40 м (рис. 41). Расчистить яму можно было только частично, чтобы не разрушить находящиеся над нею остатки стены. Яма оказалась заваленной камнями, а сверху — слоем глины в уровень с полом. На месте ямы лежало четырехугольное каменное корыто (длина 0.50 м, ширина 0.42 м, высота 0.45 м, внутренние размеры: 0.34×0.30 м, глубина 0.17 м).

Помещение 9, как и другие помещения домов, расположенных непосредственно возле оборонительной стены, было сплошь забито огромной массой камня; глубина завала достигала 3 м, постепенно уменьшаясь к северо-востоку. В завале преобладал бутовый камень, все же довольно много встречалось хорошо обработанных плит, а порой огромных блоков, принадлежавших, очевидно, облицовочной кладке оборонительной стены. Среди камней завала встречались и обломки различной керамики. Культурный слой в помещении залегал под завалом на полу, свидетельствуя прежде всего о пожаре, которым закончилось существование дома.

Из находок в завале отметим несколько обломков сероглиняных лощеных сосудов (И/59—8—10); краснолаковой керамики, лепной посуды — мисок, горшков, в том числе с орнаментированными венчиками (И/59—5). К группе лепных керамических изделий относятся открытого типа продолговатый светильник (И/59—3) (рис. 44, 1). Упомянем обломки (нижнюю часть) стеклянного бальзамария (И/59—11) и глиняной подставки, применявшейся при обжиге сосудов в горне (И/59—14),²³ глиняную ткацкую подвеску пирамидальной формы (И/59—15), костяную иглу (И/59—16). Особенно интересно донышко чернолакового сосуда эллинистического времени (И/59—13); как известно, в Илурате лишь изредка встречаются отдельные обломки доримской (IV—III в. до н. э.) керамики. За двадцать раскопочных сезонов таких обломков найдено всего около десятка. В этой связи следует отметить обнаруженную непосредственно на полу помещения 9 ручку синопской амфоры с очень хорошо сохранившимся астиномным клеймом (И/59—33).

Слой пожарища, перекрывавший весь пол помещения, заключал в себе очень много вещей, главным образом битой керамики. В частности, здесь обнаружены разбитые три большие боспорские амфоры — одна гладкостенная и две с желобчатыми туловами, покрытыми светлой обмазкой. Интересно, что ни одну из амфор не удалось собрать полностью из-за отсутствия многих обломков. Это подтверждают уже ранее сделанные наблюдения относительно илуратских жилых комплексов. После пожара (вероятно, в 60-х годах III в. н. э.) большинство заброшенных домов, несомненно, не раз обыскивалось в целях извлечения годных для употребления вещей, прежде всего имевших более или менее значительную материальную ценность. Такого рода поиски, которые, очевидно, вели жители уцелевших окрестных по-

²³ Там же, с. 55, рис. 42.

Рис. 44. Участок IV. Керамика из помещения 9.

1 — лепной светильник (И/59—3); 2—4 — светильники на ножке (И/59); 5 — фрагмент терракотовой шкатулки (И/58—52).

Рис. 45. Участок IV. Помещения 12 и 13 (на заднем плане). Справа видна лестница на оборонительную стену (вид с северо-востока).

селений, приводили к нарушению слоя пожара, к разбрасыванию обломков разбитой глиняной посуды и т. д. Последствия этого вполне отчетливо ощущаются при разборке культурного слоя (пожарища), покрывающего полы помещений. Несмотря на обилие керамических находок, далеко не всегда удается обнаружить все фрагменты, принадлежавшие тому или иному предмету.

Среди амфорных обломков в помещении 9 интересно дно амфоры не встречавшегося ранее типа (И/59—32). Обнаружены также куски пифосов, обломки простой красноглиняной посуды и краснолаковых сосудов II—III вв. Особенно многочисленна, как всегда, лепная посуда (горшки, миски). Один одноручный горшочек оказался почти целым. В другом разбитом лепном сосуде оказались остатки обуглившихся зерен ячменя.

Найдена серия светильников: 6 лепных на ножке разных размеров (рис. 44, 2—4), один краснолаковый и один красноглиняный. Любопытны обломки терракотовых шкатулок (рис. 44, 5). Кроме того, из слоя пожара извлечены 19 пирамидальных ткацких подвесок, в том числе 6 совсем целых, глиняное пряслице, костяные иглы, астрагалы, заготовка из рога, обломок черепицы, точильные камни, каменные растиралки. Из железных вещей найдены гвозди, обломки нескольких ножей. Особенно стоит находка обломков двух каменных полированных топоров эпохи бронзы. Напомним, что в Илурате такого рода предметы довольно регулярно встречаются среди вещей I—III вв. н. э.

Переходим к рассмотрению другого дома, в состав которого входят помещения 11, 12, 13. Вероятно, к этому же дому относилось еще несколько помещений, находящихся на нераскопанной части городища. Поэтому было бы преждевременно сейчас реконструировать план дома в целом. Даем описание лишь того, что уже открыто.

Прежде всего остановимся на высшей ступени интересном сооружении, которое открыто в пределах рассматриваемого дома и связано с оборонительной оградой. Этого сооружения мы уже касались, когда говорили о помещении 9. Имеем в виду пристроенную к оборонительной ограде стену с лестницей для входа на верх оборонительной ограды. Юго-восточная торцовая часть этой лестничной стены выходит в помещение 9. Лестничная стена на всем протяжении находится в пределах помещений 11 и 13, причем в помещении 13 сохранились первые ступени самой лестницы (рис. 45). Следовательно, вход на лестницу начинался в помещении 13. Вместе с тем очевидно, что помещения 11 и 13 примыкают не просто к фасаду

Рис. 46. Участок IV. Ступени лестницы на оборонительную стену.

оборонительной оградой, а к лестничной стене. Длина этого сооружения от нижней ступени лестницы и до юго-восточного торца стены 10.95 м, ширина 1.20 м. Лестничная стена, пристроенная вплотную к тыльной стороне оборонительной ограды, облицована тщательно обработанными квадратами, сложенными насухо. Внутреннее заполнение стены состоит из бута и глины. Сохранившаяся ее высота 1.25—1.83 м. Уцелело семь ступеней лестницы (рис. 46), из них шесть образованы кладкой лестничной стены и по своей длине соответствуют толщине лестничной стены; ширина каждой ступени (проступь) 0.25—0.28 м, высота 0.20—0.30 м. Нижняя же ступень, т. е. первая, состоящая из двух плит, несколько выступает за линию лестничной стены (длина ступени 1.60 м, ширина 0.45 м, высота 0.20 м).

Лестничная стена и часть сохранившихся ступеней позволяют высчитать приблизительно

высоту оборонительной ограды. Если допустить, что на самом верху была площадка для перехода на крепостную ограду длиной 1.50 м и что в средней части лестницы была промежуточная площадка примерно таких же размеров, то останется приблизительно 8 м лестничной стены, на протяжении которых располагались ступени. Учитывая их ширину (в среднем 0.25 м), придется предположить около 30 ступеней, сгруппированных, вероятнее всего, в два марша. Поскольку средняя высота ступени 0.25 м, то получится, что высота оборонительной ограды равнялась приблизительно 7.50 м.

Обратимся теперь к помещениям дома, пристроенного к лестничной стене. Своим северо-восточным фасадом дом выходит в переулок, откуда, несомненно, был вход, но, где именно он находился, пока не выяснено. Можно лишь предполагать, что двором служило помещение 13, откуда имеются входы в прилегающие помещения 11 и 12.

Помещение 11 (2.40×3.95 м). В стене, отделяющей помещение от двора 13, сохранилась нижняя часть дверного проема шириной 0.90 м. Пол в помещении состоит из плотно утрамбованного слоя глины, покрывающего материковую скалу. На полу лежало большое количество разбитой керамики. Преобладали обломки боспорских больших амфор; судя по горлам и днищам, здесь находилось не менее шести таких амфор. Обломки их были беспорядочно разбросаны и перемешаны, причем и в данном случае ни одна из амфор не могла быть собрана полностью. Многочисленны и обломки лепных сосудов. Краснолаковая керамика представлена всего лишь несколькими обломками (И/59—89). Среди керамических обломков оказался и фрагментированный красноглиняный светильник (И/59—90). В помещении обнаружено также несколько обломков черепицы (керамиды). Надо упомянуть и находку, выходящую далеко за хронологические рамки всей массы вещевого материала, — обломок каменного топора эпохи бронзы (И/59—91).

Помещение 12 (5—5.25×9—9.30 м). В юго-западной стене помещения хорошо сохранился дверной проем шириной 1.42 м. Косяки сложены из отесанных плит, причем северо-западный косяк (в пределах сохранившейся его части) состоит из большой, поставленной вертикально плиты (высота 1.16 м, ширина 0.80 м, толщина 0.20—0.26 м) и положенного на нее квадрата, который своей тыльной стороной впущен в кладку стены. Проход через проем имеет две ступени, так как пол в помещении 12 расположен на 0.35 м ниже уровня пола во дворе 13. Верхняя ступень состоит из большой плиты (длина 1.30 м, ширина 0.60 м, высота

0.25 м); посредине с передней стороны в нее вставлен кусок другой плиты (вроде заплаты).

Юго-западная часть помещения имеет типично вымощенный плитами пол (рис. 47). Однако вымостка эта сохранилась не вся, частично она выбрана. В северо-западной половине пол вымощен хуже. Плиты здесь уложены не так ровно, иногда они только заполняют промежутки между выступающими участками скалы. Сверху пол был выровнен глиной.

В западном углу находится печь, ничем не отличающаяся по своему устройству от многочисленных открытых ранее плуратских печей. Внешний корпус ее сложен из каменных плиток, поставленных на ребро. В плитовом корпусе спереди (т. е. с северо-восточной стороны) имеется проем шириной 0.45 м — это устье, через которое в печь закладывали топливо. Размеры печи: длина 1.60 м, ширина 1.10 м, высота около 0.30 м. Так как илуратские домашние печи после их открытия быстро разрушались, было решено воздержаться от внутренней расчистки данной печи, чтобы обеспечить ее сохранность.

В южном углу устроена загородка (длиной 1.24 м), состоящая из двух вертикально поставленных плит, расположенных параллельно юго-западной стене помещения, на расстоянии 0.70 м от нее (рис. 47). Примыкающая к юго-восточной стене помещения первая плита (ее высота 0.60 м) имеет сверху сквозное отверстие. Вблизи дверного проема, перпендикулярно юго-западной стене примыкает другая, большая массивная плита (высота 1.20 м, ширина 0.95 м, толщина 0.15 м). Она завершается грубообколотым и обращенным кверху выступом. У верхнего переднего угла сделано сквозное отверстие. Возможно, что загородка, состоящая теперь из двух плит, раньше доходила до большой плиты, которая могла замыкать загородку с ее торцевой северо-западной стороны.

Близ северо-восточной стены в полу имеется правильной круглой формы яма, вырубленная в материковой скале. Глубина ямы 1 м, верхний диаметр 1.05 м, диаметр дна 0.40 м. В яме оказалось довольно много битой керамики: обломки пифосов (И/59—92), простые амфор, фрагментированная краснолаковая тарелочка (И/59—93), обломки лепных сосудов, лепной светильник (И/59—94), обломок дна стеклянного сосуда, обломок плоской черепицы, кости животных.

Пол помещения покрыт толстым слоем золы. В этом зольном слое и под ним, т. е. непосредственно на полу, обнаружено довольно много обломков керамики обычного для илуратских домов ассортимента. Прежде всего это обломки боспорских крупных амфор — с гладкими и желобчатыми стенками, лепные

Рис. 47. Участок IV. Помещение 12 (южная часть).

Рис. 48. Участок IV. Помещения 13 и 11 (на заднем плане). Вид с северо-запада.

Рис. 49. Участок IV. Проход с улицы в помещение 13. Вид с юго-запада.

сосуды, в том числе целый горшочек (И/59—83а), фрагментированная чашечка (И/59—84), обломки горшка с биконическим туловом (И/59—99), светильник на ножке (И/59—85). В небольшом количестве представлена краснолаковая керамика — обломки чашек (И/59—83) и тарелок, обломок блюда (И/59—82). Незыблемой принадлежностью домашнего инвентаря являются пирамидальные ткацкие подвески. Две такие подвески найдены и в помещении 12 (И/59—86).

Помещение (двор) 13 (4.05×8.30 м). Пол тщательно вымощен разномерными плитами. К юго-восточной стене, у входа в помещение 11, пристроена загородка (0.90×1.35 м), состоящая, как всегда, из поставленных на ребро плит (рис. 48). Юго-западную стену загородки образует одна большая, хорошо отесанная плита (длина 0.84 м, высота 0.63 м, толщина 0.10 м), со сквозным отверстием в верхнем

(северо-западном) углу. Северо-западная стенка загородки (высота ее 0.43—0.56 м) состоит из двух плит, причем одна из них сверху сильно оббита. От северо-восточной стены уцелела только нижняя часть плиты высотой 0.20 м. Она не доходит до стены, вернее, до косяка дверного проема, на 0.32 м.

В непосредственной близости от стены с лестницей, ведущей на оборонительную ограду, находятся три расположенные в ряд большие ямы-зернохранилища (рис. 26 и 48). Все они вырублены в материковой скале, а их горловины обрамлены оградками из вертикально поставленных каменных плит и снабжены круглыми каменными крышками. Очень хорошо сохранились горловины крайней юго-восточной ямы (I) и средней ямы (II); у северо-западной ямы (III) часть горловины разрушена; оградка, окружающая горловину, также повреждена.

Яма I. Глубина 2.20 м, диаметр горловины 0.50—0.57 м, диаметр дна 1.85 м, диаметр оградки (из 11 плиток) 1.10 м, высота 0.35—0.39 м, диаметр крышки 0.65—0.70 м, толщина ее 0.07 м.

Яма II. Глубина 2.0 м, диаметр горловины 0.53 м, диаметр дна 2.20 м, диаметр оградки (из 11 плиток) 0.92 м, высота ее 0.20—0.30 м, диаметр крышки 0.60—0.65 м, толщина ее 0.07 м.

Яма III. Глубина 2.06 м, диаметр горловины 0.41 м, диаметр оградки (она, по-видимому, состояла из 12 плиток) 0.90 м, высота ее 0.30—0.35 м, диаметр крышки 0.76 м, толщина ее 0.07 м.

Ямы II и III оказались совершенно пустыми, в яме I на дне обнаружено некоторое количество обломков лепных сосудов, фрагментированный лепной горшок (И/59—101), обломки стенок боспорских амфор, кости животных.

На полу в помещении 13 найдено значительное количество обломков амфор III в., главным образом боспорских, кроме того — малоазийских узкогорлых. Довольно много оказалось также обломков лепной посуды, в том числе часть горшка с прямоугольной в сечении ручкой (И/59—102).

С северо-западной стороны помещение 13 ограничено стеной помещения 16, а своим юго-западным концом стена примыкает к фасаду оборонительной ограды, причем расположена она очень близко от лестницы. Сохранившаяся высота стены 0.50—0.70 м (два-четыре ряда кладки).

В комплекс дома входит и мощный коридорообразный проход 14, который вел из переулочка во двор 13 (рис. 49). Ширина прохода 14 1.50—1.60 м, длина 5.95 м. С открытием прохода 14 выявился наружный фасад северо-за-

Рис. 50. Участок IV. Кладка тыльной стороны оборонительной стены. Вид из помещения 15.

Рис. 51. Участок IV. Двор 15 (на переднем плане), помещение 17 (слева, на заднем плане), помещение 16 (справа) и проход 18. Вид с юго-запада.

Рис. 52. Участок IV. Помещение 16. Вид с юго-запада.

Рис. 53. Участок IV. Помещение 16 (печь у северо-западной стены его).

падной стены помещения 12. Сохранившаяся высота этой стены 0.90—1.65 м.

По другую сторону прохода находится следующий дом. Ему принадлежит частично раскопанный большой двор 15, помещение 16 (раскрыто полностью) и помещение 17 (раскопана только юго-восточная его часть). Со стороны улицы в дом, вернее, в его двор, ведет проход 18. Стены помещения 16 пристроены впритык к оборонительной стене. Она же ограничивает с юго-запада двор 15, но он тут основательно разобран. Нетрудно отгадать, почему именно эта часть облицовки оборонительной стены привлекла к себе особое внимание добывателей камня. Облицовочная кладка отличается здесь особенно высоким качеством строительного материала. Кладка состоит из хорошо обработанных правильных плит, причем многие плиты отделаны в руст (рис. 50). Сохранилось от одного до четырех рядов кладки, наибольшая высота уцелевшей ее части 1.30 м. В помещении 16 стена сохранилась больше — до 2 м. Но там кладка не столь тщательная, наряду с тесаными плитами в нее включены нерегулярные камни и даже бут.

Следует отметить, что это первый случай, когда в Илурате обнаружена (в пределах двора 15) такая хорошая кладка облицовки оборонительной стены. Особенно примечательно наличие в ней плит с рустами. Естественно предположить, что эти плиты использованы вторично, т. е. добыты из какого-то более раннего сооружения, разобранного в целях полу-

Рис. 54. Участок IV. Хозяйственная яма во дворе 15.

Рис. 55. Участок IV. Мраморная женская голова, найденная в каменном завале.

чения строительного камня. Но где оно находилось? Может быть, на месте Илурата? Не исключено, что дальнейшие раскопки дадут ответ и на этот вопрос.

Вход во двор 15 вел из коридора 18 (рис. 51). Как и двор, он вымощен плитками известняка. Длина коридора 5.40 м, ширина 1.40 м. Из двора имеется вход в помещение 16, являвшееся, вероятно, главным помещением в данном доме. Одна сторона дверного проема, образованная массивной, тщательно отесанной плитой, сохранилась, другая уничтожена. Сохранившиеся три ступеньки — спуск в помещение 16 — позволяют установить ширину дверного проема — 1.12 м. Рядом со ступеньками на полу помещения лежит поврежденная каменная ступа; дно у нее отбито. Уровень пола в помещении на 0.70 м ниже вымостки двора 15.

Помещение 16 — большое (5.25×11.50 м) (рис. 52). Полom его служит скала (материк), искусственно выравненная и смазанная сверху глиной. Местами в глиняное покрытие впущены известняковые плитки. Сплошная вымостка сделана только в юго-западной части помещения. Она тут покрывает пол во всю ширину помещения; в длину вымостка достигает 2.60 м.

В средней части помещения, в полу, имеется круглое отверстие — горловина ямы, вырубленной в материковой скале и служившей, очевидно, для хранения провианта. Диаметр отверстия 0.60 м, глубина ямы 2.70 м, диа-

метр на уровне дна 2.70 м. Яма закрывалась круглой каменной крышкой.

В яме найдено довольно много обломков керамики — желобчатые стенки амфор, зооморфная ручка сероглиняного сосуда (И/60—20), обломки лепной миски с наклепными ручками в виде дужек (И/60—22), обломки стеклянного бокала (И/60—23).

К северо-западной стене, на расстоянии 1.80 м от входа, пристроена печь обычного для илуратских домов типа (рис. 53). Размеры ее: 1.50×1.65 м, высота 0.65 м. Корпус печи сложен из плит и обмазан глиной с примесью самана. Внутри топки стоят два каменных столбика высотой 0.40—0.42 м. Кроме того, с северо-восточной стороны к центру топки направлен выступ, поддерживавший (вместе со столбиками) плоское глиняное покрытие топки, в котором было отверстие для выхода дыма. Устье топки (шириной 0.40 м) сохранилось достаточно хорошо. Внутри топки обнаружены куски верхней глиняной плиты толщиной 5 см. При расчистке печи встречено несколько обломков керамики, в том числе обломки краснотерракотовых сосудов (И/60—24).

В южном углу печи сохранились остатки полуразрушенного очажка обычной П-образной формы.

Против входа к юго-восточной стене примыкает хозяйственная загородка, образованная девятью отвесно поставленными плитами. Одна из них, стоящая с юго-западной стороны, значительно больше других; ее высота 1.10 м, ширина 0.96 м, толщина 0.15 м. В плите сделано сверху сквозное отверстие. Высота остальных плит 0.40—0.88 м. Между самой большой плитой и стенкой помещения оставлен открытый промежуток шириной 0.70 м, который является как бы входом в огороженное плитами пространство. Внутри загородки найден обломок черепицы, часть узкогорлой амфоры и кусок стенки амфоры с граффити (И/60—9).

Загородка полукруглой формы, высотой около 0.30 м, сложенная из слабообработанных камней, имеется в восточном углу помещения (рис. 52). К юго-восточной стене приставлены две плиты, расположенные одна от другой на расстоянии 1.90 м.

На полу помещения 16 найдено большое количество керамики — разбитые амфоры, краснотерракотовые и лепные сосуды; все это в сильно измельченном виде, так как помещение было забито громадным завалом камней, падавших сюда при разрушении оборонительной стены. В северо-восточной части помещения обнаружен разбитый пифос. Еще в древности он был починен, сохранились свинцовые скрепы. В общем керамический материал совершенно такой же, какой обычно встречается в илурат-

ских домах. Отметим найденную на полу в помещении 16 южнопонтийскую узкогорлую амфору, которую удалось восстановить из многочисленных обломков.

Раскопки второго помещения дома — 17 — остались незаконченными. Еще не весь раскрыт и двор 15. Он тщательно вымощен. Во дворе открыта круглая в плане хозяйственная яма, находящаяся на расстоянии 0.60 м от оборонительной стены (рис. 54). Горловина ямы четырехугольная (0.80×0.90 м, глубина 0.65 м). Яма расширяется книзу; глубина ее 2.60 м, диаметр у дна 1.50 м. Яма вырублена в скале, имеющей трещины, заделанные камнями и замазанные глиной.

Первоочередными задачами раскопок в Илурате являются завершение исследования комплекса помещений 15—18 и окончание раскопки юго-западной оборонительной стены.

Дома, примыкающие к юго-западной оборонительной стене, в общем соответствуют обычной для Илурата планировке жилых усадеб. Однако каждый вновь открываемый дом вносит некоторые новые штрихи. Так, например, только в помещении 9 оказалась оригинальная ниша, выполнявшая функции стенового шкафа. Ни в одном доме, раскопанном в предшествующие годы, подобной ниши не было выявлено. Интересно и помещение 13 с его внушительным подземным амбаром в виде трех расположенных рядом, очень вместительных зерновых ям, снабженных хорошо обработанными горловинами.

Из вещевых находок особенно ценна мраморная женская головка, найденная в завале (И/59—100) (рис. 55). Очевидно, в домах состоятельных жителей Илурата были и довольно дорогие предметы художественного ремесла, например мраморные статуэтки.

В высшей степени интересным представляется открытие монументальной лестницы, ведущей на оборонительные стены. Такого рода сооружение, связанное с фортификацией, в Илурате открыто впервые. Оно позволяет, как это показано выше, вычислить более или менее точно высоту илуратских оборонительных стен.

Таким образом, в результате трех полевых кампаний (1958—1960 гг.) удалось раскрыть большую часть юго-западной оборонительной стены и прилегающих к ней кварталов. Однако огромная толща каменных завалов, которую пришлось разбирать, создавала исключительно трудные условия и очень замедляла раскопки. Из-за этого нам не удалось осуществить намеченный план — дойти до западного конца стены, где, очевидно, стояла угловая башня (V), хотя до нее осталось пройти совсем небольшое расстояние.

Список сокращений

АДЖ	— Ростовцев М. А. Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1914.	ИГАИМК	— Известия Государственной академии истории материальной культуры.
АК	— Имп. Археологическая комиссия.	КБН	— Корпус боспорских надписей. М.—Л., 1965.
АИБ	— Сб. «Археология и история Боспора». Симферополь, 1952.	КСИА	— Краткие сообщения Института археологии АН СССР.
ГЭ	— Государственный Эрмитаж.	КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР.
ДБК	— Древности Босфора Киммерийского. СПб., 1854.	ЛОИА	— Ленинградское отделение Института археологии АН СССР.
ЗОАО	— Записки Одесского археологического общества.	МАР	— Материалы по археологии России.
ЗООИД	— Записки Одесского общества истории и древностей.	МИА СССР	— Материалы и исследования по археологии СССР.
ИАК	— Известия имп. Археологической комиссии.	ОАК	— Отчет имп. Археологической комиссии.

Виктор Францевич Гайдукевич

БОСПОРСКИЕ ГОРОДА

(Уступчатые склепы. Эллинистическая усадьба. Илурат)

Утверждено к печати Институтом археологии АН СССР

Редактор издательства *Р. К. Паэгле*. Художник *Д. С. Данилов*

Технический редактор *И. М. Кашеварова*

Корректоры *Г. А. Мошкина, А. Х. Салтанаева*

ИБ № 9108

Сдано в набор 14.04.81. Подписано к печати 21.09.81. М-19115. Формат 84×108¹/₁₆.

Бумага типографская № 2. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая.

Печ. л. 8¹/₂=14.28 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 15.04. Тираж 3400. Изд. № 7522.

Тип. зак. 295. Цена 1 р. 60 к.

Ленинградское отделение издательства «Наука»

199164, Ленинград, В-164, Менделеевская линия, 1

Ордена Трудового Красного Знамени Первая типография издательства «Наука»

199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12